

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.

ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 3, 2013

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

канд. полит. наук *Н. Г. ОЧИРОВА*

Заместители главного редактора:

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева,*

канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель),

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*,

чл.-кор. РАН *В. М. Гацак*, д-р экон. наук *О. В. Иншаков*,

д-р ист. наук *К. Н. Максимов*, д-р ист. наук *И. Ф. Попова*,

д-р фил. наук *М. И. Магомедов*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),

чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров*, д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*,

канд. юр. наук *Л. В. Батиев*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*,

д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*,

д-р с.-х. наук *Э. Б. Габунцина*, д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*,

канд. фил. наук *Б. А. Кичикова*, канд. фил. наук *В. В. Куканова*,

д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*,

д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,

д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев*,

канд. ист. наук *В. П. Санчиров*, д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*

Адрес редакции и издателя:

358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Сайт: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<i>Бугай Н. Ф.</i> Проблема территорий как составная часть национальной государственной политики в условиях принудительных переселений: идеология и практика 5 <i>Кринко Е. Ф.</i> Депортация народов и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1943–1944 гг. 17 <i>Максимов К. Н.</i> Общественно-политическая ситуация в Калмыцкой АССР в 1943 г. 26 <i>Лиджиева И. В.</i> Правовой статус спецпереселенцев в СССР в 40–50-е гг. XX в. 34 <i>Очирова Н. Г.</i> Насильственное переселение калмыцкого народа и проблемы демографии 40 <i>Зберовская Е. Л.</i> Калмыки-спецпереселенцы в Сибири: проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации 46 <i>Оконова Л. В.</i> Депортация немцев из Калмыцкой АССР 52 <i>Бурыкин А. А.</i> Этнические и политические репрессии 1930–1950-х гг. в СССР как предмет комплексного гуманитарного исследования (наблюдения, воспоминания, размышления) 57 <i>Бадмаева Е. Н.</i> О реализации продовольственной политики советского государства в 1941–1943 гг. (на примере Калмыцкой АССР) 63 <i>Сартикова Е. В.</i> Школьное образование в Калмыкии накануне депортации 69 <i>Гаряева З. Г.</i> Последствия немецкого оккупационного режима в годы Великой Отечественной войны в Западном улусе Калмыцкой АССР 73 <i>Малышева Е. М., Гаража Н. А.</i> Интерпретация социальной истории периода Великой Отечественной войны: источниковедческие подходы 80 <i>Хлынина Т. П.</i> Формирование советской национальной политики: между изобретением традиции и воображаемыми сообществами .. 87 <i>Сивков С. М., Иванцов И. Г.</i> Национально-территориальное строительство на Северо-Западном Кавказе в 1917–1930-х гг. 96 <i>Безугольный А. Ю.</i> Призывное законодательство и комплектование Рабоче-крестьянской Красной Армии представителями нерусских национальностей в 1920-е гг. 102
ЭТНОГРАФИЯ	<i>Батыров В. В.</i> История и этнография калмыков в «Кратком описании калмыцкого и тухменского народов» Я. К. Ваценко 114
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<i>Пюрбеев Г. Ц.</i> Термины родства и семейно-родственных отношений в памятнике монгольского права XVIII в. «Халха джирум» 121
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<i>Ханинова Р. М.</i> Образ «последней» ссыльной калмычки в повести О. Волкова «Погружение во тьму» 124
ЭКОНОМИКА	<i>Немгирова С. Н.</i> Процессы трансформации в промышленности республик Юга России в 1960–1980-е гг. 131

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<i>Гунаев Е. А.</i> Ценность правового государства и прав человека — конституционный императив при исследовании истории репрессий народов в СССР в 30–50-е гг. XX в.	136
РЕЦЕНЗИИ	<i>Максимов К. Н., Очиров У. Б.</i> Рец. на: История башкирского народа: в 7 т. Т. IV. СПб.: Наука, 2011. 400 с.	141
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		147
АННОТАЦИИ		150
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ		155

CONTENT

HISTORY	<i>Bugay N.</i> The Problem of the Territories as an Integral Part of the State National Policy in Conditions of Forced Resettlement: Ideology and Practice	5
	<i>Krinko E.</i> Deportation of Peoples and Administrative-Territorial Transformations in the North Caucasus in 1943–1944	17
	<i>Maksimov K.</i> Socio-Political Situation in the Kalmyk ASSR in 1943 . . .	26
	<i>Lidzhieva I.</i> The Legal Status of Special Resettlers in the 40–50s of the XXth century	34
	<i>Ochirova N.</i> Forced Resettlement of the Kalmyk People and Problems of Demography	40
	<i>Zberovskaya E.</i> Kalmyks-Forced Resettlers in Siberia: Problems of Preservation of the Ethnic Identity in the Deportation's Conditions . . .	46
	<i>Okonova L.</i> Deportation of Germans from the Kalmyk ASSR	52
	<i>Burykin A.</i> Ethnic and Political Repressions of the 1930–1950s in the USSR as a Subject of Complex Humanitarian Research (Thoughts, Memoirs, Observations)	57
	<i>Badmaeva E.</i> On the Implementation of the Food Policy of the Soviet State in 1941–1943th (on example of the Republic of Kalmykia	63
	<i>Sartikova E.</i> School Education in Kalmykia on the eve of Deportation . . .	69
	<i>Garyaeva Z.</i> Consequences of the German Occupation Regime in the years of the Great Patriotic War in the Zapadny Ulus of the Kalmyk ASSR . . .	73
	<i>Malysheva E., Garazha N.</i> Interpretation of the Social History of the Period of the Great Patriotic War: source approaches	80
	<i>Khlynina T.</i> Formation of the Soviet National Policy: between the Invention of Tradition and Imagined Communities	87
	<i>Sivkov S., Ivantsov I.</i> National-Territorial Construction in the North-West Caucasus in the 1917–1930s	96
	<i>Bezugolny A.</i> Conscription Legislation and Recruiting of the Workers' and Peasants' Red Army by the Representatives of the Non-Russian Peoples in the 1920s	102
ETHNOLOGY	<i>Batyrov V.</i> History and Ethnography of the Kalmyks in «The Short Description of the Kalmyk and the Turkman Peoples» by J. Vatsenko	114
LINGUISTICS	<i>Purbeev G.</i> Terms of Kinship and Family-kinship Relations in the Monument of the Mongolian Law of XVIIIth Century «Khalkha Dzhirum»	121
LITERATURE STUDIES	<i>Khaninova R.</i> Image of the «Last» Exiled Kalmyk Woman in O. Volkov's Story «Being Plunged into Darkness»	124
ECONOMICS	<i>Nemgirova S.</i> Processes of Transformation in Industry of the Republics of the South of Russia in the 1960–1980s	131
JURISPRUDENCE	<i>Gunaev E.</i> Value of a Legal State and Human Rights — Constitutional Imperative in the Study of the History of Repression of Peoples in the USSR in the 30–50s of XXth century	136

REVIEWS	The History of the Bashkir People (7 volumes. V. IV. Saint-Petersburg: Nauka, 2011. 400 p.). <i>Review by K. Maksimov and U. Ochirov</i>	141
SCIENTIFIC LIFE		147
SUMMARIES		150
INFORMATION ABOUT AUTHORS		155

УДК 93
ББК 63.3(2Рос)

ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИЙ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ: ИДЕОЛОГИЯ, ПРАКТИКА*¹

Н. Ф. Бугай

Рассматриваемая в настоящей статье тема остается актуальной и сегодня. Ее разработка до 1990-х годов сводилась к изучению различных аспектов административно-территориального обустройства СССР, России, других союзных и автономных республик. Об этом свидетельствуют как соответствующие монографические работы, так и документальные публикации, касающиеся в большей степени регионов страны. Однако с учетом тех изменений и потрясений, которые претерпели и СССР, и Россия в XX веке, внимание исследователей сосредоточивалось главным образом на сопредельных вопросах: федеративные отношения, национально-государственное строительство, принудительные переселения, реабилитация и др.

Проблема территорий, территориального фактора в жизни народов, в том числе СССР и России, является составной частью темы взаимодействия общества и природы. Исследователи обращались к вопросу ее непосредственного проявления на практике. Важным оставалось понять возможности и географические преимущества, которые предоставляет тому или иному обществу, индивидууму его территория. Важно понять и то, как ведет себя человек в случае экстремальной ситуации, в том числе связанной с обострением межэтнических отношений и т. д. Это в полной мере распространяется и на условия принудительного переселения народов, групп граждан, их изъятие из той или иной территории, т. е. в той обстановке, когда происходит, по образному замечанию археологов, **переотложение** (выделено мной. — *Н. Б.*) этой территории в сознании

общности, личности, нарушение взаимодействия личности и природы, неестественное для личности состояние этой территории. Нарушение сложившегося природно-хозяйственного комплекса, ландшафта, распределение населения по чужой территории, утрата связей между его частями, изменение сложившегося стереотипа положения личности имеет сокрушительные последствия для государства, этнической общности, индивидуума, подвергшихся деструктивным воздействиям. Конкретные направления взаимоотношений общества и природы формировались на протяжении длительного времени, когда были выработаны приемлемая модель использования природных ресурсов на территории проживания, ведения хозяйствования и формы взаимоотношений между членами сообществ. Вероятно, этими факторами объясняется постоянная тяга человека к территории, на которой расселялось и проживало не одно поколение его предков.

Длительное время на изучении обозначенной темы сказывалось существовавшее табу. Появившийся в 1990-е годы доступ к архивам способствовал более глубокой и всесторонней разработке направления в целом, и особенно остро ощущалась в этом потребность в условиях обострения межэтнических отношений на Кавказе, Дальнем Востоке, в Поволжье, других регионах страны, в том числе и применительно к периоду принудительного переселения народов из названных регионов.

Прежде чем отвечать на вопросы, диктуемые современностью, важно знать, как было устроено советское пространство с

* Проект подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: акад. А. П. Деревянко). Направление 2. «Советская модернизация и ее влияние на российское общество» (координаторы: член.-кор. РАН Е. И. Пивовар, д.и.н. Ю. А. Петров).

учетом внутритерриториального фактора. Интересно и то, как в прошлом, в структуре детерминируются и определяются современные события, например, по векторам «территория — границы», «этнические общности в рамках территорий как клеток, составляющих единое целое — государственность»; процессы, в которые они вовлекаются, в том числе и имевшие место принудительные переселения, начиная с 1920-х годов. Важно уяснить и направленность межэтнического взаимодействия как составляющей генезиса российской государственности, социокультурный и конфессиональный аспекты политических трансформаций, а также влияние демократизации общественной жизни на трансформацию политического поля России¹. В основе этих положений, несомненно, одну из существенных позиций занимает территориальный фактор.

Анализ территориального фактора, взаимодействия обществ на той или иной территории позволяет сделать вывод об особенностях советского пространства — универсальность власти, определявшаяся ее персонифицированным характером во всех направлениях хозяйственного и духовного развития общества и пространственными (территориальными) структурами, объединенными в общество-государство. Надо согласиться с тем, что советское пространство со своей фрагментированностью отличается чрезвычайно высокой ролью рубежей, барьеров, границ, как внешних, так и внутренних, оказывающих влияние на формирование отношений и политики, уровень взаимодействия субъектов. Четко эти моменты подмечены В. Л. Каганским в его обобщающей оценке, сводящейся к тому, что *«логика административного подчинения противоречит естественной логике территориальных отношений (соседства, смыслового единства ландшафта) и превалирует над ней»* [Каганский 1993: 90]. Территориальная российская феноменология — производное государственно-общественной.

Определенный интерес представляет

¹ Общественные трансформации — взаимно стимулирующие изменения моделей социального действия, с одной стороны, и функционирования социальных институтов, связанного с намеренным, целенаправленным воздействием номинальных установлений (формальные нормы, процедуры и правила) — с другой.

и государственная идеология этого периода истории страны. Несомненно, каждому этапу развития государственности соответствовали свои идеологические нормы и представления, выработанные с учетом накопленного опыта сообществом, партийными организациями, институтами гражданского общества. Не являлась исключением в этом смысле и сфера межэтнических отношений. Более того, эти отношения с учетом общественного и психологического факторов остаются самой тонкой сферой человеческих отношений. В условиях строительства социализма в сфере отношений между народами предусматривалось возрождение экономической составляющей в регионах компактного проживания этнических общностей. Вероятно, развитие самой системы межэтнических отношений без наличия заведомо выработанных практик, идеологических установок вряд ли могло бы быть эффективным. Очень важным моментом остается определение как компонентов этого понятия, так и прогнозирование его полезности, формирование приоритетных направлений на том или ином этапе развития самой государственности.

В условиях совершенствования тоталитаризма как системы управления обществом на последующем историческом этапе концепция этих отношений претерпевала изменения и выглядела несколько иначе. С одной стороны, наблюдалась реализация намеченных ранее мер, а с другой — беспрекословное подчинение и следование лозунгам, провозглашенным партией, лидерами советского государства. В предвоенный и особенно военный период в основу идеологии было заложено формирование установок на дружбу народов, патриотизм, сочетание национальной и патриотической идей, на которых базировалась и работа партийных ячеек, органов государственной власти по организации борьбы против фашизма. Эти направления составили на данном этапе сущность советской пропаганды, воспитания культуры межэтнического общения, работы по достижению цели.

Очевидно, что многое в сфере идеологии было направлено прежде всего на укрепление власти, а отсюда и отвержение инакомыслия, противовесом чему служила активная пропаганда идей пролетарского интернационализма, начало которой было положено еще в 1920-е гг. Правда, уже в этот период такая работа принимала несколько

искаженную форму, когда И. В. Сталиным провозглашалась необходимость проводить национальную политику с решением первоочередной задачи сохранения и укрепления власти. С учетом данных установок был провозглашен призыв руководствоваться на практике более широким использованием принципа «видимого интернационализма». Этой задаче подчинялось и отношение государства к этническим общностям, деление их по ранжиру: титульные, нетитульные, этнические меньшинства, группы и т. д. Такое ранжирование подчинялось идее державности страны. В речах и статьях Сталина проблема территории республик, краев, областей применительно к 1930–1940-м гг. подробно не затрагивалась, однако практическое решение вопроса не обходилось без его подчиненных. Сталин непосредственно апеллировал, притом неоднократно, к вопросу территорий, но в большей мере в плане принятия управленческих решений.

В российской историографии попытки изучения роли и значения подручных Сталина в принудительном переселении этнических общностей и производных этих процессов выглядят достаточно слабо, а зарубежная историография делает на этом пути лишь первые шаги. Так, британский исследователь Дональд Рейфилд реконструирует механизм функционирования этой пирамиды власти и аргументированно заявляет, что «Сталин в той же степени зависел от служивших ему палачей, в какой они зависели от него» [Рейфилд 2008]. И далее автор задается вопросом, кем же, собственно, были эти люди, если Сталин как вождь государства верил и опирался «на свору сообщников, способных на все». Координируя и направляя их деятельность, он «не был единственным автором и исполнителем» такой гнусной по своей направленности жестокой меры. Исследователи предпринимают попытку разобраться, что же толкало таких деятелей, как Н. И. Ежов, С. Р. Мильштейн, И. А. Серов, Л. П. Берия, А. Я. Вышинский и др., на применение такой меры, как принудительное переселение.

После окончания войны среди принудительно выселенных этнических общностей, несомненно, возникли надежды на возможную реабилитацию и восстановление прежней государственности. Иногда власти невольно сами давали повод для активизации «возвращенческих» настроений. Например, решение об упразднении

Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область было расценено не упоминавшимися в данном документе народами — карачаевцами, калмыками и другими — «как косвенное свидетельство лояльного отношения верховной власти к восстановлению их собственных автономий» [ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 320, 382]. Однако с этой иллюзией скоро пришлось расстаться. Никаких шагов к реабилитации спецпереселенцев со стороны властей не последовало.

О свободе после войны мечталось не только спецпоселенцам. Победа породила иллюзии, что жизнь в стране будет меняться к лучшему, и эти надежды часто связывались с возможностью либерализации общества, в том числе и национальной политики. Ответом на эти надежды стала новая государственная идеология, опорными конструкциями которой выступали идеи великодержавности, советского патриотизма и этатизма. Возвращение к имперским ценностям и традициям происходило, естественно, не напрямую, а под прикрытием коммунистической фразеологии. Например, когда в марте 1946 г. было принято решение о переименовании народных комиссаров в министры (по аналогии с дореволюционной Россией), Сталин мотивировал эти действия как достижение стабильности в условиях функционирования советского общественного строя [РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 23]. Еще во время войны в армию вернули погоны. Были созданы суворовские и нахимовские училища, которые продолжали традиции кадетских корпусов. Реанимирование имперской идеологии сочеталось с пропагандой идеи патриотизма. Великая Отечественная война всколыхнула в народе патриотические чувства. После войны Сталин использовал этот порыв как противовес настроениям, зародившимся в обществе благодаря знакомству с образцами западной жизни в период освобождения Европы Красной Армией. В стране стал культивироваться русский/советский патриотизм. Одним словом, отмечалось стремление не допустить своеобразной реверберации патриотизма. Новая идеология имела одну особенность: несмотря на попытки вождя разыграть «русскую карту» — как в знаменитом тосте «за здоровье великого (?) русского народа» — эта идеология была не этнической, а этатистской по своей природе, т. е. государственно-патерналистской в сво-

ей основе. Другая особенность кампании по пропаганде патриотизма заключалась в том, что первоначально она задумывалась не в контексте борьбы с национализмом внутри страны, а как противодействие западному влиянию. В стране был объявлен поход против «пресмыкательства перед заграницей» [Закрытое 1994: 68].

В 1947–1948 гг. происходит очередное ужесточение политического курса, в соответствии с ним корректируются и идеологические ориентиры, дополненные новым представлением об образе врага. Врагами теперь объявляются «местные националисты» и «буржуазные космополиты». Под лозунгом борьбы с проявлениями местного национализма в 1950–1952 гг. проходила чистка республиканских элит (среди наиболее громких дел этого уровня — «эстонское» и «мингрельское»). На роль «космополитов» Сталин выбрал советских евреев. К этому времени они располагали своей общественной организацией — Еврейским антифашистским комитетом, которому в случае необходимости можно было приписать роль «националистического центра». Первые проявления антисемитизма как новой государственной политики были отмечены сразу после окончания войны. Объектом критики ЦК ВКП(б) за «*упущения в кадровой работе*» стало Совинформбюро под руководством заместителя министра иностранных дел СССР С. А. Лозовского. Эти «упущения» в числе прочих недостатков выразились в «*недопустимой концентрации евреев*» [Костырченко 1999: 60–61]. Лозовского освободили от должности, а в Совинформбюро началось увольнение сотрудников «по национальному признаку». Кампания «борьбы с космополитами» набрала полную силу в 1948–1949 гг., когда прошла кадровая чистка во всех министерствах (включая даже МГБ СССР) и ведомствах, научных организациях, редакциях газет и журналов: отовсюду изгоняли евреев. Всего в связи «делом ЕАК» в 1948–1952 гг. было репрессировано (приговорено к расстрелу и разным срокам лишения свободы) 110 человек [О так называемом 1989: 40]. Заключительным этапом этой кампании стало «дело врачей», призванное, по замыслу организаторов, вскрыть заговор кремлевских медиков против руководителей партии и страны. «Врач-вредители» обвинялись в сознательно неправильном лечении руководителей стра-

ны. «Космополитизм» выступал как своего рода «высшая форма низкопоклонства» — как предательство интересов отечества. Массовая истерия прекратилась только со смертью Сталина.

Одним словом, лидеры государства и органы государственной власти были заняты реализацией «управленческих решений» по наведению необходимого для них порядка в стране, и особенно в сфере идеологии. Разумеется, в пылу борьбы с инакомыслием было не до репрессированных этнических общностей, решения их проблем. Однако не следует забывать, что акции по принудительному переселению народов продолжались. Этот процесс оставался непрерывным до 1953 г., а частично продолжался и в дальнейшем. Правда, П. М. Полян считает, что волна переселений во второй половине 1940-х годов утихала [Полян 2005]. Это не соответствует действительности. По данным прокуратуры СССР, во второй половине 1940-х годов активно разворачивались одна за другой кампании по вылавливанию оставшихся или сбежавших спецпереселенцев на территории их прежнего проживания.

В феврале 1948 г., согласно постановлению Совета Министров СССР от 10 сентября 1947 г., было переселено 21 380 семей (61 814 чел.). Они направлялись на работу в угольную промышленность восточных районов страны (комбинаты «Кузбассуголь», «Челябинскуголь», «Молотовуголь», «Востсибуголь», «Карагандауголь» и др.) [Лубянка 2007: 148]. Вновь на спецпоселение отправлялись одна за другой партии выловленных спецпереселенцев. Часть семей Западной Украины (3 356 семей — 7 186 чел.) передавалась в распоряжение сельскохозяйственных районов Казахской ССР, Кемеровской, Челябинской и других областей РСФСР. 4 апреля 1949 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР» (в Алтайский край), в апреле 1949 г. выселялись также кулаки, помещики и другие политически неблагонадежные элементы с территории Молдавской ССР — 11 280 семей (49 850 чел.). В это же время были «потревожены» турецкие граждане, турки, не имевшие гражданства и бывшие турецкие граждане, принятые в советское гражданство, которых переселяли в Томскую область [Лубянка 2007: 261–262].

В 1960-е годы идеология в значительной степени выстраивалась также на борьбе с шовинизмом и великодержавием. А в период «оттепели» были расширены рамки этой борьбы, в первую очередь с клеветническими измышлениями, трансляцией ощущения разрыва планов социалистического строительства с реальностью.

Перестройка конца 1980-х гг. выявила стремление личности к свободе. Болезненный процесс сопровождался последовательным разрушением и отказом от социалистической идеологии, отрицанием всего советского. Советская власть оценивалась в целом как источник всех недостатков и причин неурядиц, что с самого начала принимало противоречивый характер.

Проблема спецпереселений продолжала тлеть и в условиях гласности начала 1990-х гг. проявила себя, потребовав более внимательного отношения со стороны общества, решения ее на законодательной основе. Фактически последующие десять лет в России осуществлялся новый этап реабилитации, потребовавший от государства существенных затрат. Принимая нормативно-правовые акты по ее решению, общественность не вдавалась глубоко в суть самой проблемы. Были слабо изучены ее конститутивные начала, наполняемость, анализ мер, предпринятых в 1950–1960-е гг. В результате реабилитацию отдельные этнические общности прошли повторно, а другие ее совсем не ощутили — ни в прошлом, ни в 1990-е гг. В акциях по реабилитации народов в 1990-е годы наибольшая напряженность в отношениях между некоторыми регионами и населяющими их этносами возникла именно в вопросах, связанных с территориальной реабилитацией. В конечном итоге это направление вовсе не получило реализации. Однако положение о территориальном компоненте в системе мер реабилитации нашло свое отражение как в документах идеологической направленности и чисто управленческого характера, издаваемых администрацией Президента России, так и в первых нормативно-правовых актах, распоряжениях, указах о моратории на изменение территорий по причине проводимых в 1940-е — начале 1950-х гг. принудительных переселений народов.

Первым государственным документом, затрагивающим вопрос территориального фактора в национальных процессах как в идеологическом плане, так и в плане раз-

витии теории самого вопроса, стала принятая в 1996 г. «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», в которой территориальному фактору было уделено внимание применительно к России как единому государству. Документ трактовал спорные территории не как принадлежащие отдельным народам, а как общую территорию страны, как территорию для всех коренных народов, сыгравших огромную роль в формировании российской государственности. Учет территориального фактора при выстраивании отношений между этническими общностями позволял сохранять уникальное единство и многообразие, духовную общность и союз различных народов. В новых условиях существования бывших советских республик (с учетом имеющегося наследия межэтнических отношений) территориальный фактор приобретает особое значение в обстановке, когда приходится заключать договорные соглашения о сотрудничестве в разрешении проблем компактного проживания в приграничных районах различных этнических общностей. Получает подтверждение выработанное ранее практикой правило — *«учет региональных особенностей при проведении экономических реформ»*. Это обуславливает *«необходимость межрегионального сотрудничества для обеспечения стабильности в обществе, в том числе в сфере межнациональных отношений»* [Реабилитация 2000: 15].

Территориальный фактор выступает ингредиентом федеральных и региональных программ предотвращения и разрешения конфликтов на этнической почве. Все эти положения требуют строгого учета на практике, при решении территориальных споров, урегулирования территориальных претензий друг к другу, распределения земель и т. д. Вопросы идеологии межэтнических отношений были достаточно сформулированы и отличались своей адекватностью реалиям. В «Концепции» отчетливо проявляется экономическая составляющая развития государства и его идеологии на новом этапе. В разделе «Ситуация в области национальных отношений в Российской Федерации» о состоянии земельных отношений в тот период читаем: *«На межнациональные отношения серьезное негативное воздействие оказывает также безработица, особенно в районах, располагающих избыточными трудовыми ресурсами, правовая неурегули-*

рованность земельных и других отношений, наличие территориальных споров, проявление этнократических устремлений» [Реабилитация 2000: 9]. В данной плоскости очевиден интерес общества к аграрной сфере жизнедеятельности, который проявлялся и в период принудительных переселений. Без решения этого жизненно важного вопроса было бы затруднительно обращаться к решению других задач. *«Национальная политика может стать консолидирующим фактором лишь в том случае, если она будет отражать всё многообразие интересов России, иметь в своем арсенале четкие механизмы их согласования»*, — констатировалось в «Концепции» [Реабилитация 2000: 11].

О превалирующей роли и месте территориального фактора на разных этапах развития советского общества и российской государственности свидетельствует и то, что в разделе «Основные цели и задачи государственной национальной политики» «Концепции» в числе основополагающих названо разрешение возникающих споров и конфликтов между субъектами Российской Федерации. В этой ситуации приобретает особое значение содействие развитию экономического взаимодействия по обеспечению комплексного решения задач социально-экономического и национально-культурного возрождения, обеспечения прав и интересов этнических общностей, проживающих на территории Российской Федерации. Решение вопросов в сфере экономики, формирования экономического потенциала страны создает прочную основу для урегулирования возникающих территориальных споров, устранения последствий репрессивного воздействия на жизнь народов, на отношения этнических общностей в государстве.

19 декабря 2012 г. Указом Президента РФ В. В. Путина была утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой указывалось: *«Многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор*

дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации». Не обойдена в документе и проблема принудительно переселенных граждан на территории СССР, ее взаимосвязь со многими факторами развития государственности, в том числе и с территориальным, имеющим судьбоносное значение. Общество, несомненно, ощущает *«влияние факторов, имеющих глобальный или трансграничный характер, таких, как унифицирующее влияние глобализации на локальные культуры, нерешенность проблем беженцев и вынужденных переселенцев»* (выделено мной. — Н. Б.), *незаконная миграция, экспансия международного терроризма и религиозного экстремизма, международная организованная преступность»*.

Не случаен в связи с этим тот факт, что в качестве основных принципов государственной национальной политики России названы:

а) государственная (территориальная) целостность, национальная безопасность Российской Федерации; единство системы государственной власти; своевременное и мирное разрешение межнациональных (межэтнических) противоречий и конфликтов, в том числе возникающих на территориальной основе;

б) обеспечение межнационального мира и согласия и гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений;

в) установление ответственности должностных лиц государственных и муниципальных органов за состояние межэтнических отношений на соответствующих территориях, а также мер стимулирования указанных лиц;

г) обеспечение потребностей российской экономики и рынка труда, интересов сбалансированного развития регионов и др.

Обращаясь к историографии проблемы территориального обустройства государственности в экстремальных условиях, особенно этнических общностей, к которым применялись деструктивные формы воздействия со стороны государства, необходимо выделить научные труды прежде всего ученых, работающих в общегосударственном масштабе: Н. Ф. Бугая, А. Г. Здравомыслова, А. А. Прусаускаса, В. А. Тишкова, М. А. Фадеичевой, Т. М. Шамбы и др. [Бугай 1998; Здравомыслов 1999; Прусаускас 1997; Тишков 1990; Фадеичева 2003; Шамба 2002 и др.]. Заметный объем исследований по дан-

ной проблеме применительно к территориям автономий, составляющих Российскую Федерацию, был осуществлен такими учеными, как М. М. Шахбанова, Д. М. Эдиев (Республика Дагестан), А. Х. Боров, Х. М.-А. Сабанчиев (Кабардино-Балкарская Республика), С. Веригин (Карельская Республика), В. Б. Убушаев, К. Н. Максимов (Республика Калмыкия), А. А. Герман (Поволжье), М. И. Мамаев (Кавказ), Б. Д. Пак, Е. Н. Чернолуцкая (Дальний Восток), Ж. Сон (Москва) и др.

Однако, что касается детального исследования проблемы в социальном плане, то подобные работы отсутствуют, как отсутствует и полное представление о проблеме территориального фактора в экстремальных условиях, в том числе связанных с принудительным переселением народов. Изучение этого аспекта проблемы обусловлено жизненной необходимостью. *«К негативным факторам относятся современные территориальные споры и конфликты, связанные с неоднократными произвольными изменениями административных границ СССР, репрессиями и депортациями в отношении некоторых народов»*, — читаем в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации».

Если попытаться дать оценку состояния историографии проблемы, в том числе разработки вопроса территориальной реабилитации репрессированных народов, совершенствования федеративного строительства, государственности этнических общностей в 1990-е годы, то следует отметить, что она в то время пока еще не сложилась, хотя отдельные аспекты ее находили частичное отражение в исследованиях авторов [см., напр., Викторин 1994].

Изучаемая тема связана с решением таких вопросов российской государственности, как обустройство территорий, институционализация власти на этих территориях, урегулирование территориальных претензий, выход из конфликтных ситуаций, обустройство на территории различных контингентов населения, административно-территориальное состояние, экономическое развитие регионов и этнокультурное возрождение [см., напр., Брюхнова 2002; Смирнова 2008 и др.].

Для их изучения необходимо:

– определить и рассмотреть «болевы» точки российской истории применительно к территориальным проблемам рассматриваемого периода;

– осветить процесс активного вовлечения различных социальных слоев населения в экономическую сферу в связи с разделом территории, освоением высвобожденных территорий, урегулированием споров;

– проанализировать исторический опыт решения территориальных притязаний, формирования механизмов выхода из сложившихся спорных ситуаций;

– изучить обоснование особенностей политического курса советского руководства в период сталинских репрессий в решении территориального обустройства этнических общностей;

– осветить содержание дискуссий об условиях возникновения территориальных притязаний, реализации и формах разрешения территориальных противоречий и др.

Надо отметить, что пока отсутствует единство взглядов ученых по этому важному социальному аспекту в плане разрешения территориальных противоречий на основе положений ст. 64 Конституции Российской Федерации.. В связи с этим необходим глубокий анализ проблемы с целью подготовки выводов, выработки рекомендаций, базирующихся на научной основе, для положительного практического решения проблемы. Актуальность проблемы обусловлена также и истечением срока действующего моратория на территориальную реабилитацию до 2015 года. Таким образом, результаты исследования могут быть востребованными как в научном плане, так и в плане недопущения подобных ошибок в будущем. Об этом свидетельствуют и постоянно возникающие споры между лидерами субъектов Российской Федерации (в частности, между главами Чеченской и Ингушской республик — спорный Сунженский район и др. территории), имеющие место возвраты к проблеме территорий в отношениях между Калмыцкой Республикой и Астраханской областью, Грузией и Российской Федерацией, Латвией и Российской Федерацией и др.

В целом же внимание к территориальной проблеме отмечается повсеместно. Об этом свидетельствуют появляющиеся статьи, доклады по этому аспекту темы, прозвучавшие на научно-практических конференциях, заседаниях «круглых столов» [Тугуз 2006; Шнейдер 2006].

Краткий анализ работ российских ученых по вопросам территориальной составляющей государственности, значения

территориальной проблемы в жизни государства, национальной политики в плане территориальной реабилитации этнических общностей в условиях принудительного переселения народов позволяет выявить разные точки зрения, суждения и дискуссии, определиться в приоритетных направлениях. Прежде всего это необходимо в плане консолидации многонационального сообщества, выработки единых подходов в оценке территориальной составляющей для прочности и сохранности самой государственности.

Однозначно необходимо проследить в теоретическом плане связь между такими понятиями, как «народ» и «территория». Известен ряд позиций и суждений по этому поводу. Так, вряд ли можно возразить мнению, изложенному М. А. Фадеичевой, которая, рассматривая вопрос об этнополитических предубеждениях и их преодолении, выделяет *«территориальные предубеждения»* как самостоятельный аспект. М. А. Фадеичева, как и другие исследователи, констатирует, что народ и территория органичны, каждый народ имеет свою территорию, которая ему принадлежит и на которой у него появляется возможность для самоопределения и строительства своей государственности [Фадеичева 2003: 121].

Развитие национальных процессов на территории суверенной России, начиная с 1990-х годов и включая два последних десятилетия, подтвердило, что вопрос о принадлежности территории по-прежнему остается актуальным. В условиях российской действительности, когда некоторые государственные образования носят название двух титульных наций, в обстановке возникновения экстремальной ситуации этническими общностями отдается предпочтение *«единству территориального расселения этноса»*, а не объединенной составляющей. Более того, тут же возрождается память о существовавших в недалеком прошлом границах той или иной этнической общности, входящей в государственное объединение, которое всегда составляло основу воспроизводства культурной общности. Ярким примером этому является конструирование Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской республик, а до недавнего времени и Чечено-Ингушской Республики. В этом плане справедливо утверждение М. А. Фадеичевой, что *«представление о «народе своей земли» продол-*

жает существовать и в XXI веке. И до сих пор проявляется одним из важнейших элементов «национального», как и «этнического самосознания»...Определение «своя земля» автоматически переносится на современность...» [Фадеичева 2003: 123].

В границах своей территории этническая общность воспроизводит свою культурно-языковую особенность, развивает свои связи в упрочении языково-культурных основ, хозяйственной, социально-политической сферы, формирует свои традиции. В условиях существования многонационального государства, как замечает М. А. Фадеичева, очень важно и необходимо «снять вопрос о своей земле» и вопрос «коренного народа», так как в противном случае территориальные претензии представителей сообществ друг к другу будут оставаться причиной сложного, а порой и обостренного состояния межэтнических отношений. Примером могут служить отношения между осетинами и ингушской частью населения на территории Республики Северная Осетия–Алания в конце 1980-х годов. Проявление стремления той или иной общности к реализации «своего права» на территорию можно увидеть и на примере российских немцев в период кампании начала 1990-х гг. по созданию государственности — Республики немцев Поволжья. Судя по всему, в условиях существования многонационального государства, каким является Российская Федерация, с ее разделением на автономные территории, проблема консолидации и единства общества может быть затруднена и приобретать статус «вечной проблемы». На мой взгляд, более приемлемым было бы не проведение бесконечных акций по сохранению автономных образований как наследия социалистического прошлого, а четкое следование праву свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, формировать взаимоотношения с этническими общностями по месту проживания, содействовать консолидации многонационального сообщества в государстве. Необходимостью становится создание таких условий, при которых фактор «сохранения себя» уходил бы в прошлое. Правилom общества становилась бы в первую очередь востребованность личности, ее творческого потенциала, возможность жить там, где чувствуешь себя комфортно. Фактор обязательной территории проживания терял бы свою значимость в современном ее толковании.

Он не был бы определяющим в понимании сущности самой этнической общности.

В данном случае трудно не согласиться с выводом исследователя этнополитических процессов на Северном Кавказе и, в частности, в Адыгее, Т. П. Хлыниной. *«Общественные организации считают, этнос сохраняет не территория и ее правовой статус, а способность народов к самоорганизации, формой которой не обязательно должна выступать национальная государственность»*, — таков вывод, сделанный автором о национальном суверенитете и обустройстве жизненных условий в республике и основанный на полевом материале, собранном по общественным организациям [Хлынина 2012: 151]. Безусловно, в этой ситуации должен восторжествовать «здоровый прагматизм».

Свое отношение к фактору территориальности в национальной политике излагает и один из известных исследователей проблем межэтнических отношений, в систему которых входит и территориальность, академик РАН В. А. Тишков. В своей работе «Единство в многообразии» [Тишков 2011] автор в специальном разделе рассмотрел этот аспект в качестве атрибута национальной государственности.

По нашему мнению, в таких условиях появляется возможность территориальных приобретений составными частями единой государственности как путем передела территории на государственном уровне, так и по согласованию. В подобном случае националистами могут выдвигаться территориальные претензии, дополнительные аргументы по изменению территориальных границ. При таких условиях все аргументы о единстве народов отбрасываются, как и возможность вести речь о какой бы то ни было гармонии межэтнических отношений.

Проблеме конкретно посвящено незначительное количество как диссертаций, так и статейных публикаций. Между тем, именно территориальная составляющая, ее роль и место в процессе территориальных изменений, проводимых реформ по-прежнему затрагивается в ходе освещения соседствующих тем. Все это связано со сложностью самой проблемы и трудностями ее исследования и осмысления.

Так, А. Б. Кузнецова придерживается точки зрения, согласно которой реабилитация и депортация являются органичными составляющими единого процесса. Отсюда

и ее изложение взаимосвязи различных сторон процесса с деятельностью органов государственной власти, обоснованностью предпринимавшихся ими мер, как и со стороны тех, кто подвергался принудительным переселениям [Кузнецова 2002]. Автор отмечает, что в данном случае цель очевидна — успокоение, предупреждение открытых выступлений. С другой стороны, сами переселенцы были обеспокоены возможностью повторения депортаций. Однако как переселение, так и возвращение выносят на поверхность самый сложный вопрос — о границах. Очевидной становится разнополярность мнений по этой сложной проблеме. Это можно проиллюстрировать на примере отношения к данной проблеме соседей — Дагестанской АССР, Северо-Осетинской АССР и Грозненской области (1950-е гг.), которые были вовлечены как в процесс принудительных переселений, так и реабилитации чеченцев и ингушей. В данном случае Дагестанская АССР выступала первоначально против возвращения чеченцев и ингушей на прежние места проживания (1950-е годы). Во-первых, на этой территории реально можно было разместить лишь 1/3 переселяемых семей, с чем исследователь согласна, учитывая экономические возможности районов. Во-вторых, возвращение репрессированных на прежние места проживания влекло еще и «перекрытие границ». Такое действие *«не остается без негативных последствий»*, постоянно порождая межэтнические противоречия, особенно в таких приграничных районах, как Пригородный, Каргалинский, Наурский, Шелковской Чечено-Ингушской АССР. Конечно, для второй половины 1950-х годов, периода возвращения бывших спецпереселенцев, была характерной перенаселенность территории бывшей Чечено-Ингушской АССР. Все это требовало экстенсивного освоения новых сельхозплощадей, включения в хозяйственный оборот ранее выведенных высокогорных районов Галанчожского, Чеберлоевского, Шаройского, большей части Итум-Калинского и Шатойского районов. На территорию, на которую в ходе заселения бывшей республики переселились 125 тыс. человек, теперь возвращались репатрианты, что не могло не обострить земельный вопрос как составную часть территориального фактора.

Рассматриваемая нами тема в определенной мере затрагивалась и в историогра-

фии стран ближнего и дальнего зарубежья. Конечно, и в этом случае длительное время на ее изучении сказывалось существовавшее табу. Пристальное внимание к ней со стороны зарубежной историографии также подчеркивает актуальность проблемы. При этом авторы, рассматривая сопредельные темы, постоянно возвращаются к вопросу о роли и месте территории в эволюции той или иной общности, в истории государств, отставляя в сторону фактор территориальности самой этнической общности.

Например, Л. Н. Дьяченко, изучая процессы принудительных переселений народов Северного Кавказа и частично представителей других народов на территорию Киргизской ССР, также пытается дать оценку роли и места территориального фактора в ходе проведения подобных акций. Автор полагает, что реабилитация некоторых репрессированных народов *«не была подкреплена территориальной реабилитацией»*. По ее мнению, при таком подходе реабилитация *«оставалась фактически неполной, что явилось в последующем причиной межэтнических столкновений и конфликтов»* [Дьяченко 2013]. Данный вопрос, естественно, носит дискуссионный характер и требует конкретных подтверждений, ответа на вопрос, применительно к каким этническим общностям он остается незавершенным.

Если это касается ингушей на Северном Кавказе, то Чечено-Ингушской АССР как субъекту права при решении этой проблемы взамен Пригородного района были переданы другие административные районы, входившие в состав Ставропольского края. Остальные территории, принадлежавшие ранее принудительно высланным народам, несмотря на трудности самого процесса, были им возвращены, или вопрос решался на государственном уровне, как, например, во взаимоотношениях по этой проблеме между Республикой Калмыкия и Астраханской областью. Если речь идет об Автономии немцев Поволжья, то вопрос о реабилитации их в государственном масштабе, в частности, в восстановлении автономной республики, остается в конститутивном положении. Первые акции по этому вопросу вызвали негативный отклик среди проживавших на землях, ранее составлявших Автономию немцев Поволжья. С другой стороны, российским казакам земельные территории также не возвращались, в данном аспекте проблема даже не ставилась.

Если это касается возвращения территории советским корейцам, то они на законодательной основе получили право как возвращения на территорию Дальнего Востока, так и расселения по всей территории страны, где они получают возможность реализации своих способностей и этнокультурного возрождения, применения своего духовного потенциала. При всем этом данная этническая общность сделала вывод о нецелесообразности добиваться решения вопроса об организации корейской автономии на территории России при получении более широких возможностей в условиях совместного проживания этнических общностей, активного участия в преобразовательных процессах российской государственности, удовлетворения своих насущных потребностей.

Российская историография уже располагает материалами по проблеме территориального фактора в условиях принудительных переселений на основе состоявшихся немногочисленных научно-практических конференций, приуроченных к годовщине принятия Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Проведение подобных обсуждений объясняется тем, что последовательное, неукоснительное и обязательное исполнение названного закона находится под общественным контролем.

В 1990–2000-е гг. данная проблема неоднократно обсуждалась на заседаниях круглых столов и на научно-практических конференциях. Она была и в центре внимания на заочном круглом столе «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» (2012 г.), на котором изучались главным образом дискуссионные вопросы: о необходимости территориальных переделов в регионах страны и их сущности; о территориях иноэтничных анклавов в составе автономий; об итогах и последствиях подобных акций; о роли и месте органов центральной власти на разных этапах развития советской государственности и в условиях суверенного существования Российской Федерации с начала 1990-х гг., когда ощущалось обострение проблемы территорий, их принадлежности, межэтнических противоречий, возникавших на основе территориальных претензий; о взаимосвязи между вопросом территорий и этнической субъектностью.

В связи с этим Л. Б. Внукова отметила следующую особенность территориального фактора на Северном Кавказе:

многократные административно-территориальные изменения были подчинены в государстве главным образом решению социально-экономических проблем и проблем в сфере культуры народов. Казалось бы, на первый взгляд, в подобной акции не было ничего негативного. Тем не менее, одновременно возникала и основа «для формирования разнородных национально-государственных образований, границы и системы управления» [Внукова 2012: 30]. Несомненно, эта ситуация в условиях СССР в какой-то мере была приемлемой, имела свою основу. В обстановке возникшей суверенной российской государственности легитимность «сложившихся таким образом административных практик и территорий все чаще ставится под сомнение

и признается источником региональных конфликтов» [Внукова 2012: 30]. В дополнение к этому особое значение приобретал фактор формирования автономии исключительно по этническому принципу. В условиях современности он вряд ли адекватен формирующимся реалиям и тем процессам, которые имеют место, например, на территории Северного Кавказа, в Калмыкии, в Поволжье и на Дальнем Востоке.

Таким образом, необходимо тщательное комплексное изучение сложной проблемы взаимодействия и взаимообусловленности территориального фактора и состояния межэтнических отношений в разных регионах страны, имеющих и свою специфику, и особенности, и различное содержание эволюционного процесса.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Литература

Брюхнова Е. А. Российские немцы в государственной политике: историко-политический анализ. Автореф. дис. ... к.полит.н. М.: РАГС, 2002. 24 с.

Бугай Н. Ф. Реабилитация народов — одно из направлений национальной политики по укреплению федеративных отношений // Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив. М.: Наука, 1998. 234 с.

Викторин В. М. Калмыцкий этнический ареал в Нижнем Поволжье и проблема реализации Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» // Этничность и власть в полиэтничных государствах. Мат-лы Междунар. конф. (25-27 января 1993 г.). М.: Наука, 1994. С. 299–310.

Внукова Л. Б. Модели организации государственной власти и проблемы управления на Северном Кавказе // Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Мат-лы заочн. кругл. стола. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 30–43.

Дьяченко Л. Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана: проблемы адаптации и реабилитации. Автореф. дис. ... д.и.н. Бишкек: Кыргызско-рос. славян. ун-т, 2013. 24 с.

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина». 16 июля 1947 г. // Кентавр. 1994. № 2. С. 68.

Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-Пресс, 1999. 286 с.

Каганский В. Л. Административно-территориальное деление: логика системы и противоречий // Известия РАН. Серия географ. 1993. № 4. С. 85–94.

Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Докум. исследование. М.: Междунар. отношения, 1999. 397 с.

Кузнецова А. Б. Основные аспекты реабилитации вайнахов (1957–1990 гг.) // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 91–107.

Лубянка. Сталин и МГБ СССР, март 1946 – март 1953 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2007. 652 с.

О так называемом «деле Еврейского антифашистского комитета» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 40.

Полян П. М. «Проба пера»: первые советские депортации (1918–1925 гг.) // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: ОГИ, 2005. С. 598–616. [Электронный ресурс]. URL: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz044.php/ (дата обращения: 27.06.2013).

Праздускас А. А. Слагаемые государственного единства // Pro et contra. 1997. № 2. С. 20–33.

- Реабилитация народов России*: Сб. док. / сост. Бугай Н. Ф. и др. М.: ИНСАН, 2000. 448 с.
- Рейфилд Д. Сталин и его подручные. М.: Нов. литератур. обозрение, 2008. 574 с.
- Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск: ИЦ «РУСИНКО», 2002. 210 с.
- Тишков В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2011. 232 с.
- Тишков В. А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 3–15.
- Тугуз Х. И. Ликвидация и восстановление национальной государственности калмыков: политико-правовой аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 82–94.
- Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://garant-federal.complexdoc.ru/451029.html/> (дата обращения: 27.06.2013).
- Фадеечева М. А. Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 246 с.
- Хлынина Т. П. Прошлое в современных этнополитических процессах Республики Адыгея // Нацестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Материалы заочного круглого стола. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 136–153.
- Шамба Т. М. Право наций на самоопределение и территориальная целостность государства // Стешенко Л. А., Шамба Т. М. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие. X–XXI вв. М.: «Норма», 2002. С. 213–235.
- Шнейдер В. Г. Проблем освоения территории бывшей Чечено-Ингушской АССР после депортации местного населения (середина 1940-х гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 4. С. 168–171.

Sources

- [The Russian State Archives of Modern History]. (In Russ.)
- [The State Archives of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

- Bryukhnova E. A. [Russian Germans in Public Policy: Historical and Political Analysis]. Cand. Sc. thesis (Political Science) abstract. Moscow, 2002. 24 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. [Rehabilitation of Peoples — One of the Areas of National Policy to Strengthen Federative Relations]. In: [Russian Federalism: Experience of Formation and Strategy of Prospects]. Moscow: Nauka, 1998. 234 p. (In Russ.)
- [Concerning the So-called “Case of the Jewish Antifascist Committee”]. *Bulletin of the CPSU Central Committee*. 1989. No. 12. Pp. 40. (In Russ.)
- [The Confidential Letter of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks “On the Case of Professors Klyueva and Roskin”. 16 July 1947]. *Centaur*. 1994. No. 2. P. 68. (In Russ.)
- [The Decree of the President of the Russian Federation. December 19, 2012. No. 1666. “About Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the Period till 2025”]. An Internet resource: <http://garant-federal.complexdoc.ru/451029.html/> (accessed: June 27, 2013). (In Russ.)
- Diachenko L. N. [Deported Peoples on the Territory of Kyrgyzstan: Problems of Adaptation and Rehabilitation]. Dr. Sc. thesis (History) abstract. Bishkek: Kyrgyz-Russian Slavic University, 2013. 24 p. (In Russ.)
- Fadeicheva M. A. [The Person in Ethnopolitics. Concept of Ethno-National Being]. Yekaterinburg: Ural Branch of the RAS, 2003. 246 p. (In Russ.)
- Kagansky V. L. [Administrative and Territorial Division: Logic of System and Contradictions]. *Bulletin of the RAS*. Ser. Geography. 1993. No. 4. Pp. 85–94. (In Russ.)
- Khlynina T. P. [The Past in Modern Ethnopolitical Processes of the Republic of Adygeya]. In: [Nation building in the North Caucasus: historical experience and modern practices]. Conf. proc. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS Publ., 2012. Pp. 136–153. (In Russ.)
- Kostyrchenko G. [V. Captured by the Red Pharaoh. Political Persecution of Jews in the USSR in the last Stalinist Decade. Documentary Research]. Moscow: International Relations, 1999. 397 p. (In Russ.)
- Kuznetsova A. B. [Main Aspects of Vainakh Rehabilitation (1957–1990)] *Ethnographical Review*. 2002. No. 5. Pp. 91–107. (In Russ.)
- [Lubyanka. Stalin and MGB of the USSR, March 1946 – March 1953]. V. N. Khaustov, V. P. Naumov, N. S. Plotnikova (compl.). Moscow: Demokratiya: Materik, 2007. 652 p. (In Russ.)
- Polyan P. M. [“First Steps”: the First Soviet Deportations (1918–1925)]. In: [Russia and its Regions in the XX Century: Territory — Resettlement — Migration]. Moscow: OGI, 2005. Pp. 598–616. An Internet resource: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz044.php/ (accessed: June 27, 2013). (In Russ.)
- Prazauskas A. A. [Elements of State Unity]. *Pro et contra*. 1997. No. 2. Pp. 20–33. (In Russ.)
- Rayfield D. [Stalin and his Accomplices]. Moscow: Nov. literatur. review, 2008. 574 p. (In Russ.)
- [Rehabilitation of Peoples of Russia: Collection of documents]. Bugay N. F. et al. (compl.). Moscow: INSAN, 2000. 448 p. (In Russ.)
- Shamba T. M. [Right of Nations to Self-determination and Territorial Integrity of the State]. In: L. A. Steshenko, Shamba T. M. [Multinational Russia: State and Legal Development. XX–XXI cent.]. Moscow: Norma, 2002. Pp. 213–235. (In Russ.)
- Shneider V. G. [Problems of the Former Chechen-Ingush ASSR Territory Development after Deportation of Local Population (mid. of 1940s)]. *Humanitarian and Socio-economic Sciences*. 2006. No. 4. Pp. 168–171. (In Russ.)
- Smirnova T. B. [Siberian Germans: Ethnic Processes]. Omsk: RUSINKO, 2002. 210 p. (In Russ.)
- Tishkov V. A. [Social and National in Historical and Anthropological Perspective]. *Issues of Philosophy*. 1990. No. 12. Pp. 3–15. (In Russ.)
- Tishkov V. A. [Unity in Diversity: Publications from the Journal “Ethnopanorama” 1999–2011]. 2nd ed. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2011. 232 p. (In Russ.)
- Tuguz Kh. I. [Elimination and Restoration of National Statehood of Kalmyks: Political and Legal Aspect]. *Bulletin of Adygeya State University*. 2006. No. 4. Pp. 82–94. (In Russ.)
- Viktorin V. M. [Kalmyk Ethnic Area in the Lower Volga Region and the Problem of Implementing the Law of the Russian Federation “On Rehabilitation of Repressed Peoples”]. In: [Ethnicity and Power in Polyethnic States]. Conf. proc. (Moscow; January 25–27, 1993). Moscow: Nauka, 1994. Pp. 299–310. (In Russ.)
- Vnukova L. B. [Models of Organization of State Power and Problems of Management in the North Caucasus]. In: [Nation Building in the North Caucasus: Historical Experience and Modern Practices]. Conf. proc. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS Publ., 2012. Pp. 30–43. (In Russ.)
- Zdravomyslov A. G. [Inter-ethnic Conflicts in the Post-Soviet Space]. Moscow: Aspekt-Press, 1999. 286 p. (In Russ.)

**ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1943–1944 гг.****Е. Ф. Кринко*

Советская национальная политика относится к числу широко разрабатываемых и одновременно остро дискутируемых проблем в современной историографии. В значительной степени это объясняется не только различиями в сложившихся подходах и используемых источниках, но и идеологическими пристрастиями авторов, связанными с их общим отношением к советскому опыту. В результате оценки национальной политики в СССР порой кардинально расходятся — от ее прямых апологий, унаследованных из документов ВКП(б) — КПСС, до огульной критики, приписывающей советскому государству чуть ли не имманентное стремление к угнетению населявших его народов. В немалой степени разногласия в оценках объясняются и противоречивостью самой национальной политики, эволюционировавшей на протяжении всего периода существования советского государства. Под влиянием различных обстоятельств менялись и сами идеологемы, лежавшие в основе национальной политики, и методы ее реализации.

Указанные тенденции отчетливо проявились в советской политике на Северном Кавказе. Национально-государственное строительство и политика коренизации 1920-х гг. сменились в период Великой Отечественной войны принудительным выселением по обвинению в «измене Родине» части северокавказских народов на восток страны и ликвидацией их национально-государственных образований. Предметом данной статьи являются депортация народов Северного Кавказа и связанные с нею административно-территориальные преобразования после освобождения региона от немецкой оккупации в 1943–1944 гг.

В советской историографии считалось, что во второй половине 1930-х гг. в СССР

сложились основы социалистического общественного строя, сформировался единый советский народ как новая социальная общность. В настоящее время степень инкорпорирования северокавказских этносов в советское общество в значительной степени пересматривается. Современный исследователь отмечает: *«Народы Кавказского региона втягиваются в историческую орбиту советского государственного социализма, обладая различными внутренними социальными кондициями... Отсутствие или слабость просоветской элиты внутри некоторых из этнических групп создает ситуацию постоянного кризиса в отношениях между властью и этими группами, а эксцессы коллективизации и борьбы с религией лишь усугубляют зреющий конфликт»* [Цуциев 2006: 77]. В высокой протестной активности населения Северного Кавказа тесно сплетались социально-экономические и этнополитические факторы. В 1920–1930-х гг. здесь произошел целый ряд вооруженных выступлений.

С началом Великой Отечественной войны на Северном Кавказе часто имели место дезертирство и уклонение от воинской службы в рядах РККА. Следует отметить, что массовый призыв в РККА представителей горских народов Северного Кавказа стал проводиться только в 1940–1941 гг. До этого они в большинстве своем в армии не служили и военной подготовки не проходили, что неминуемо ослабляло их воинские качества. Далеко не все военнообязанные владели русским языком. В апреле 1942 г. приказом наркома обороны СССР был отменен призыв в армию чеченцев и ингушей [Безугольный, Бугай, Кринко 2012: 114–150].

В связи с приближением фронта в регионе значительно активизировалась деятельность антисоветских повстанческих и

* Статья подготовлена в рамках проекта «Управление полиэтничным макрорегионом России: имперский и советский опыт и современные проблемы» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

бандитских элементов, особенно в труднодоступных горных и предгорных районах. 28 января 1942 г. в Орджоникидзе нелегально состоялось учредительное собрание Особой партии кавказских братьев, избравшее ее исполком и оргбюро во главе с Х. Исраиловым (Терлоевым). Она начала подготовку массового вооруженного восстания в горах с целью «поражения России в войне с Германией» и создания «свободной братской федеративной республики государств — братских народов Кавказа по мандату Германской империи», на ее сторону перешел ряд партийных и советских работников, включая и сотрудников правоохранительных органов. В августе 1942 г. крупное восстание охватило Шатоевский и Итум-Калинский районы Чечено-Ингушской АССР [Клычников, Линец 2008]. Активно действовали на Северном Кавказе германские диверсанты с целью формирования банд из местных жителей и дезорганизации снабжения частей РККА. Войскам и органам НКВД не хватало сил, чтобы удерживать ситуацию под контролем. Для борьбы с бандитизмом пришлось снимать с фронта армейские части в момент немецкого наступления на Кавказе.

21–23 ноября 1942 г. до 200 бандитов напали на селения Мухол и Сауты в Черекском районе Кабардино-Балкарской АССР, сожгли здание райисполкома, ограбили дома советских активистов и коммунистов, ушедших на фронт и в партизанские отряды. Для ликвидации бандгрупп был сформирован истребительный отряд из военнослужащих и партизан во главе с командиром роты 278-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии войск НКВД капитаном Ф. Д. Накиным. В ходе операции отряд взял с боем селения Сауты и Глашево, при этом погибло немало мирных жителей. Всего с 27 ноября по 4 декабря 1942 г. сводный отряд НКВД в Черекском ущелье расстрелял около 700 человек, в том числе 155 детей в возрасте до 16 лет, сжег 519 домов. Однако после освобождения Черекского района в 1943 г. были составлены сфальсифицированные акты о том, что гибель людей являлась злодеянием оккупантов и их пособников-бандитов, проведены массовые аресты. Данные действия со стороны властных структур усиливали негативное отношение населения к советской власти [Черекская 1994].

Летом–осенью 1942 г. войска вермахта захватили Адыгейскую АО, Карачаевскую

АО и Черкесскую АО, Кабардино-Балкарскую АССР, большую часть Северо-Осетинской АССР (Ирафский, Дигорский, Ардонский, Кировский, частично Орджоникидзевский и Гизельдонский районы) и незначительную часть Чечено-Ингушской АССР (Малгобек). Население оккупированной территории подверглось воздействию нацистской пропаганды, резко критиковавшей сталинский режим и призывавшей к сотрудничеству с вермахтом. Так, «Воззвание к гражданскому населению Кавказа» утверждало: «Германская армия и ее союзники пришли к вам не как поработители, а как освободители всех кавказских народов от ненавистного вам большевистского ярма» [НА РА. Ф. Р-1563. Оп. 1. Д. 1. Л. 9]. Оккупационная пресса акцентировала внимание на непокорности Кавказа Москве, драматических событиях Кавказской войны и колонизаторской политике царизма, переселении черкесов за рубеж. В приказах немецкого командования говорилось о необходимости распустить колхозы, уважать честь горской женщины, право собственности, развивать национальные ремесла и кавказские языки. Оккупанты объявили о свободе вероисповедания на Северном Кавказе, разрешили открывать церкви. Особое внимание уделялось поддержке ислама, во многих городах и аулах появились мечети.

По инициативе партийных организаций еще до оккупации на территории Северного Кавказа создавались партизанские отряды и подпольные группы. В период оккупации они уничтожили тысячи военнослужащих вермахта и полицейских. Однако и сами партизаны понесли большие потери. Негативную роль сыграли недостатки в подготовке и комплектовании отрядов, утрата ими продовольственных баз, отсутствие связи, а в ряде случаев — и поддержки со стороны населения. В результате часть отрядов распалась и была уничтожена противником. В то же время часть населения Северного Кавказа, как и в других оккупированных регионах СССР, пошла на прямое сотрудничество с противником вследствие недовольства советской национальной и антирелигиозной политикой, коллективизацией и массовыми политическими репрессиями.

В январе 1943 г. большая часть территории Северного Кавказа была освобождена от войск вермахта. Однако вплоть до середины осени регион оставался прифронтовой территорией, подвергался вражеским

бомбардировкам. В этих трудных условиях началось расследование поведения жителей, находившихся на захваченной территории и обвинявшихся в сотрудничестве с противником, в том числе и коммунистов, многие из которых просто не успели эвакуироваться вследствие неожиданно быстрой оккупации. Только в Шовгеновском районе Адыгейской АО из 185 членов и кандидатов партии на оккупированной территории осталось 97 человек, 49 из них исключили «за активную работу на оккупантов, измену Родине и предательство» [ХДНИ НА РА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 38, 38 об.]. В Карачаевской АО в оккупации осталось 93,5 % членов Усть-Джегутинской, 69,6 % Малокарачаевской, 95 % Учкуланской, 86,2 % Зеленчукской, 69,8 % Микояновской районных партийных организаций [РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 189. Л. 2об.]. Всего 565 человек, из них после изгнания фашистов 97 человек были исключены из партии, на 49 человек наложено взыскание [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 189. Л. 3]. В Урванском и Лескенском районах Кабардино-Балкарской АССР в оккупации осталось до 90 % коммунистов вместе с секретарями райкомов ВКП(б). Из 2 209 коммунистов Кабардино-Балкарии, остававшихся на оккупированной территории, 1 005 человек были исключены из партии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 180. Л. 6–6об.]. В Ирафском районе Северо-Осетинской АССР на захваченной территории находилось свыше 50 % членов партийной организации, а всего в республике в оккупации осталось 485 коммунистов, 19 из них сдали свои партийные документы оккупантам, 318 — уничтожили или утратили их [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 221. Л. 125–126].

Значительно осложнила обстановку активизация бандитских формирований. В Учкуланском районе Карачаевской АО в январе-феврале 1943 г. вспыхнуло антисоветское восстание. Практически по всей предгорной и лесной полосе совершались террористические и диверсионные акты, убийства руководящих работников, партийных и советских активистов, грабежи государственного и колхозного имущества, распространялись слухи о скором возвращении противника [Кубань 2003: 398]. Численность дезертиров в 1943 г. на Северном Кавказе составила 20 249 человек, уклонившихся от призыва — 9 838 человек, а всего за годы войны в регионе насчитывалось 49 362 дезертира и 13 389

уклонившихся от службы в РККА [«По решению...» 2003: 425].

В результате советское руководство пришло к выводу о необходимости принятия кардинальных решений для стабилизации обстановки. Таковыми и стали депортации ряда северокавказских народов на восток страны. По мнению ряда исследователей, свою роль здесь сыграли и соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов, а также стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования “социалистических наций” на основе национальных государственных образований» [Тишков 1994: 24]. Другие исследователи связывают причины депортаций непосредственно с самим характером советского строя и иными обстоятельствами [см.: Кропачев, Кринко 2012: 153–179].

Первыми принудительному выселению подверглись карачаевцы. Еще 9 октября 1943 г. руководство Казахской ССР, ссылаясь на указания ГКО СССР, предписало руководителям ряда областей готовиться к приему переселенцев с Северного Кавказа [Карачаевцы 1993: 14]. Через три дня, 12 октября, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР № 115-13 о выселении карачаевского народа в Казахскую и Киргизскую ССР. Причины выселения в нем объяснялись тем, что в период оккупации Карачаевской АО «многие карачаевцы вели себя предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы в Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и заброшенных немцами агентов, оказывая им активную помощь». В связи с этим Президиум Верховного Совета СССР постановил: «Всех карачаевцев, проживающих на территории области, переселить в другие районы СССР, а Карачаевскую автономную область ликвидировать». Перед СНК СССР ставилась задача «наделить карачаевцев в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству» [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 1].

На карачаевцах отрабатывался сам механизм принудительного переселения, впоследствии применявшийся и к другим народам Северного Кавказа. 14 октября было принято секретное постановление СНК СССР № 1118-342сс, установившее порядок переселения жителей Северного Кавказа. Спецпереселенцам разрешалось взять с собой не более 500 кг на семью принадлежавшего им имущества. Все остальное — дома и сельскохозяйственные постройки, скот и птицу, зерно и другую продукцию сельского хозяйства — они оставляли на месте. При этом скот, птица и зерно шли «на покрытие государственных обязательств, поставок 1943 г. и недоимок прошлых лет», остальное подлежало «возмещению натурой в новых местах расселения». Предполагалось, что спецпереселенцам будет предоставлена возможность построить индивидуальные глинобитные дома из местных строительных материалов, а также приспособить имевшиеся пустовавшие и требовавшие ремонта постройки для жилья. На расходы, связанные со спецпереселением, выделялось 20 млн руб. [«По решению...» 2003: 395–398].

Всего с Северного Кавказа в Казахстан и Киргизию в октябре 1943 г. были выселены 69 267 карачаевцев. Впоследствии были дополнительно выявлены и высланы еще 329 человек, из других районов Кавказа — 90 карачаевцев, 2 543 военнослужащих демобилизованы из РККА и также отправлены в принудительную ссылку. Территория упраздненной Карачаевской АО была разделена на несколько частей. Учкуланский и часть Микояновского района с бывшим центром автономии — городом Микоян-Шахар — отошли к Грузинской ССР. Здесь они составили Клухорский район, а Микоян-Шахар был переименован в Клухори. Усть-Джегутинский (в который вошла остальная часть Микояновского района), Мало-Карачаевский (переименованный в Кисловодский район) и Зеленчукский (в который включалась часть Преградненского района со станицей Преградной) районы вошли в состав непосредственно Ставропольского края. Большая часть Преградненского района была передана в Мостовской район Краснодарского края [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 1–2].

Однако новые границы создавали чересполосицу, причиняя неудобства в управлении. Включенная в состав Зеленчукского района часть бывшего Преградненского

района со станицей Преградной могла связываться с районным центром только через станицу Сторожевую Кировского района Черкесской АО. Поэтому Ставропольский крайисполком включил данную территорию, а также Архызские летние пастбища в Кировский район Черкесской АО. В результате административные границы Зеленчукского района остались без изменений [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 5]. Решением Ставропольского крайисполкома 31 декабря 1943 г. населенные пункты Крым, Холодный Родник и Ильич, а также часть Ессентукской прирезки площадью до 11 тыс. га Усть-Джегутинского района были переданы Черкесскому району Черкесской АО. Остальная часть Ессентукской прирезки площадью до 3 тыс. га вошла в Суворовский район. Карачаевская МТС была переименована в Холодно-Родниковскую и передана в Черкесскую АО. В Кисловодский сельский район были включены нагорные летние пастбища Усть-Джегутинского района, центром района утверждена станица Кисловодская [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 4].

Осенью и зимой 1943/1944 гг. органы НКВД начали подготовку операций по выселению других народов Северного Кавказа, в первую очередь самых многочисленных — чеченцев и ингушей. 31 января 1944 г. ГКО СССР принял постановление № 5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР». НКВД СССР поручалось направить в феврале–марте 1944 г. 400 тыс. спецпереселенцев в Казахскую ССР и до 90 тыс. — в Киргизскую ССР. СНК Казахской ССР и СНК Киргизской ССР обязывались «обеспечить прием, размещение и трудовое устройство прибывающих спецпереселенцев» [«По решению...» 2003: 459–461]. Для организации работы по приему скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества от переселяемых с Северного Кавказа чеченцев и ингушей была создана специальная Комиссия СНК СССР во главе с заместителем Председателя СНК РСФСР А. В. Гриценко, прибывшая в Чечено-Ингушскую АССР 11 февраля.

Через десять дней последовал приказ НКВД СССР № 00193 о переселении нового контингента. Операция получила название «Чечевица» и началась 23 февраля. Для ее проведения 20 февраля в Грозный прибыли лично нарком внутренних дел Л. П. Берия

совместно с комиссарами государственной безопасности Б. З. Кобуловым и И. А. Серовым, другими высокопоставленными сотрудниками центрального аппарата НКВД. В начале операции «Чечевица» были депортированы 310 630 чеченцев и 81 100 ингушей, в основном, жителей равнинных и относительно доступных горных районов. Вместе с ними были выселены 80 аварцев, 27 кумыков, 6 осетин, 2 лакца, 1 лезгин, 14 кабардинцев, 4 азербайджанца, 4 еврея, 1 ногаец, 1 даргинец. Затем численность депортируемых возросла до запланированных 478 479 чел. [Иосиф Сталин — Лаврентию Берии 1992: 11].

За три дня до начала операции Комиссия СНК СССР подготовила проекты соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР о судьбе Чечено-Ингушской АССР и постановления СНК СССР о порядке заселения *«освобожденных от местного населения районов и передаче скота в освобожденные от немецкой оккупации области»* [«По решению...» 2003: 458]. В их выработке участвовали руководители Грузинской ССР, Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Чечено-Ингушского обкома ВКП(б). Председатель СНК Грузинской ССР В. М. Бакрадзе и секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В. А. Иванов с предлагаемым проектом районирования согласились, а руководители Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР попросили увеличить передаваемую им территорию [«По решению...» 2003: 465].

Однако Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» был принят уже после выселения вайнахов, 7 марта 1944 г. В отличие от карачаевцев, чеченцам и ингушам было предъявлено обвинение в тыловом и даже в довоенном бандитизме, так как в оккупации находилась незначительная часть автономии. Выселение обосновывалось тем, *«что в период Отечественной войны, особенно во время действий немецко-фашистских войск на Кавказе, многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в отряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тылы Красной Армии, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против советской власти»*, а также тем, *«что многие чеченцы и ингуши на протяжении ряда лет*

участвовали в вооруженных выступлениях против советской власти и в течение продолжительного времени, будучи не заняты честным трудом, совершают бандитские налеты на колхозы соседних областей, грабят и убивают советских людей». В результате Президиум Верховного Совета СССР постановил: *«Всех чеченцев и ингушей, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР, а также в прилегающих к ней районах, переселить в другие районы СССР, а Чечено-Ингушскую АССР ликвидировать»*. СНК СССР поручалось *«наделить чеченцев и ингушей в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству»* [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 1]. Законодательное оформление данного решения произошло лишь 25 июля 1946 г. с принятием Закона РСФСР «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область».

Территория упраздненной Чечено-Ингушской АССР была разделена на четыре части. Центральные районы образовали Грозненский округ в составе Ставропольского края. Первоначально Комиссия СНК СССР планировала включить в него 16 из 24 районов бывшей Чечено-Ингушской АССР, в том числе 13 в прежних границах, а 3 — в уменьшенных [«По решению...» 2003: 464]. Однако затем территорию округа уменьшили, включив в нее город Грозный в качестве его центра и районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Атагинский, Ачхой-Мартановский, Грозненский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Урус-Мартановский, Шалинский, Шатоевский — в прежних границах, Гудермесский — за исключением восточной части, Сунженский район — за исключением западной части, Галанчожский и Галашкинский — за исключением южной части, и северо-западную часть Курчалоевского района [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 2].

Остальная территория отошла к соседним Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Грузинской ССР. В состав Дагестанской АССР планировалось включить 4 района в прежних границах и еще один — с уменьшенной в два раза территорией. Однако первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) А. М. Алиев и председатель СНК Дагестанской АССР А. Д. Даниялов попросили дополнительно присоединить восточную

часть Гудермесского и Курчалоевского районов [«По решению...» 2003: 465]. В итоге к Дагестанской АССР были присоединены Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский районы в прежних границах, Курчалоевский и Шароевский районы, за исключением северо-западной части, и восточная часть Гудермесского района [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 2].

В состав Северо-Осетинской АССР Комиссия СНК СССР планировала включить непосредственно прилегавший к Орджоникидзе Пригородный район, за исключением его южной части, Назрановский и примерно 70 % Ачалукского района. Первый секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Н. П. Мазин и председатель СНК Северо-Осетинской АССР К. Д. Кулов просили дополнительно присоединить полностью Ачалукский, Пседахский районы, Малгобекский и часть Сунженского районов [«По решению...» 2003: 465]. Их просьба также была удовлетворена. В итоге в состав Северо-Осетинской АССР вошли город Малгобек, Ачалукский, Назрановский и Пседахский районы полностью, Пригородный район, за исключением его южной части, западная часть Сунженского района [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 2–3]. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 1 марта 1944 г. в состав Северо-Осетинской АССР также был включен город Моздок Ставропольского края. Чтобы обеспечить связь Моздокского района с остальной территорией Северо-Осетинской АССР, в него передали восточную часть Курпского района Кабардино-Балкарской АССР.

В состав Грузинской ССР вошла высокогорная часть — северные склоны Кавказского хребта, располагавшиеся на территории Итум-Калинского, западной части Шароевского, южной части Галанчожского, Галашкинского и Пригородного районов бывшей Чечено-Ингушской АССР. Кроме того, Грузинской ССР передавалась юго-восточная часть Гизельдонского района Северо-Осетинской АССР [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 3–4].

Практически сразу же, 24 февраля 1944 г., председатель Комиссии СНК СССР А. В. Гриценко высказался за создание самостоятельной Грозненской области. Он считал нецелесообразным включение Грозненского округа в состав Ставропольского края и, обращаясь к Л. П. Берии, писал, что Ставропольский край «и без того велик, и

со стороны крайисполкома и крайкома не будет должного внимания к такому важнейшему промышленному району, каким является Грозный. Вопросы заселения, освоения и развития сельского хозяйства бывшей Чечено-Ингушской АССР и дальнейшего развития нефтяной промышленности Грозненскому округу придется решать в правительстве через Ставропольские краевые организации, что является лишней инстанцией и будет осложнять проведение указанных мероприятий» [«По решению...» 2003: 465].

В результате Грозненский округ просуществовал крайне недолго. 22 марта 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании Грозненской области [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 93]. Помимо Грозненского округа, в нее из состава Ставропольского края были переданы Кизлярский округ, населенный преимущественно ногайцами, кумыками и терскими казаками, а также Наурский район, основу населения которого также составляли терские казаки. По своим размерам она значительно превосходила прежнюю Чечено-Ингушскую АССР. Горные районы, из которых были выселены чеченцы, составляли лишь около четверти территории Грозненской области, а большая часть ее пришлась на степи от Терека до Каспийского моря.

5 марта 1944 г. было принято постановление ГКО СССР № 5309. В Киргизскую ССР «навечно в места постоянного и обязательного поселения» направлялись 8 542 балкарских семьи общей численностью в 36 741 человек. В течение нескольких последующих лет были дополнительно выселены 340 балкарцев, прибывших по демобилизации из армии, из мест заключения и по репатриации: в 1944 г. — 50 человек, в 1945 г. — 104 человека, в 1946 г. — 135 человек, в 1947 г. — 45 человек, в 1948 г. — 6 человек. Всего — 37 081 человек [Иосиф Сталин — Лаврентию Берии 1992: 247–248].

Как и в случае с чеченцами и ингушами, уже после депортации, 8 апреля 1944 г., был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении балкарцев, проживавших в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР». Он содержал стандартное обоснование выселения: «В связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Кабардино-Балкарской

АССР многие балкарцы изменили Родине, вступали в организованные немцами вооруженные отряды и вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали фашистским оккупантам помощь в качестве проводников на Кавказских перевалах, а после изгнания Красной Армией с Кавказа войск противника вступали в организованные немцами банды для борьбы против советской власти». На основании вышеизложенного Президиум Верховного Совета СССР постановил: «Всех балкарцев, проживавших на территории Кабардино-Балкарской АССР, переселить в другие районы СССР». СНК СССР предлагалось «наделить балкарцев в новых поселениях землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству». В свою очередь, «земли, освободившиеся после выселения балкарцев», предполагалось «заселить колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР» [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1–2]. В связи с выселением балкарцев Кабардино-Балкарскую АССР переименовали в Кабардинскую автономную советскую социалистическую республику. Юго-западная часть Эльбрусского и Нагорного районов была включена в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1–2].

Соответствующие решения принимали и местные органы власти. 15 апреля 1944 г. бюро Кабардинского обкома ВКП(б) постановило изменить административное районирование Кабардинской АССР в связи «с переселением балкарского населения в другие районы СССР и передачей части Курпского района в состав Северо-Осетинской АССР» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 395. Л. 128–129]. Специальная комиссия в пятидневный срок разработала и представила на рассмотрение бюро обкома ВКП(б) свои соображения об установлении границ районов и переименовании населенных пунктов. Еще через 10 дней бюро Кабардинского обкома ВКП(б) утвердило новые границы Лескенского, Советского (бывшего Хуламо-Безенгиевского), Нальчикского, Чегемского, Эльбрусского и Нагорного районов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 395. Л. 156]. Данные изменения закрепил Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О перенесении районных центров Нагорного, Урванского и Чегемского районов, переименовании Хуламо-Безенгиевского района

и о ликвидации Черекского района Кабардинской АССР» от 29 мая 1944 г. [«По решению...» 2003: 509–510].

Общая численность переселенцев, высланных с ноября 1943 г. по март 1944 г. с Северного Кавказа «на постоянное жительство» в Казахскую ССР и Киргизскую ССР, составила 602 193 человека, в том числе 496 460 чеченцев и ингушей, 68 327 карачаевцев, 37 406 балкарцев [«По решению...» 2003: 510]. Переселенцы разместились на огромной территории от Северного Казахстана до предгорий Памира. Судя по документам органов НКВД, в большинстве случаев выселение и обустройство на новом месте репрессированных народов прошли спокойно: спецпереселенцев размещали в основном по колхозам, устраивали на работу. Однако и в пути, и в местах ссылки они столкнулись с немалыми трудностями. Сам правовой статус представителей репрессированных народов первоначально не был определен, создавая основы для различных злоупотреблений. Только 8 января 1945 г. было принято постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев». В нем отмечалось, что спецпереселенцы пользовались всеми правами граждан СССР, за исключением того, что без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД не могли отлучаться за пределы района расселения. Самовольная отлучка квалифицировалась как побег и влекла уголовную ответственность. Главы семей или лица, их заменявшие, обязывались в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях в составе семьи (рождении ребенка, смерти члена семьи, побеге и т. д.). Все трудоспособные спецпереселенцы обязывались заниматься общественно полезным трудом, местные советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД обеспечивали «*трудоустройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, в хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях*». От спецпереселенцев требовалось строгое соблюдение установленного режима и общественного порядка в местах расселения, подчинение всем распоряжениям спецкомендатур НКВД. За нарушение режима и общественного порядка в местах расселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток [Иосиф Сталин — Лаврентий Берии 1992].

Одной из основных форм протеста представителей репрессированных народов против принудительной ссылки стали побеги на родину. 26 ноября 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». В нем говорилось, что переселение чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев и других репрессированных народов *«произведено навечно, без права возвращаться к их прежним местам жительства»*. За побег вводилось суровое наказание — 20 лет каторжных работ [Карачаевцы 1993: 17].

В целом, жизнь в принудительной ссылке, под надзором спецкомендатур НКВД, в совершенно иных, чем на родине, природно-климатических условиях стала тяжелым испытанием для депортированных народов. Отсутствие необходимых социально-бытовых условий, массовый голод, особенно в первое время, частые вспышки инфекционных заболеваний, тяжелый труд вызвали массовую смертность. Тем не менее, многие представители высланных народов Северного Кавказа в Казахстане и Киргизии научились выращивать новые для себя сельскохозяйственные культуры, добывали руду в шахтах, прокладывали дороги и каналы. Немало спецпереселенцев было представлено к правительственным наградам за успехи в труде [Тетуев 2012].

В то же время серьезной проблемой для советского руководства стало заселение опустевших территорий упраздненных автономий. В качестве переселенцев широко использовались жители соседних регионов. В 11 районов бывшей Чечено-Ингушской АССР, вошедших в состав Грозненской области, из Ставропольского края было переселено 6 800 семей, а из самой Грозненской области и Грозного — 5 892 хозяйства колхозников. Всего до 15 мая в бывшие чеченские и ингушские села переселили 12 692 семейства, из которых были организованы 65 колхозов. До выселения в них размещались 32 110 хозяйств чеченцев и ингушей. В результате количество новых переселенцев составило менее 40 % от прежнего населения. Незаселенными оставались 22 села, а 20 сел были заселены частично. В феврале–марте 1945 г. в Грозненскую область переместили 2 000 хозяйств из Брянской, Вологодской, Ивановской, Калужской и Киров-

ской областей [«По решению...» 2003: 473]. Всего в районы, вошедшие в Грозненскую область, было переселено из РСФСР, Украинской ССР и Молдавской ССР 78 тыс. человек. В районы, отошедшие Дагестанской АССР после ликвидации Чечено-Ингушской АССР, переселились из высокогорных районов республики 46 тыс. аварцев, даргинцев и представителей других народов Дагестана. Бывшие чеченские (аккинские) села на территории Дагестана (упраздненный Ауховский район) заселялись лакцами и аварцами. В районы, включенные в состав Северо-Осетинской АССР, переселились 55 тыс. человек, в том числе 26 тыс. осетин из высокогорных населенных пунктов Юго-Осетинской АО Грузинской ССР и 15 тыс. осетин из Северо-Осетинской АССР. В Грузинской ССР в Клухорский район из горных районов переселялись сваны, рачинцы и лечхумцы, в южные районы бывшей Чечено-Ингушетии — хевсурсы и тушины. Но значительная часть территории, вошедшей в состав Грузинской ССР, так и осталась незаселенной.

Административно-территориальный передел на Северном Кавказе в 1943–1944 гг. стал новым этапом в развитии советской национальной политики. Как и административные преобразования первых советских десятилетий, он отражал стремление власти перекраивать карту региона в соответствии с определенными целями и задачами. Таковыми на тот момент в первую очередь считались стабилизация ситуации на Северном Кавказе и подавление протестных движений, наиболее опасными формами которых являлись сотрудничество с противником, массовое дезертирство и уклонение от службы в РККА, бандитизм в советском тылу, приобретший особенно угрожающий характер в условиях прифронтовой территории. Ответственность за данные негативные явления возлагалась на целые народы, несмотря на то, что многие их представители служили в рядах действующей армии, сражались в партизанских отрядах, работали в тылу. На фронте воевали свыше 10 тыс. балкарцев, 15,6 тыс. карачаевцев, 17,3 тыс. чеченцев и ингушей [Карачаевцы 1993: 9, Бугай 2011: 358, 369]. Многие из них погибли, защищая Родину. Немало выходцев с Северного Кавказа были удостоены правительственных наград, другие не получили их из-за своей принадлежности к репрессированным народам. Однако в ссылку должны были отправиться

все: и те, кто сотрудничал с оккупантами и оказывал помощь бандитам, и те, чьи родственники воевали на фронте.

Новые границы порой кроились и перекраивались достаточно произвольно, без учета этнического состава населения, неминуемо порождая в дальнейшем территориальные споры и конфликты. В частности, при установлении границы между Грозненской областью и Северо-Осетинской АССР в распоряжении их представителей вообще не было «ни графического проекта, ни такой карты, которая позволила бы определить положение вновь устанавливаемой границы в натуре по приведенным в тексте указа пунктам (высотам)». Более того, «ни одной из сторон не было известно, какая именно карта, какого года издания и масштаба была положена в основу описания границ». Поэтому «попытки определить местонахождения необходимых высот путем вычислений по имеющимся картам не дали никаких результатов, так как таких высот или совсем не находилось, или они располагались на территории, не затрагиваемой описательной частью Указа». Лишь позже, по договоренности представителей Грозненской области и Северо-Осе-

тинской АССР граница была установлена в пределах Сунженского района [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 11. Л. 22–23]. Опустевшие территории заселялись новыми жителями, однако их численность, особенно в первые годы, значительно уступала прежней, вызывая неминуемый спад в ряде отраслей народно-хозяйственного комплекса, особенно в традиционных для данного региона видах трудовой деятельности.

В то же время советское руководство не отказалось от самих принципов и форм национально-государственного устройства СССР. Отдельные национальные республики и области даже существенно выиграли в ходе административных преобразований 1943–1944 гг. вследствие как ликвидации ряда субъектов, так и передачи им территорий, населенных русскими (терскими казачками), ногайцами, кумыками и другими народами, не имевшими собственных национально-государственных образований. Таким образом, наказание одних и поощрение других народов, считавшихся более лояльными, и изменения в судьбе их национально-государственных образований не меняли самих принципов советской политической системы.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Национальный архив Республики Адыгея (НА РА).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Хранилище документации новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (ХДНИ НА РА).

Литература

Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Изд-во Центрполиграф, 2012. 479 с.
Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М.: Гриф и К, 2011. 510 с.
Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
Карачаевцы: Выселение и возвращение, 1943–1957: Материалы и документы. Черкесск: Изд-во «ПУЛ», 1993. 176 с.
Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности: конфликтного потенциала (исторические очерки). Изд. 2-е.

Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. 211 с.

Кропачев С. А., Кринко Е. Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.
Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар: Советская Кубань, 2003. Кн. 2. Ч. 1: Хроника событий. 1943 год. 896 с.
«По решению правительства Союза ССР...». (Депортация народов: документы и материалы) / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Издат. центр «Эль-Фа», 2003. 927 с.
Тетюев А. И. Повседневная жизнь и стратегия выживания спецпереселенцев в 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 33–42.
Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Мат-лы Междунаро. конф. 1993 г. / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 9–34.
Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Изд-во «Европа», 2006. 128 с.
Черекская трагедия. Нальчик: Эльбрус, 1994. 201 с.

Sources

[The Document Repository of the Newest History of the National Archives of the Republic of Adygeya]. (In Russ.)
[The National Archives of the Republic of Adygeya]. (In Russ.)
[The Russian State Archives of Social and Political History]. (In Russ.)
[The State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

[“By Decision of the Government of the Union of Soviet Socialist Republics...”. (Deportation of Peoples: Documents and Materials)]. N. F. Bugay, A. M. Gonov (compl.). Nalchik: El-Fa, 2003. 927 p. (In Russ.)
Bezugolny A.Yu., Bugay N. F., Krinko E. F. [Mountain Dwellers of the North Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945: Problems of History, Historiography and Source Study]. Moscow: Center-polygraph Publ., 2012. 479 p. (In Russ.)
Bugay N. F. [L. Beria to I. Stalin: “After your Instructions the Following was Carried out...”]. Moscow: Grif & K., 2011. 510 p. (In Russ.)
[Cherek Tragedy]. Nalchik: Elbrus, 1994. 201 p. (In Russ.)
[Joseph Stalin to Lavrentiy Beria: “They must be deported...”: Documents, Facts, Comments].

N. F. Bugay (compl.). Moscow: Friendship of Peoples, 1992. 288 p. (In Russ.)
[The Karachays: Eviction and Return, 1943–1957: Materials and Documents]. Cherkessk: PUL Publ., 1993. 176 p. (In Russ.)
Klychnikov Yu., Linets S. I. [North Caucasian Knot: Features of the Conflict Potential (historical essays)]. 2nd ed. Pyatigorsk: RIA-KMV, 2008. 211 p. (In Russ.)
Kropachev S. A., Krinko E. F. [Losses of the USSR Population in 1937–1945: Scale and Forms. Fatherland Historiography]. Moscow: ROSSPEN, 2012. 350 p. (In Russ.)
[Kuban during the Great Patriotic War. 1941–1945: Declassified Documents. Chronicle of Events]. In 3 books. Book 2. Part 1. Chronicle of Events. Year 1943. Krasnodar: Soviet Kuban, 2003. 896 p. (In Russ.)
Tetuev A. I. [Everyday Life and Survival Strategy of Special Resettles in the 40–50s of the 20th Cent.]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012. No. 3. Pp. 33–42. (In Russ.)
Tishkov V. A. [Nationalities and Nationalism in the Post-Soviet Space (historical aspect)]. In: [Ethnicity and power in multi-ethnic states]. Conf. proc. V. A. Tishkov (ed.). Moscow: Nauka, 1994. Pp. 9–34. (In Russ.)
Tsutsiev A. [Atlas of Ethnopolitical History of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow: Evropa Publ., 2006. 128 p. (In Russ.)

УДК 93

ББК63.5 (2Рос=Калм)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КАЛМЫЦКОЙ АССР В 1943 г.

К. Н. Максимов

В ходе общего контрнаступления войск Сталинградского фронта в ноябре 1942 г. воинские части 51-й армии приступили к освобождению временно немцами оккупированных северо-западных улусов Калмыцкой АССР. В вечернем сообщении 27 ноября 1942 г. Совинформбюро говорилось: «Наши войска юго-западнее Сталинграда продвинулись вперед и заняли населенные пункты Городской ... Шарнутовский» [Сталинградская битва 2002: 295]. В бою за село Шарнутовский 26 ноября 1942 г. заряжающий миномета 13-го отдельного конно-артиллерийского дивизиона 61-й кавалерийской дивизии рядовой Карсыбай Спатаев, уроженец Чимкентской области Казахской ССР, за проявленный подвиг посмертно удостоился звания Героя Советского Союза. В наградном листе о подвиге К. Спатаева написано: «... 26 ноября 1942 г. в районе населенного пункта Шарнутовский с миной в руках бросился под вражеский танк, прорвавшийся на огневую позицию батареи, и подорвал его» [Конев 2010: 347]. К 1 декабря 1942 г. полностью были освобождены Малодербетовский и Сарпинские улусы.

После упорных боев подразделения 28-й армии в декабре 1942 г. перешли в наступление и к изгнанию врага из Калмыцкой АССР. В вечернем сообщении 30 декабря 1942 г. Совинформбюро было передано: «В течение 30 декабря наши войска южнее Сталинграда продолжали успешно развивать наступление и заняли районные центры Ремонтное, Троицкое, населенные пункты ... Улан-Эрге, Ленинский ...» [Сталинградская 2002: 318–343].

28 декабря 1942 г. полностью был освобожден Кетченеровский улус, 29 декабря — Черноземельский улус, 30 декабря — Троицкий улус. 31 декабря 1942 г. в 23 час. 40 мин. гвардейцы 28-й армии, разгромив немецкие и румынские части, освободили Элисту от оккупантов. В числе первых вошедших в Элисту под-

разделений находился и отдельный калмыцкий разведывательный эскадрон (командир — элистинец И. Т. Барабанов, старший политрук — Булда Манджиев) штаба 28-й армии. В вечернем сообщении Совинформбюро 1 января 1943 г. передало: «... южнее Сталинграда наши части после ожесточенного боя овладели городом Элиста». 2 января 1943 г. был освобожден Приютненский улус, 21 января — Западный и Яшалтинские улусы.

С освобождением от временной немецкой оккупации Калмыцкая АССР стала объектом пристального внимания ЦК ВКП(б). По решению секретариата ЦК ВКП(б) от 14 января 1943 г. в Калмыкию, якобы для оказания помощи, прибыл из Москвы ответственный работник орготдела А. Ф. Ликомидов, бывший секретарь Астраханского окружкома партии. Правительство РСФСР командировало в республику большую группу специалистов федеральных наркоматов во главе с заместителем наркома торговли Жуковым [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 115. Л. 23; Оп. 122. д. 40. Л. 12]. Целью прикомандирования А. Ликомидова, видимо, было не столько «оказание помощи», сколько изучение им республики, знакомство с положением дел в ней, подготовка к вступлению в должность первого секретаря Калмобкома ВКП(б). Действительно, на январско-февральском (29.01–01.02.1943 г.) пленуме (первом после оккупации) обкома партии по рекомендации ЦК ВКП(б) его избрали первым секретарем парткома Калмыкии вместо П. В. Лаврентьева.

С января 1943 г. при обкоме партии почти постоянно находились 2–3 прикомандированных ответственных работника отделов ЦК ВКП(б) и Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), которые, выезжая в улусные парткомы и первичные парторганизации, открыто высказывали и выражали недовольство работой обкома партии и

правительства республики. По всем вопросам они составляли докладные записки, отчеты на имя секретарей ЦК ВКП(б) весьма негативного содержания. В апреле–мае работники ЦК ВКП(б) и наркоматов СССР и РСФСР приступили к тщательному анализу социально-культурной сферы, экономики, кадрового и национального состава Калмыцкой АССР, при этом обращалось внимание и на оккупационный период.

В конце мая — начале июня 1943 г. Секретариат ЦК ВКП(б) под председательством Г. М. Маленкова рассмотрел с участием первого секретаря Калмобкома партии А. П. Ликомидова и председателя СНК КАССР Н. Л. Гаряева положение дел в Калмыкии, акцентируя внимание на политическую ситуацию в республике. После возвращения из Москвы А. Ликомидов, выступая на пленуме Калмобкома партии, состоявшемся 12–15 июня 1943 г., информировал членов обкома о том, что на заседании секретариата ЦК ВКП(б) им с Н. Гаряевым обоим указали на слабую работу обкома и правительства по наведению порядка в республике, «в борьбе с враждебными элементами, скрывающимися на ее территории ...». Далее он особо подчеркнул: «ЦК ВКП(б) потребовал от нас в кратчайший срок навести порядок в республике, исправить ненормальную обстановку в некоторых улусах ... Надо помнить указание наших вождей, что всякое ослабление партии в военное время, — добавил от себя Ликомидов, — должно караться по законам военного времени». Н. Л. Гаряев, принимая участие в прениях на этом же пленуме, подтвердил, что на секретариате ЦК ВКП(б) им пришлось держать ответ по вопросу о политическом положении в республике. При этом он выразил сожаление по поводу того, что все же «часть нашего населения, хотя небольшая, около 1 %, была на стороне немцев, пошла против советской власти, из которых часть ушла с фашистами ...» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 785. Л. 31, 43, 188–191; Д. 839. Л. 50].

По общественно-политической обстановке республика ничем не отличалась от других территорий страны, освобожденных от временной немецкой оккупации. Ее население активно включилось в восстановление народного хозяйства, продолжалась мобилизация материальных и людских ресурсов для нужд фронта. К середине 1943 г. установилось относительное спокойствие и

в калмыцкой степи. В марте 1943 г. на территориях СССР, освобожденных Красной Армией от фашистов, оперативные группы и местные органы НКВД СССР выявили и арестовали: в Ростовской области — 1 807 (0,06 % от всего населения) немецких пособников, 121 дезертира и бандита; в Краснодарском крае — 3 011 (0,1 %) немецких пособников, 1 480 дезертиров и бандитов; Ставропольском крае — 4 652 (0,31 %) немецкого пособника, 252 дезертира и бандита; Калмыцкой АССР — 243 (0,11 %) немецких пособника разных национальностей, 16 дезертиров и бандитов; Кабардино-Балкарской АССР — 538 (0,15 %) немецких пособников, 524 дезертира и бандита; Северо-Осетинской АССР — 506 (0,11 %) немецких пособников, 298 дезертиров и бандитов; в Орловской области — 1 449 (0,11 %) немецких пособников, 2 037 дезертиров и бандитов; Воронежской области — 2 861 (0,1 %) немецкого пособника, 319 дезертиров и бандитов; Сталинградской области — 1 423 (0,08 %) немецких пособников, 78 дезертиров и бандитов. Приказом НКВД СССР от 31 июля 1943 г. из числа работников местных правоохранительных органов в Калмыцкой АССР сформировали штаб и истребительные батальоны. Им в короткие сроки удалось ликвидировать почти все бандгруппы, некоторые из них добровольно явились с повинной и сдались. К концу августа 1943 г., по данным НКВД СССР, на территории Калмыкии действовали 4 бандгруппы в составе 17 человек [Лубянка 2006: 361, 366, 368–370].

Вместо того, чтобы основательно и настойчиво заниматься вопросами возвращения эвакуированного скота, усилить организаторскую, разъяснительно-воспитательную деятельность, приступить к налаживанию спокойной и деловой обстановки в республике, руководство Калмыцкого обкома ВКП(б), видимо, боясь ответственности за последствия оккупации, лихорадочно начало искать «виновных» в провале эвакуации, политико-разъяснительной работы среди населения, особенно оккупированных улусов. Областной комитет партии не смог своевременно и обстоятельно проанализировать сложившуюся ситуацию в период оккупации и после нее, установить объективные причины, неотложные задачи, пути и методы решения имеющихся проблем. Секретари областного парткома П. В. Лаврентьев и П. Ф. Касаткин, не пре-

одолев «синдром страха» перед вышестоящим начальством, старательно пошли по сложившемуся в то время стереотипу — искать «врагов народа», «вредителей», «социально чуждых элементов», «буржуазных националистов» и т. д.

Калмыцкий обком ВКП(б) в первую очередь занялся проверкой коммунистов, находившихся на временно оккупированной территории республики, и расправой с ними. 733 (30 % от общего числа людей оккупированных улусов и 22,6 % от общей численности облпарторганизации) коммуниста Калмыцкой областной партийной организации вынужденно оказались в оккупированных селах и городе Элисте. В докладной записке «О недостатках в работе улускомов ВКП(б) Калмыцкого обкома ВКП(б) по рассмотрении дел коммунистов, оставшихся на территории, оккупированной врагами», составленной 24 июня 1943 г. уполномоченным Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Калмыцкой АССР А. Смирновым, указывалось, что в оккупации находились 768 коммунистов (предварительные данные обкома. — К. М.). Из них фашисты расстреляли 91 (12,4 %) члена партии, вступившего в борьбу с ними, 7 человек умерли. Немцы в Яшалтинском улусе из 68 коммунистов казнили 35, из них 17 калмыков, в Западном улусе из 82 коммунистов — 15 (11 калмыков), в Приютненском улусе из 125 коммунистов — 17, в Троицком улусе из 89 коммунистов — 12, в Элисте из 77 коммунистов — 7, в Кетченеровском улусе из 121 — 2, Малодербетовском улусе из 34 коммунистов — 1. В Сарпинском улусе известны только двое коммунистов, казненных румынами, — милиционер Мураев Иван Васильевич и председатель колхоза им. Чкалова Никитин Антон Амбуревич [ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 8. Д. 27. Л. 1 об., 30–31; НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 843. Л. 2]. Таким образом, Калмобком ВКП(б) в течение почти года занимался разбором личных дел 635 членов партии, находившихся в оккупации, и к концу декабря 1943 г. успел разобраться лишь с 537 коммунистами, остальными пришлось заниматься Сталинградскому, Астраханскому, Ростовскому обкомам, Ставропольскому крайкому партии.

Среди «оставшихся» коммунистов, не считая расстрелянных и умерших, преобладали сельские — 564 (88,8 %), женщины составляли — 254 (40 %), рабочие — 91 (14,3 %), колхозники — 324 (51 %), служа-

щие — 226 (35,6 %). Последнюю категорию представляли в основном мелкие клерки — бригадиры, счетоводы, кассиры, заведующие фермами и т. д. В оккупации также оказались 60 (52,2 %) председателей колхозов из 118 [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 735. Л. 22; Д. 839. Л. 68, 69, 169; Д. 868. Л. 1–37, 45].

Калмыцкий обком ВКП(б), своевременно не организовав эвакуацию коммунистов, специалистов, призывников, военнообязанных, имущества, скота, переложил всю вину за случившееся на рядовых членов партии, которые не по своей воле остались в оккупации. Основную массу «оставшихся» партийцев представляли рабочие и колхозники (пастухи, чабаны, сторожа, уборщицы, механизаторы и т. п.) — 415 человек (65,3 %), которые не могли эвакуироваться, многие из них занимались уборкой урожая, пасли совхозные, колхозные отары, стада, табуны вплоть до вторжения немцев. Кроме того, женщины-коммунистки имели на руках малолетних детей, престарелых родителей, а их мужья, старшие сыновья сражались на фронте, все заботы по домашнему очагу лежали на их плечах. Поэтому они не могли бросить семью, хозяйство и уехать из села.

Однако руководство Калмыцкого обкома ВКП(б), не учитывая никаких причин, обстоятельств, лишь заботясь о себе, огульно обвинило и ошельмовало многих из тех, кто не повинных людей в якобы преднамеренном невыезде с желанием якобы сотрудничать с врагом. Бюро Калмобкома ВКП(б) из 635 коммунистов к декабрю 1943 г. исключило из партии 517 (81,4 %) человек, оставило с наказанием в ее рядах лишь 20 человек. Личными делами остальных коммунистов, как было выше отмечено, занимались парткомы других областей [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 868. Л. 45; Д. 880. Л. 183].

В аналогичной ситуации, надо заметить, оказались коммунисты и других областей, попавших под временную оккупацию. В справке заместителя заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) А. Козлова на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. Андреева отмечалось, что в Ростовской области «значительная часть коммунистов, особенно сельских районов, оставалась на оккупированной территории, многие работали у немцев, регистрировались в гестапо, около 40 % из них не сохранили партийных билетов». Однако Ростовский обком ВКП(б) при рассмотрении подобных perso-

нальных дел более лояльно, а может быть, внимательнее отнесся к коммунистам, находившимся на временно оккупированной территории. По результатам разбора их дел в Ростовской области в 1943 – 1944 гг. из партии исключили 5 019 человек (55 % от всех рассмотренных дел), более 4 тыс. оставили членами партии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 148. Л. 74; Крикунов 2006: 217].

Среди коммунистов Калмыкии, находившихся во временной оккупации, были заслуживающие сурового наказания, вплоть до судебного разбирательства по законам военного времени, особенно те, которые (123 человека, из них с немцами бежали 113) служили старостами, в полиции, карательных отрядах, нацистской администрации. Но многих коммунистов парткомы улусов, республики исключали из партии абсолютно необоснованно, не говоря уж о вынужденных работать чабанами, пастухами, сторожами, уборщиками для того, чтобы прокормить семью, не умереть от голода. Например, обком ВКП(б) исключил из партии Б. Б. Хонгорову, 1888 года рождения, члена ВКП(б) с 1931 г., до оккупации являлась дояркой в совхозе «Сарпа» Кетченеровского улуса, при немцах не работала, сохранила партбилет; Н. Д. Мазилкина, 1899 г.р., члена ВКП(б) с 1939 г., работал в колхозе им. Молотова Троицкого улуса сапожником и при немцах сапожничал на дому, сохранил партбилет; Д. Д. Музраеву, 1910 г. р., члена ВКП(б) с 1939 г., не работала ни до и ни после оккупации; Б. О. Сенгееву, 1888 г.р., члена ВКП(б) с 1931 г., до оккупации — доярка в колхозе «Кючин ницян» Троицкого улуса, при немцах не работала, сохранила партбилет; У. П. Пюрвеева, 1879 г. р., члена ВКП(б) с 1928 г., сторожа в колхозе «Чик халга» Троицкого улуса, при немцах не работал, сохранил партбилет; Д. П. Пальтиева, 1908 г. р., члена ВКП(б) с 1931 г., до оккупации чабана в колхозе «Чик халга», при немцах не работал, сохранил партбилет; С. У. Убушиева, 1905 г.р., кандидата в члены ВКП(б) с 1939 г., до оккупации — пастух в колхозе им. Ворошилова Приютненского улуса, при немцах продолжал пасти скот, сохранил карточку; Бачу Андрееву, 1906 г.р., члена ВКП(б) с 1938 г., домохозяйку, нигде не работала ни до, ни после оккупации части Черноземельского улуса, сохранила партбилет; С. Д. Алексееву, калмычку, 1915 г. р., колхозницу колхоза им. Калинина

Приютненского улуса, кандидата в члены ВКП(б). При отступлении немцы вместе с группой колхозников ее насильно угнали для сопровождения скота, доения коров. Но через день ей удалось убежать и вернуться домой. Однако обком ее исключил из кандидатов с обвинением «в попытке уйти с немцами». А. И. Шарапова, 1914 г.р., врач участковой больницы в Ики-Бурульском сельском совете Приютненского улуса, член ВКП(б) с ноября 1941 г., в период оккупации лечила только мирных жителей, сохранила партбилет. Ее исключили из партии с формулировкой «не эвакуировалась», «в доме на постой был размещен легионер».

Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) А. Смирнов, внимательно ознакомившись с делами исключенных коммунистов в Калмыкии, отметил факты формального разбирательства. Он в справке отмечал, что, например, 6 февраля 1943 г. Троицкий улуском партии, рассмотрев вопрос о «партположении» М. Л. Лиджиева, 68 лет, инвалида 2-й группы, при немцах не работавшего, сохранившего партбилет, не обосновав своего решения, объявил ему строгий выговор. Хотя в личном деле М. Л. Лиджиева имелись все документы, подтверждающие возраст, инвалидность, неучастие в работе при немцах, отсутствие транспортной возможности для эвакуации, бюро Калмобкома ВКП(б) исключило его из партии с формулировкой «за политическую несостоятельность» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 868. Л. 1–37; Д. 843. Л. 7; Ф. П-8. Оп. 1. Д. 40. Л. 54–55, 82].

После такой массовой чистки коммунистов, когда основным обвинением было только одно — «находился на оккупированной территории», как отмечал в справке А. Смирнов, в Калмыцкой областной партийной организации к 27 декабря 1943 г. на учете остались 2 417 коммунистов, из них 1 322 (54,7 %) калмыка, 1 095 (45,3 %) русских и других национальностей» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 880. Л. 189].

Очередным «мероприятием в ликвидации» последствий оккупации явились репрессии против родных и близких сотрудничавших с врагом и бежавших с ним. Так, в колхозе им. Ленина Приютненского улуса изгнали и лишили работы чабана Ч. Нимяева, обвинив в том, что его племянник О. Бембеев и подпасок Н. Нимеев ушли с немцами, а также пастуха Б. Кандушева (его брат бежал с немцами). В Кетченеровском

улусе секретаря парткома колхоза им. XVIII партсъезда Сумьянова освободили от должности в связи с тем, что его дядя Даваев во время оккупации служил старостой этого же колхоза и т. д. [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 787. Л. 182, 186].

Одновременно с партийцами сплошную проверку прошли и комсомольцы республики, находившиеся на оккупированной территории. К моменту вторжения фашистов 2 219 членов ВЛКСМ (51,2 %), большей частью школьного возраста, находились в своих селах, поселках, помогая старшим убирать урожай, заготавливать корм для скота, охранять и пасти домашних животных. В силу различных обстоятельств и причин некоторые комсомольцы пошли на службу к оккупантам. По результатам рассмотрения персональных дел комсомольцев, находившихся в захваченных улусах, горком и улускомы ВЛКСМ исключили из комсомола 816 человек (36,7 % от общей численности оккупированных улусов, или 11,4 % от всего состава областной комсомольской организации), из них 170 комсомольцев, ушедших с немцами, за уничтожение членских билетов — 180 и т. д. А в это время на фронтах войны сражались с врагом 7 454 (66,2 % от предвоенной численности) комсомольца Калмыкии, из них 688 девушек, а также 47 комсомольцев в партизанских отрядах на территории Калмыцкой АССР, Ростовской и Сталинградской областей [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 735. Л. 36, 38; Ф. П-22. Оп. 1. Д. 46. Л. 52, 137, 149; Д. 142. Л. 2, 4].

В разгар войны, в напряженной обстановке проверки и чистки партийных и комсомольских организаций в селах Калмыкии, произошло из ряда вон выходящее событие, характеризовавшее истинное отношение к партии и комсомолу. В связи с роспуском в мае 1943 г. III Коминтерна в некоторых селах республики распространился слух о ликвидации коммунистической партии и комсомола. Многие коммунисты и комсомольцы Западного улуса побежали и выстраивались в очередь в правлениях колхозов, конторах совхозов, МТС для сдачи партийных и комсомольских билетов [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 785. Л. 123–124].

Расправу над рядовыми коммунистами и комсомольцами в результате бездумного, формального отношения к судьбам людей, на мой взгляд, следует воспринимать как характерную черту большевиков,

проявленную в «лучших традициях» партийных чисток, «большого террора». Не исключено, что в этом деле руководством Калмыцкого обкома ВКП(б) (секретарями А. Ф. Ликомидовым и П. Ф. Касаткиным) преследовалась чисто утилитарная, а может быть, и политическая цель. Новому первому секретарю Калмыцкого обкома партии А. Ликомидову, конечно, не требовалось оправданий. Но он мог из этого извлечь, как рьяный «разоблачитель», политический капитал. Огульно обвинив в измене родине и сурово наказав членов ВКП(б) и ВЛКСМ республики, в составе которых преобладали граждане коренной национальности (около 70 %), указанные секретари обкома расставили акценты оценки в политическом положении национального региона и подвели руководство страны диктаторского режима к определенно заданной стереотипной мысли. В этом деле очень уж усердствовал новый нарком госбезопасности Калмыцкой АССР А. П. Михайлов, переведенный в Калмыцкую АССР одновременно с А. Ликомидовым (не случаен тот факт, что Михайлов в течение полугода 1943–1944 гг. получил ордена — Знак Почета (сентябрь 1943 г.) и орден Красного Знамени (март 1944 г.), звание полковника ГБ (февраль 1943 г.). Кстати, в день упразднения Калмыцкой АССР (27 декабря 1943 г.) он получил должность начальника УНКГБ — УМГБ Астраханской области).

А. Михайлов, выступая на пленуме Калмыцкого обкома ВКП(б), состоявшемся 12–15 июня 1943 г., «забыв», что в годы Гражданской войны страна была поделена на два противоборствующих лагеря, российское общество впало в бифуркационное состояние, обвинил калмыков в том, что часть из них боролась против советской власти, а затем якобы саботировала коллективизацию сельского хозяйства, создала буржуазно-националистическую партию с далеко идущими целями (свержение существующего строя), которая сейчас нам хорошо известна как выдуманная органами ОГПУ организация. На основании этой бредовой идеи он сделал заключение о том, что подобные факты характеризуют менталитет калмыцкого народа [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 786. Л. 154–162].

Он прекрасно знал причины истинного положения, сложившегося в период временной оккупации части территории Калмыкии, и кто в этом виновен, а также

о том, что из 43 тыс. уроженцев республики, призванных на фронт, более половины представляли калмыки. Что касается коллаборационистов, служивших врагу, ушедших при отступлении с ним, находившихся в бандотрядах, то Калмыцкий обком партии и правоохранительные органы республики к середине 1943 г. располагали полными сведениями о них — пофамильно и по национальностям. Все они были взяты на учет, многие арестованы. Это выступление полковника государственной безопасности А. Михайлова, в отличие от содержания его речи на предыдущем (февральском 1943 г.) пленуме Калмобкома ВКП(б), где он говорил, что немцы заигрывали с калмыками, а сами их расстреливали пачками, основывалось уже не на объективном анализе положения в республике. Это было явное конъюнктурное выступление в соответствии с политическим заказом и настроением нового первого секретаря Калмыцкой парторганизации ВКП(б).

Кризисная политическая ситуация в республике усугубилась трудностями экономического состояния. За период временной оккупации и отступления фашисты нанесли Калмыкии колоссальный урон, серьезно подорвали ее экономику. Помимо этого, наступившая во многих регионах страны летняя засуха 1943 г. захватила и территорию Калмыцкой АССР, что затруднило восстановление экономики колхозов и совхозов, создало сложности в продовольственном обеспечении населения. В результате стремления партийных органов во что бы то ни стало выполнить любой ценой государственные планы по сдаче сельхозпродуктов республика оказалась в тяжелейшем положении. Даже бывшие богатейшие хозяйства оказались в критическом состоянии. Так, в письме в обком партии председатель колхоза имени Кирова Уланхольского улуса Г. М. Манджиев писал, что с начала войны и до октября 1943 г. колхоз в фонд обороны сдал: 10 тыс. овец, 333 лошади с седлами и сбруей, 16 верблюдов, 1 тонну шерсти, 1 млн 50 тыс. руб., подписался на государственный военный заем на сумму 715 тыс. руб., сдал 7 тонн цветного и черного металла. Отдельно колхозники сдали в фонд обороны 229 тыс. руб., подписались на 584 тыс. руб. по военному займу, на 60 тыс. 405 руб. выкупили билеты денежно-вещевой лотереи, 183 тыс. руб. передали в фонд обороны, 195 тыс. руб. в фонд по-

мощи освобожденным улусам. Колхоз им. Кирова и колхозники, заслужив в марте 1943 г. благодарность от председателя ГКО И. Сталина, оказались истощенными. «Ныне колхоз в связи с засухой испытывает тяжелейшую нужду, — писал он, — появились случаи опухания людей от недоедания и даже смерти» [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 46; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 44. Л. 8; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 840. Л. 116; Калмыкия...1985: 305].

В связи с поиском виновных в последствиях временной немецкой оккупации и с трудной экономической обстановкой в республике стала складываться кризисная ситуация в отношениях между руководителями-русскими и руководителями-калмыками. Она зародилась в начале февраля 1943 г., т. е. после освобождения ЦК ВКП(б) П. Лаврентьева от должности первого секретаря Калмыцкого обкома партии с объявлением ему выговора за слабую работу во время эвакуации и в период оккупации, и назначения на этот пост А. Ликомидова. Став активными сторонниками нового первого секретаря, секретарь по кадрам Калмобкома партии П. Касаткин и недавно назначенный нарком госбезопасности республики А. Михайлов способствовали А. Ликомидову внести раскол в руководстве Калмыцкой АССР, создать сложную политическую атмосферу в республике, при этом не гнушаясь сгущения негативных красок в докладах в ЦК ВКП(б) о положении в республике, о коренном населении и руководителях-калмыках.

Прав был А. М. Некрич, видимо, располагая определенными сведениями, писавший, что «летом 1943 г. некалмыцкая часть руководства Калмыцкой АССР начала проявлять недоверие к калмыкам вообще» [Некрич 1993: 259]. Ныне доступные материалы показывают, что действительно группа Ликомидова не только проявляла неприязнь, но и провоцировала руководителей-калмыков к открытому противостоянию. Так, 1 мая 1943 г. на торжественном обеде по случаю праздника в столовой Совнаркома КАССР А. Ликомидов в присутствии всего руководства Калмыкии, в грубой форме обвинив председателя правительства республики Н. Гаряева в стремлении якобы занять его должность — первого секретаря обкома партии, в нетребовательности к наркомам, предложил уйти ему в отставку. В тот же день Н. Гаряев проинформировал ЦК ВКП(б) о выступлении

и предложении А. Ликомидова [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 118. Л. 282]. Однако со стороны ЦК ВКП(б) реакция на этот конфликт в руководстве Калмыцкой АССР, вызванный сложной политической обстановкой, не последовала. Следует полагать, что А. Ликомидов действовал с ведома ЦК ВКП(б). Если у него имелись серьезные претензии к правительству или лично к Н. Гаряеву, Ликомидов, обладая достаточной властью и полномочиями, мог этот вопрос вынести на заседание бюро или пленума обкома партии, а не устраивать на бытовом уровне разнос председателю правительства во время застолья.

Однако, когда в обком партии поступило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», по сути являвшейся программой по возрождению народного хозяйства регионов, находившихся во временной оккупации, руководство республики не насторожилось, не встревожилось, не обратилось за разъяснением в правительство СССР. В данное постановление Калмыцкая АССР не была включена, как будто она не находилась в оккупации. У советского руководства, по всей вероятности, к моменту подготовки проекта этого постановления уже сложилось окончательное мнение об упразднении республики и депортации ее автохтонного населения. Поэтому, принимая меры по ликвидации последствий немецкой оккупации, оно не стало «напрасно» вкладывать средства в восстановление экономики Калмыкии, то есть действовало по принципу — Калмыцкая АССР уже не существует, и с ней нет проблем.

Пользуясь особыми служебными правами, обязанностями и возможностью представлять в ЦК ВКП(б) информацию о положении в республике, прежде всего по политическим и кадровым вопросам, секретарь обкома партии П. Ф. Касаткин в направляемых отчетах, докладных записках, носивших характер доноса, всю вину за последствия оккупации возлагал на руководителей-калмыков. Так, в одной из докладных записок в ЦК ВКП(б) в июле 1943 г. П. Касаткин писал: «В республике создано неблагоприятное политическое положение, поскольку еще в годы Гражданской войны часть населения Калмыкии служила в белой армии вместе с донскими казаками. В улусах республики осталось значительное

количество бывшего кулачества, гелюнгов, зайсангов ... Все эти чуждые элементы на различных острых периодах строительства социализма поднимали головы и вели анти-советскую деятельность, тем более в период временной немецкой оккупации». В республике, сообщал он, «процветает буржуазно-националистическая практика подбора и выдвижения кадров», хотя кадровая политика являлась полностью его прерогативой как секретаря по кадрам обкома партии. Продолжая, он писал: «Совнарком республики и его председатель Н. Гаряев не воспитывают у руководящих работников политической остроты в работе, непримиримости к врагам народа, не нацеливают аппарат Совнаркома и наркоматов на разоблачение врагов народа, изменников родины. Ряд руководящих работников из числа калмыков — Гаряев, Гахаев, Эрднеев — проявляют чванство, вождизм, ведут себя высокомерно ...» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 839. Л. 67, 77, 78].

Точно такие же доносы писали, составляли характеристики руководители (русские и калмыки) Калмыцкой АССР друг друга в 1930-х гг. Обострившиеся взаимоотношения между русскими и калмыками в верхних эшелонах власти республики стали явным проявлением кризиса не только в межнациональных отношениях региона, но и в целом в национальной политике советского государства. Благо, что шовинистические настроения не дали метастаз в общество. Ни о чем не подозревавшие простые люди — русские, калмыки — в те грозные дни жили и трудились с одними думами — скорее изгнать, победить врага, спасти общий дом.

В последней докладной от 25 декабря 1943 г. в ЦК ВКП(б) П. Касаткин писал: «Почти все калмыцкое население не хотело эвакуироваться в глубь страны и зачастую способствовало бандитам в срыве перегона скота за Волгу. Отдельные партийные, советские и хозяйственные руководители, особенно из числа калмыков, не только не проводят решительную борьбу по выявлению, разоблачению и выкорчевыванию остатков и проявлений буржуазного национализма в республике, фашистских шпионов, диверсантов, бандитов и людей, связанных с ними, а занимают пассивную позицию. Плохо еще воспитывают кадры и население в духе стойкости и преданности партии Ленина-Сталина, готовности защи-

щать нашу родину, в духе интернационализма и дружбы народов Советского Союза» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 839. Л. 200–201]. Как видим, ответственность за провал эвакуации людей и имущества, идеологической работы, бездействие обкома ВКП(б) он возложил на калмыцкое население.

Тем самым П. Касаткин своими действиями способствовал обоснованию ликвидации Калмыцкой АССР и депортации ее коренных жителей и сыграл неприглядную роль в судьбе калмыцкого народа. В связи с этим нельзя согласиться с Александром Некричем, написавшим

о том, что «на заключительном этапе и Крымский, и Калмыцкий обкомы ВКП(б) пытались предотвратить роковую развязку» [Некрич 1993: 251]. Имеющиеся в фондах архивов документы относительно действий Калмыцкого обкома ВКП(б) не только «на заключительном этапе», но и с более раннего времени, полностью опровергают утверждение А. Некрича. Поэтому неудивительно, что А. Ликомидов и П. Касаткин, приложившие немало усилий для упразднения Калмыцкой АССР, «заслуженно» получили должности секретарей только что образованного Астраханского обкома ВКП(б).

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Литература

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Док. и матер. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 510 с.

Конев В. Н. Прокляты и забыты. Отверженные Герои СССР. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 236 с.
Крикунов П. Казаки: между Сталиным и Гитлером: крестовый поход против большевизма. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 608 с.
Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «СМЕРШ». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти // под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2006. 640 с.
Некрич А. М. Наказанные народы // Нева. 1993. № 9. С. 223–283.
Сталинградская битва: Хроника, факты, люди. В 2 кн. Кн. 2. М.: Олма-Пресс, 2002. 576 с.

Sources

[The National Archives of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)
[The Russian State Archives of Social and Political History]. (In Russ.)
[The State Archives of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

[Battle of Stalingrad: Chronicle, Facts, People]. In 2 books. Book 2. Moscow: Olma-Press, 2002. 576 p. (In Russ.)
[Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945. Documents and Materials]. 2nd ed. Elista: Kalm.

Book Publ., 1985. 510 p. (In Russ.)
Konev V. N. [Cursed and Forgotten. Outcast Heroes of the USSR]. Moscow: Yauza: Exmo, 2010. 236 p. (In Russ.)
Krikunov P. [Cossacks: between Stalin and Hitler: a Crusade against Bolshevism]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2006. 608 p. (In Russ.)
[Lubyanka. Stalin and NKVD — NKGB — GUKR “SMERSH”. 1939 – March 1946. Stalin’s Archive. Documents of the Higher Bodies of the Party and State Power]. Acad. A. N. Yakovlev (ed.). Moscow: MFD, 2006. 640 p. (In Russ.)
Nekrich A. M. [The Punished Nations]. *Neva*. 1993. No. 9. Pp. 223–283. (In Russ.)

УДК 93
ББК 63.3 (2) 622-4

ПРАВОВОЙ СТАТУС СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СССР В 40–50-е гг. XX в.

И. В. Лиджиева

В годы Великой Отечественной войны советское государство, обрекая ряд народов на физическое и моральное уничтожение, насильственное переселение в районы с суровыми климатическими условиями и ликвидировав их национально-государственные образования, не ограничилось этим. Высшими органами советской власти, обладавшими правом законодательной инициативы, был принят ряд указов и постановлений, определяющих ограниченный правовой режим спецпереселенцев, условия их проживания и трудоустройства.

Многие из проблем, с которыми столкнулись спецпереселенцы на местах, были связаны с неопределенностью их статуса: с одной стороны, они были «наказаны» и посланы на спецпоселение, с другой стороны, официально они не были лишены гражданских прав. Отсутствие нормативной базы, определявшей статус спецпереселенцев, часто приводило к тому, что местные органы советской власти рассматривали всех депортированных как опасных и неблагонадежных лиц: спецпереселенцев не принимали в ряды ВЛКСМ, ВКП(б), не призывали на службу в Красную Армию.

Одной из важных проблем стало воссоединение семей, расселенных порой по разным уголкам востока страны. Дисперсное расселение депортированных калмыков привело к тому, что члены одной и той же семьи оказывались в местах высылки в разных районах, областях, краях, республиках. В связи с этим была принята директива НКВД СССР от 9 сентября 1944 г. «О соединении разрозненных семей калмыков», которая должна была способствовать прочности оседания людей в местах высылки. Так, в приказе МВД СССР от 2 августа 1948 г. говорилось: «Некоторые МВД–УМВД, недопонимая важности соединения разрозненных семей, под всяким предлогом препятствуют выезду спецпоселенцев к своим семьям в другие республики края и области» [ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 231].

В 1944 г. был принят ряд постановлений директивных органов, касавшихся устройства жизни спецпоселенцев: распоряжение СНК СССР «Об обучении детей спецпереселенцев на русском языке» № 13287-рс от 20 июня 1944 г.; «О снятии с учета спецпоселенных бывших сотрудников НКГБ и НКВД», а в сентябре — «О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД–НКГБ, относящихся к переселенным национальностям» [ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л], «О выдаче скота и продзерна спецпереселенцам — карачаевцам, чеченцам, ингушам и другим в обмен за принятый у них скот и зерно в местах выселения» № 9452-рс от 29 мая 1944 г. и др. Согласно пункту «г» ст. 10 последнего из перечисленных распоряжений, спецпереселенцы должны были получить в местах нового поселения денежную компенсацию по действующим заготовительным ценам или же, в порядке возврата, крупный рогатый скот (не выше 200 кг живого веса выделяемой условной единицы) и овец (в среднем до 33 кг живого веса) по квитанции о сдаче скота и сельскохозяйственной продукции при выселении. Ввиду принятого в качестве нормативного столь малого веса подлежащего возврату скота некоторым калмыцким семьям для получения одной полноценной дойной коровы приходилось объединяться. Однако в первые годы ссылки многие спецпереселенцы, обнищавшие и не имевшие средств уплатить налоги государству по мясо- и молокопоставкам, в судебном порядке лишались полученного в порядке возврата скота [Ссылка калмыков: как это было...1993: 154].

Трудовая деятельность спецпереселенцев регламентировалась «Правилами хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев — калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев» от 8 марта 1944 г., разработанными отделом спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР, в соответствии с которыми весь трудоспо-

собный спецконтингент должен был в кратчайшие сроки быть трудоустроен. Тем не менее, в отдельных районах руководители хозяйственных организаций игнорировали трудовое использование калмыков, а исполкомы райсоветов депутатов трудящихся не принимали должных мер по трудоустройству спецпереселенцев. Кроме того, трудовое устройство спецпереселенцев зависело от медицинской помощи, обеспеченности теплой одеждой и обувью, наличия детских учреждений для размещения детей спецпереселенцев. Производственное обучение спецпереселенцев часто отсутствовало, в результате чего их производительность труда составляла в первые годы ссылки 30–60 % нормы.

«Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев» наделяли функцией контроля за хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев отделы спецпоселений НКВД–УНКВД, а также районные и поселковые спецкомендатуры НКВД. Контроль имел целью: а) не допустить самовольный переход спецпереселенцев с одного места службы или работы на другое; б) не допустить перебросок спецпереселенцев по распоряжению администрации предприятий и учреждений с одного предприятия на другое, расположенное вне пунктов расселения спецпереселенцев; в) устранять обнаруженные недочеты в деле хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев.

Таким образом, получить квалифицированную рабочую профессию спецпоселенцам было практически невозможно, поскольку почти все заводы Сибири, за редким исключением, специализировались на выпуске военной продукции, куда депортированным по причине недоверия к ним путь был закрыт. Жесткий дискриминационный режим требовал беспрекословного подчинения, оставление без разрешения места проживания наказывалось 20 годами каторжных работ, как следствие, спецпереселенцы не могли получить рабочие профессии, для освоения которых были необходимы перемещения. Потому и материальное положение депортированных резко отличалось в худшую сторону от постоянно проживающих местных жителей.

8 января 1945 г. было принято постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» [Сборник 1993: 113], закрепившее принудительное тру-

доустройство и ограничение свободного передвижения. Спецпереселенцы — главы семей или лица, их замещающие, были обязаны в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, происшедших в составе семьи. За нарушение режима и общественного порядка в местах поселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. и ареста до 5 суток.

Согласно постановлению СНК СССР № 34–14с от 8 января 1945 г., утвердившему «Положение о спецкомендатурах НКВД» [Сборник 1999: 80], в целях предотвращения побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроля за их хозяйственно-трудовым устройством, создавались спецкомендатуры. В разделе «Общие положения» этого документа указывалось, что в своей административной и оперативной деятельности спецкомендатуры должны руководствоваться действующими законами, постановлением СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев», а также приказами и инструкциями НКВД СССР. По агентурно-осведомительным данным, калмыки преследовались даже за высказанную где-либо вслух мысль об обиде на советскую власть, что рассматривалось как антисоветское выступление. Будучи голыми, босыми, живя в сараях, умирая от голода, спецпереселенцы обязаны были только восхищаться властью, хвалить ее и руководство партии и государства, лично Сталина за «счастливую жизнь» [Максимов 2004: 277].

Таким образом, с первых дней спецпереселенцы фактически утратили все основные гражданские права, гарантированные Конституцией СССР. От них требовалось заниматься общественно-полезным трудом беречь государственное и общественное имущество, безоговорочно выполнять все требования работников спецкомендатур и представителей местной власти. Указанные документы, определявшие правовой статус спецпереселенцев, показывают их явную направленность к ужесточению условий проживания депортированных народов.

К документам, регламентирующим правовой статус спецпереселенцев, также относилось постановление СНК от 28 июля 1945 г. № 1927 «О льготах спецпереселенцам» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 179. Л. 17]. В нем указывалось, что все спецпереселенцы освобождались в 1945 г. и 1946 г. от

обязательных поставок сельхозпродукции государству и от уплаты сельхозналога, подоходного налога по доходам от сельского хозяйства в городских поселках.

Постановление СНК «О выселенцах», принятое 24 ноября 1948 г., значительно ужесточало меры наказания за побег. В частности, на них был распространен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», предусматривавший наказание в виде 8 лет выселения из пределов края, области в отдаленные места, перечень которых был установлен Советом Министров СССР. В спецкомендатурах был создан посемейный и индивидуальный учет спецпереселенцев, а в Якутской АССР и Красноярском крае было создано несколько режимных поселений для тех из них, кто, по сведениям оперативников, отличался повышенной склонностью к побегу. Этим документом закреплялось полное бесправие людей и депортированных народов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», а также Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 г. «О навечном поселении лиц, выселенных в период Великой Отечественной войны», подтверждалось, что депортированные народы переселены навечно. Принятие Указов аргументировалось тем, что во время переселения не были определены сроки их высылки. За выезд спецпереселенцев с мест поселения без особого разрешения МВД СССР полагались каторжные работы сроком на 20 лет.

Следующей мерой по усилению наказания за побег спецпереселенцев явился приказ Министерства внутренних дел СССР и Генеральной прокуратуры СССР от 22 декабря 1948 г. «О порядке привлечения к уголовной ответственности выселенцев за побег с места поселения и уклонения от общественно-полезных работ». Данным приказом закреплялось навечно переселение лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны.

С выходом этих законодательных актов спецпереселенцы получили новое статусное наименование «выселенцы»; с каждого выселенца сотрудник МВД брал расписку об ознакомлении с Указами Президиума ВС СССР от 26 ноября 1948 г. и 9 октября 1951 г. Из 2,3 млн человек, находившихся в это время на спецпоселении, к категории «выселенцев» относилось более 1, 8 млн или 80 % [Полян 2001: 124]. К тому же, после 11 марта 1952 г., когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении» [ГА РФ. Ф. Р- 7523. Оп. 57. Д. 588. Л. 1], состав контингента пополнился за счет репрессированных этнических и социальных групп, которые до тех пор отбывали свое наказание в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа. К этому времени объективно назрели предпосылки хотя бы частичной реабилитации депортированных народов. Противоречивость их гражданского и социального статуса становилась все очевиднее. Указанные законодательные акты 1940 – начала 1950-х гг. явно противоречили Конституции СССР (1936 г.) и являлись нарушением международных документов, гарантирующих права и свободы человека, а также противоречили официально провозглашенным советским государством принципам национальной политики.

Осознать мир тоталитарной системы таким, каков он есть на самом деле, означает навсегда потерять спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Конечно, несмотря на глобальную ложь пропаганды, наиболее интересные и внутренне независимые люди сохраняют собственную точку зрения на общество и свою судьбу в нем [Гозман, Эткинд 1989: 343]. В донесениях спецкомендантов, сводках спецкомендатур по каждой области и краю приводились десятки фактов мужественного выступления калмыков в защиту поправленных прав своего народа и поплатившихся за это, в свою очередь, собственной «свободой». За смелые выступления с осуждением выселения калмыков в Сибирь пострадал, к примеру, один из героев Брестской крепости — Н. К. Санджиев, осужденный 8 декабря 1944 г. Алтайским крайсудом на 5 лет лишения свободы по обвинению в «антисоветской агитации среди калмыцкого населения на лесопункте, в восхвалении немецкой армии и пораженческих

высказываниях» [Ссылка калмыков: как это было...1993: 81].

Таким образом, правовой статус выселенных народов находился вне каких-либо общечеловеческих норм цивилизованного мира. В правах, гарантированных гражданам страны Конституцией СССР 1936 г., все репрессированные народы были по произволу властей ограничены в правах, что не было оговорено официально. Но, несмотря на допущенную жестокою несправедливостью, благодаря силе духа, природной стойкости, народной мудрости репрессированные народы, в том числе и калмыки, изгнанные из родных мест, в суровых условиях Сибири смогли выстоять.

Только в начале 1950-х гг. наметились определенные сдвиги в судьбе спецпереселенцев. Первое реальное послабление произошло в 1954 г. По поручению Секретариата ЦК КПСС в феврале 1954 г. была создана комиссия под председательством К. Е. Ворошилова, которая рассмотрела вопрос о снятии с учета и освобождении из-под административного надзора органами МВД находящихся на спецпоселении участников Великой Отечественной войны, награжденных орденами и медалями СССР, а также членов семей воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Комиссия пришла к выводу о том, что нецелесообразно сохранять некоторые ограничения, установленные для спецпереселенцев и отрицательно сказывавшиеся на судьбах молодых спецпереселенцев, которых брали на учет по достижении 16 лет, со всеми вытекающими из этого ограничениями.

Результатом работы комиссии стало принятие постановления Совета Министров СССР от 3 мая 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев» [Сборник 1999: 263–264], в котором отмечалось, что в результате дальнейшего упрочения советской власти и включения основной массы спецпоселенцев в хозяйственную и культурную жизнь районов их нового проживания необходимость применения к ним правовых ограничений отпала. Согласно данному постановлению, были сняты с учета спецпоселения дети старше 16 лет, принятые и направленные в учебные заведения, им также разрешался выезд к месту учебы в любой пункт страны, отменены были и административные меры наказания за нарушение режима в местах поселения. Это был первый шаг к измене-

нию гражданско-правового статуса депортированных народов. Формально с учета по спецпоселениям их еще не сняли, освобождение в значительной степени было условным: в массе своей дети продолжали жить со своими родителями.

Указом Президиума Верховного Совета от 13 июля 1954 г. № 104/43 отменялось действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» [ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 174. Л. 176], а в сентябре 1954 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда СССР «О порядке пересмотра дел в отношении лиц, осужденных за побег из мест заключения или из мест обязательного и постоянного поселения». Принятие этих законодательных актов изменило особое отношение к побегам спецпереселенцев, и с этого времени в случае побега они подлежали привлечению к уголовной ответственности на общих основаниях по ст. 82 (ч. 1) УК РСФСР и по соответствующим Уголовным кодексам других союзных республик (до трех лет лишения свободы). На практике же задержанные беглецы крайне редко привлекались к уголовной ответственности и, как правило, отделялись взысканиями в административном порядке. В 1953 году было осуждено за побег — 56, а в 1954 г. — только 25 спецпоселенцев. Были пересмотрены приговоры и в отношении спецпоселенцев, ранее осужденных за побег [ГА РФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 172]. Однако калмыки, как и другие репрессированные народы, оставались на правах спецпоселенцев, состоящих на учете в спецкомендатурах под административным надзором. Вместо ежемесячной личной явки на регистрацию в органы МВД вводилась регистрация раз в год.

Принятием постановления Совета Министров СССР № 449-272 с от 10 марта 1955 г. «О выдаче спецпереселенцам паспортов» [Павлова 1997: 53] советское государство в лице депортированных народов признавало своих граждан. Однако они по-прежнему оставались ущемленными в своих гражданских и политических правах. Спецпоселенцы, проживавшие в городах, районных центрах, поселках городского типа, а также в местностях, постоянные жители которых обязаны иметь паспорта, должны

были получить паспорта с отметками в них об ограничении их места жительства. В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 23 марта 1955 г. «О призыве на действительную военную службу некоторых категорий спецпоселенцев» [Реабилитация: как это было 2000: Т. 1 206], в 1955 г. подлежали призыву на действительную военную службу спецпоселенцы, родившиеся в 1936 г. Постановление Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с членов и кандидатов в члены КПСС и их семей, находящихся на спецпоселении» [Реабилитация: как это было 2000: Т. 1 21], освобождало из-под административного надзора органов МВД указанные категории лиц.

Комиссия поставила вопрос о разработке практических мер по закреплению спецпереселенцев в местах их жительства, что было продиктовано недостатком рабочей силы в целом по стране, а также намечавшимся в перспективе проведением крупных мероприятий по освоению целинных и залежных земель. В связи с вышеуказанным Президиум ЦК КПСС для дальнейшего закрепления депортированных в местах поселения принял постановление от 29 июня 1955 г. «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 151. Л. 66; Д. 152. Л. 109–114]. Спецпоселенцев стали шире выдвигать на ответственные хозяйственные должности.

Следующим актом по освобождению из-под административного надзора органов МВД и снятию с учета спецпоселения стало постановление Президиума ЦК КПСС от 24 ноября 1955 г. «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 199. Л. 21]. Речь шла об участниках Великой Отечественной войны, членах семей погибших; преподавателях учебных заведений; женщинах, вступивших после выселения в законный брак с местными жителями, не являющимися спецпоселенцами; женщинах русской, украинской и других национальностей, высланных вместе с мужьями, но не находящихся в браке со спецпереселенцем на момент выхода постановления; одиноких инвалидах и лицах, страдающих неизлечимым недугом, которые не могут самостоятельно обеспечить свое существование.

7 марта 1956 г. в ЦК КПСС была направлена справка (№ 144) под грифом «се-

кретно» за подписями генерального прокурора СССР Р. Руденко, министра внутренних дел СССР Н. Дурова, председателя КГБ СССР И. Серова, зав. административным отделом ЦК КПСС К. Горшенина с предложением комиссии МВД СССР о снятии с учета спецпоселения калмыков и членов их семей. Предложение обосновывалось тем, что направление на спецпоселение калмыков было вызвано условиями военного времени и что дальнейшее применение к ним ограничения по спецпоселению не вызывается необходимостью. Уже 12 марта 1956 г. было принято постановление Президиума ЦК КПСС за № 342-216 сс «О дополнительном снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 4. Л. 18, 55]. 17 марта 1956 г. последовал Указ «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» [ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 606], касающийся изменения их правового положения. В постановлении Президиума ЦК КПСС не исключалась возможность возвращения калмыков на родину. Между тем, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР (ст. 2), снятие указанных ограничений и освобождение из-под административного надзора органов МВД проводились без права возвращения спецпереселенцев на прежнее место жительства. Более того, с депортированных брали расписку в том, что они уведомлены о запрещении «возвращаться на прежнее место проживания и о невозврате конфискованного имущества» [ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 568. Л. 6–7]. Но, несмотря на это, отдельные группы представителей репрессированных народов начали самовольно возвращаться в места, где они проживали до выселения. Данный процесс завершился принятием законодательных актов, восстановивших возможность проживания выселенных народов на их родине.

Таким образом, акции по принудительному переселению, предпринятые в 1940–1950-х гг. в СССР, спровоцировали создание нормативно-правовой базы, противоречившей основным положениям Конституции СССР. Было проявлено полное пренебрежение к правам как отдельной личности, так и целых народов. Анализ законодательного процесса советского государства в отношении депортированных народов в 1940–1950-х гг. позволяет сделать вывод о том,

что грубое нарушение прав и свобод человека в Советском Союзе стало возможным в

условиях тоталитарного режима, утвердившегося в обществе в указанный период.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Литература

Гозман Л., Эткинд А. Культ власти // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 337–339.

Максимов К. Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии в 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

Павлова Т. Ф. Репрессии против народов: документы Государственного Архива Российской Федерации свидетельствуют // Народы России: проблемы депортации и реабилита-

ции / под ред. Д. Х. Микулова. Майкоп: Метоты, 1997. 197 с.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. 328 с.

Реабилитация: как это было. Март 1953 – февраль 1956 гг. Т. 1. М.: МФД, 2000. 960 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / отв. за вып. Е. А. Зайцев. М.: Республика, 1993. 224 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: в 2-х ч. / сост. Г. Ф. Весновской, В. А. Щепачова. Курск: ГУИПП Курск, 1999. 352 с.

Ссылка калмыков: как это было... Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. Т. 1. Кн. 1. 264 с.

Sources

[The Russian State Archives of Modern History]. (In Russ.)

[The State Archives of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

[The Collection of Legislative and Regulatory Acts on Repression and Rehabilitation of Victims of Political Repression]. E. A. Zaitsev (ed.). Moscow: Respublika, 1993. 224 p. (In Russ.)

[The Collection of Legislative and Regulatory Acts on the Repression and Rehabilitation of Victims of Political Repression]. In 2 parts. G. F. Vesnovskaya, V. A. Shchepakov (compl.). Kursk: Kursk, 1999. 352 p. (In Russ.)

[The Exile of Kalmyks: How It Was...]. Elista: Kalm. Book Publ., 1993. Vol. 1. Book 1. 264 p. (In Russ.)

Gozman L., Atkind A. [Cult of Power]. In: [Reflecting on the Cult of Stalin]. Moscow: Progress, 1989. Pp. 337–339. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Tragedy of the People. Repressions in Kalmykia in 1918–1940s]. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)

Pavlova T. F. [Repressions against Nations: Documents of State Archive of Russian Federation Testify]. In: [Peoples of Russia: Problems of Deportation and Rehabilitation]. D. Kh. Mikulov. Maykop: Meoty, 1997. 197 p. (In Russ.)

Polyan P. [Against their Will... History and Geography of Forced Migration in the USSR]. Moscow: OGI — Memorial, 2001. 328 p. (In Russ.)

[Rehabilitation: How it was. March, 1953 – February, 1956]. Vol. 1. Moscow: MFD, 2000. 960 p. (In Russ.)

УДК 323.1; 327.39

ББК 66.5 (2Рос)

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ*

Н. Г. Очирова

Начавшиеся социально-политические и экономические преобразования российского общества выплеснули на поверхность множество ранее существовавших, но замалчивавшихся проблем. Среди репрессивных мер политики тоталитарного режима в СССР в 1940-е гг. одной из распространенных явилась депортация народов.

28 декабря 1943 года было начато насильственное выселение калмыков из родных степей в восточные районы страны. О представителях этого небольшого народа в самом начале Великой Отечественной войны писала американская журналистка Анна-Луиза Стронг: *«По странной иронии судьбы первые красноармейцы, упомянутые в берлинской прессе за «сумасшедший героизм», были не русские, а калмыки, представители народности из дельты Волги, страдавшей от различных завоевателей на протяжении тысячи лет. Нацистская «высшая раса» должна признать, что по какой-то непонятной причине из этой «низшей расы» вышли герои войны»* [Strong 1944].

Депортация калмыцкого народа из родных мест была осуществлена в годы Великой Отечественной войны, а ее скорбная дата — 70-летие со времени незаконной ссылки — отмечается в период подготовки к празднованию 70-летия Победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Республика, несмотря на малочисленность населения (179,4 тыс. человек по данным переписи 1939 года), направила на фронт с учетом проходивших действительную военную службу в рядах Красной Армии призывников предвоенных лет свыше 43 тыс. человек [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 7; Очиров 2001: 52]. За проявленные героизм и мужество более 30 тыс. воинов Калмыкии, в том числе 700 женщин были награждены орденами и медалями, 22

из них удостоены звания Героя Советского Союза, десятки тысяч тружеников тыла отмечены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». По числу Героев Советского Союза в соотношении к населению Республики Калмыкия находится в числе первых среди регионов России. Несмотря на это, руководство страны, огульно обвинив калмыков в пособничестве фашистским оккупантам, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», подписанным М. Калининым и А. Горкиным, лишило калмыцкий народ государственности и подвергло его насильственному выселению в восточные регионы СССР. Так было положено начало очередной трагедии в судьбе калмыцкого народа.

Проблема принудительных переселений народов вызвала большой интерес и нашла отражение во многих трудах зарубежных и отечественных исследователей. Среди них Р. Конквест [Conquest 1960; Конквест 1989; 1990], А. М. Некрич [1978] и др.

К исследованию темы депортации отечественные ученые приступили в конце 80-х гг. прошлого века в связи с преобразованиями, начавшимися в СССР в период перестройки. Этому способствовало принятие Верховным Советом СССР Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав» от 14 ноября 1989 года, а также других важных правовых документов, обеспечивавших доступ к ранее засекреченным архивным материалам.

В числе первых, кто обратился к теме незаконной депортации народов и успешно разработал ее, был историк Н. Ф. Бугай.

* Статья выполнена в рамках проекта «Демография народов Калмыкии» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2013 гг.

Фундаментальные труды ученого пролили свет на те беззакония, которые творились в советском государстве в период тоталитарного режима. В них проанализированы причины, механизм, особенности насильственных переселений тех или иных народов, даны достоверные сведения о жертвах репрессий — отдельных народов Советского Союза, об адских условиях их пребывания в местах спецпоселения, массовой гибели детей, стариков, женщин. Значительный вклад внес Н. Ф. Бугай в исследование истории насильственного переселения калмыцкого народа [Бугай 1989; 1990; 1991а; 1991б].

Изучению принудительных переселений народов посвящены работы В. Н. Земскова. В своей монографии «Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960» и многочисленных статьях ученый попытался проанализировать статистику всех поступивших на спецпоселение контингентов, показать географию их расселения, дать социально-демографическую характеристику и т. д. [Земсков 1991; 2003].

В числе важнейших исследований, изданных в последние десятилетия и затрагивающих нашу проблематику, — работы В. Б. Убушаева [1991; 2007], К. Н. Максимова [2003; 2004], П. Д. Бакаева [1992; 2003], К. Н. Максимова, Н. Г. Очировой и С. Д. Таванец [2005], Б. У. Серазетдинова и А. С. Иванова [2007] и др. В работах этих ученых рассматриваются различные аспекты истории депортации калмыцкого народа, положение спецпереселенцев в местах поселения, приводятся сведения об их численности и трудовой деятельности в регионах Сибири и Средней Азии. Подробно анализируя действия высших эшелонов власти страны в те годы, исследователи приходят к выводу о том, что незаконная депортация отдельных народов была грубейшей ошибкой партийных органов и правительства, приведшей к тяжелым социально-экономическим и невосполнимым демографическим и культурным потерям.

Одной из актуальных и недостаточно изученных проблем депортации калмыцкого народа является демография. Между тем 13-летнее, полное драматизма, вынужденное пребывание этноса в Сибири и других восточных регионах страны характеризуется высокой демографической напряженностью.

Насильственное переселение калмыков проводилось по заранее разработан-

ному плану и отличалось особой жестокостью по отношению к депортированному населению. Стариков, женщин, детей увозили в «телячьих вагонах» без запаса продовольствия, одежды, предметов первой необходимости. Последствия для калмыцкого народа были трагичными — массовая гибель в период их выселения, нахождения в пути и пребывания в местах спецпоселения, особенно в первые месяцы и годы вынужденного проживания людей в восточных районах страны. Данные исследований ученых показывают, что калмыки потеряли в период депортации почти половину населения.

Так, эшелоном № 423 [ГА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 20] на станцию Кормиловка прибыла Р. К. Урхаева, которая впоследствии свидетельствовала, что *детей размещали на нарах, взрослые устраивались на полу. В пути кормили один раз в сутки «бурдой какой-то». Сделали импровизированный туалет: «в полу вагона пробили дырочку, из чемоданов сделали заслон». На остановках все выходили и «садились, никто не стеснялся, потому что надо было быстрее оправиться». При повагонной проверке эшелонов выяснилось, что не все калмыки пережили столь трудный путь, совершенный в самые лютые январские морозы. Очевидцы вспоминали: эшелон идет, а вдоль полотна лежат трупы: там, там, там»* [цит. по: Гучинова 2005: 407].

Ф. Надь, который находился на станции Исылкуль Омской области в момент прибытия одного из эшелонов с калмыками, вспоминал, что *«на полу вагона остались лежать мертвые ...»* [Надь 1988: 8]. А вот свидетельство Л. Наминова: *«На нарах вкрявь и вкось лежали живые и мертвые. Родные не хотели расставаться с трупами, хотя умерших сбрасывали в последний открытый полувагон...»* [Наминов 2003: 262–263].

Среди прибывших в эшелонах спецпереселенцев-калмыков было выявлено большое количество больных с разнообразными болезнями (брюшной тиф, грипп, туберкулез, трахома и др.). Об отношении к больным свидетельствует донесение уполномоченного облисполкома в Называемском районе Егоровой: *«Госпитализировано 31 человек (прибывших калмыков), из них 3 умерло, остальные не госпитализированы, потому что это ни чего не даст (старость, ревматизм)»* [ГА ОО. Ф. 437. Оп. 1. Д. 131. Л. 5].

При транспортировке в Тюменскую область всего умерли в пути следования 312 человек [Бугай 1995: 80]. Свидетели отмечали, что у калмыков *«почти не было багажа»* [Надь 1988: 8]. Б. М. Семенова вспоминала: *«Спасаясь от голода, меняли на продукты все, что было. Когда у девушки не оставалось ничего, она спорола кружева с сорочки и продала»* [Северская 2005: 124].

В архивах отложилось немало материалов относительно фактов высокой заболеваемости и смертности калмыков-переселенцев. Вот как эти трагические события отражены в официальных архивных документах того периода под грифом «сов. секретно»:

Из докладной заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышова народному комиссару внутренних дел СССР Л. П. Берия о завершении операции по переселению калмыков в восточные районы страны 27 января 1944 г.: *«Докладываем, что расселение спецпереселенцев-калмыков в Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской, Омской областях закончено 22 января 1944 года»*.

В период с 29 декабря по 26 января с. г. производился прием эшелонов со спецпереселенцами. Всего принято 46 эшелонов. Всего расселено 22 175 семей — 93 062 человека, в том числе мужчин — 18 982, женщин — 33 895 и детей — 40 185 человек. В пути следования эшелонов и во время расселения калмыков умерло всего 1 640 человек (1,6% к общему числу), из них детей до 16-летнего возраста — 642 человека, стариков — 736 человек и в возрасте от 16 до 40 лет — 22 человека.

В том числе умерло от воспаления легких 488 человек, от желудочно-кишечных заболеваний — 341 человек, истощения — 227 человек, туберкулеза — 65 человек, других болезней — 23 человека и в связи со старческим возрастом — 496 человек. Госпитализировано в пути следования и на станциях разгрузки 1 010 человек. Разгрузка вагонов проходила организованно и планомерно. Как и при приеме эшелонов, так и при вселении в колхозные и совхозные дома никаких эксцессов и происшествий как со стороны прибывших калмыков, так и местного населения не было.

Большинство спецпереселенцев в первые же дни после расселения приступило к работе в колхозах, леспромхозах, и на предприятиях местной промышленности» [Цит. по: Бугай 1995: 80].

В отличие от некоторых других незаконно выселенных народов, которых расселили достаточно компактно, малочисленный калмыцкий этнос разбросали дисперсно от Сахалина до Урала, от Таймыра до Средней Азии, при этом в среднеазиатском регионе калмыков было значительно меньше, чем в северных районах. Это было еще одной из причин их высокой смертности и демографического кризиса. Попав в непривычные природно-климатические условия (из степей в тайгу) в самые суровые январские морозы, они были обречены на гибель, однако «всем смертям назло» выжили.

Причины трагической гибели калмыков были выражены самими руководителями краевых, областных управлений НКВД в многочисленных справках, донесениях и других документах: сказались полная неприспособленность к суровому климату, полуголодное и полураздетое существование, недопустимая плотность размещения семей в бараках, сараях, ужасающие условия длительного нахождения в пути в туго набитых людьми товарных неотапливаемых вагонах, отмечалась необходимость адаптации к непривычным профессиям и образу жизни. Немаловажным были и моральный шок, чувство унижения от несправедливого обвинения в измене Родине и в пособничестве врагу.

По самым приближенным данным, как считает историк А. И. Некрич, эмигрировавший в 1976 году за рубеж, потери от депортации народов составили: чеченцев — 22 процента, карачаевцев — 30 процентов, балкарцев — 26,5 процента, калмыков — 14,8 процента, ингушей — 9 процентов [Некрич 1978]. Однако данные относительно калмыцкого населения ошибочны.

Перед возвращением на родину калмыки были рассеяны по 15 областям, краям и автономным республикам, по 13 областям Казахстана, а также жили небольшими группами в республиках Средней Азии (Узбекистане, Киргизии и Таджикистане). Всего в районах Сибири к началу 1956 года находилось 75836 калмыков. Калмыки-спецпереселенцы составляли здесь менее одного процента ко всему населению и проживали в основном в сельской местности (72 %). Так, в Красноярском крае проживало 16 983 калмыка, в Новосибирской области — 15 846, в Тюменской области — 9 364, в Омской области — 9 283 человека.

За первые десять лет ссылки в регионах Сибири родилось 13 724 детей калмыцкой национальности, а умерло 25 626. По Новосибирской области в последнее пятилетие до возвращения на родину в среднем ежегодно рождалось на 1000 жителей калмыцкого населения 55 младенцев, а в среднем по области ко всему населению — 38 детей, по Алтайскому краю — соответственно 48 и 35 человек. Однако смертность среди калмыков была в два раза выше, чем среди местного населения. В эти годы смертность их ежегодно составляла: по Новосибирской области 28 на 1000 человек, в Алтайском крае — 23, тогда как по всему населению — 10–11 человек [Бакаев 2003: 101].

В связи с депортацией калмыков и ростом населения возникла острейшая нехватка жилья в местах их пребывания. Поэтому им выделяли лишённые удобств, преимущественно одноэтажные, рассчитанные на десятки семей, широко распространённые в тех местах бараки. Скученность населения, антисанитарные условия порождали многочисленные эпидемии. Питание на грани голода, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, антисанитария, неудовлетворительное медицинское обслуживание, а также неприспособленность калмыков к новым климатическим условиям вызывали повышенную заболеваемость и высокую смертность, особенно от туберкулеза. Так, в Алтайском крае смертность от туберкулеза среди всего населения составляла 3,1 % к числу умерших, а среди калмыков — 48 %. В Новосибирской области смертность от туберкулеза составляла 9,7 % от числа умерших, а среди калмыков 43 % (ср. в Калмыкии в 1940 г. — 16,6 %). Таким образом, почти в половине калмыцких семей имелись больные туберкулезом. В Голышмановском районе Тюменской области больных трахомой было 0,2 %, а среди калмыков — 18 %.

Для того чтобы осознать, какое положение занимали спецпереселенцы-калмыки в социальной структуре советского общества, необходимо провести сравнение с другими категориями населения. И тут аналогии напрашиваются сами собой. В конце 1943 года Ханты-Мансийский госрыбтрест обязался предоставить одной из исправительных колоний жилое помещение площадью в 2 кв. м на одного человека заключённого, т. е. реальная обеспеченность жилплощадью калмыков в среднем была чуть лучше, чем у заключённого, но иногда уступала и этой,

столь невысокой «норме» обеспечения [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 813. Л. 10].

Отчеты об обустройстве спецпереселенцев-калмыков с мест, где они расселялись, составлялись обтекаемо, что позволяло достаточно успешно скрывать положение дел на местах. Однако в ряде такого рода документов, направленных в вышестоящие органы, раскрывается реальное положение калмыков. Так, помещения, где разместили калмыков, работавших на Сургутском консервном заводе, оказались непригодными к проживанию в зимних условиях: окна одинарные, двери были не утеплены, потолок в большинстве комнат промерзал [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 4]. Во многих помещениях стекла отсутствовали, в ряде случаев их заменяли фанерой или другими подручными средствами [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 796. Л. 95].

Многие спецпереселенцы прожили не одну суровую сибирскую зиму в выкопанных кое-как землянках. Сверху в землянку вели ступеньки, пол был земляной. Автору этих строк от рождения и почти до 6 лет тоже «посчастливилось» жить в такой землянке, где в углу была печь, а оставшуюся часть землянки занимали нары, на которых спали взрослые и дети в количестве 6 человек. Нам с мамой места на нарах не хватило, поэтому мы спали перед нарами на сырой земле, положив соломенный матрац. Днём нары использовали как стол для еды, поскольку больше места не было. У двери в стену были забиты гвозди, на которые вешали одежду. Все другие пожитки хранили под нарами. Из-за нехватки топлива в землянке зимой всегда было сыро и холодно. Таким образом, калмыки жили по принципу «в тесноте, да не в обиде». На небольшой площади землянки нас умещалось 8 человек. Сейчас это кажется невероятным, но так было.

О бедственном положении калмыков сообщил в своем письме от 2 февраля 1944 г. председатель Ларьякского райсовета Вторушин вышестоящему руководству: «Большинство калмыков не имеют нижнего белья и верхней теплой одежды, помочь на месте мы не имеем никакой возможности, так как никаких фондов товаров нет...» [Набокова 2005: 66–67].

Многие калмыки имели только одну смену верхнего платья, на ногах носили брезентовые с деревянными подошвами башмаки. Но даже такой обуви у большинства из них

не было, поэтому они ходили босиком. Моя тетьа, Урубжурова Г. З., с горечью вспоминала, что, находясь в депортации в Новосибирской области, пасла скот и, чтобы хоть как-то согреть ноги, опускала их в зимнюю стужу в коровьи «лепешки». Чтобы спасти от голода своих малолетних троих детей, отец которых воевал на фронте, за булку черного хлеба в день ей пришлось возить трупы умерших от голода земляков и зарывать их в снег у кладбища. Поскольку калмыки умирали в деревне каждый день, иногда по несколько человек, то, несмотря на смертельную усталость, она снова и снова тащила ненавистные санки, с которых трупы падали, и ей надо было поднимать их и укладывать, а затем везти дальше, увязая ногами в глубоком снегу. Ценой таких страданий в 29 лет сестра моей мамы смогла спасти сыновей от гибели. Когда я спрашивала ее: «А не страшно было?», — она отвечала, что не мертвых надо бояться, а живых, видимо, имея в виду тех, кто отправил их в ссылку.

Депортация коснулась и непосредственных участников Великой Отечественной войны. В 1944 году на ее завершающем этапе со всех фронтов по национальному признаку около 5 000 солдат и сержантов были сняты и отправлены в Молотовскую область (ныне Пермский край) для работы в составе «рабочих колонн НКВД» на строительстве Молотовской (ныне Широковской) ГЭС. Многие из них здесь погибли от изнурительного каторжного труда, от скудного полуголодного содержания. А больные и истощенные были «активированы», и им было разрешено выехать в места спецпоселения своих родных, где некоторые из них выживали, а иные, едва добравшись и даже не встретившись с близкими, не найдя их, умирали. Таким образом, фронтовики-калмыки, в том числе и офицеры, разделили участь своих родных и близких на спецпоселении.

Вместе с тем следует помнить, что несмотря на процессы принудительного переселения калмыков, значительная часть их продолжала воевать на фронтах Великой Отечественной войны, в рядах партизан и бойцов Сопротивления в Европе. Многие из них и не подозревали о трагических событиях, происходивших на их малой родине с их народом.

В сведениях о численности возвратившихся с фронта спецпереселенцев (1945–

1946 гг.) значится калмыков-офицеров 383 человека, 1 118 сержантов и 4 683 рядовых [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 98–99].

Говоря о потерях калмыцкого населения в годы незаконной ссылки, следует отметить, что на первом этапе было депортировано 93 139 калмыков, на втором — более 2,5 тысяч, на третьем — около 1 200 человек. Добавим к ним более 5 000 калмыков-мужчин, отозванных из Красной Армии в 1944 году. Следовательно, смертность калмыцкого населения в дороге и первые год-полтора составляла почти 55–60 % [Убушаев 1991: 41]. К сожалению, насильственное переселение до сих пор отрицательно отражается на приросте калмыцкого населения республики и спустя почти 70 лет продолжает влиять на генофонд этноса и на демографическую ситуацию в целом.

Таким образом, убыль среди калмыцкого населения в рассматриваемый период была очень высокой, она перекрывала прирост, и численность калмыков неуклонно сокращалась. Поэтому тринадцатилетнее принудительное пребывание нашего народа в восточных регионах страны можно выделить в качестве особого (трагического) этапа и в демографической истории калмыков.

Если сравнить калмыцкое народонаселение с дореволюционным периодом (по данным Всероссийской переписи 1897 года, калмыков насчитывалось более 200 тысяч человек), то за прошедшие почти 100 лет этнос так и не достиг своей дореволюционной численности. Анализируя динамику рождаемости в Калмыцкой АССР на 1000 чел. населения за 13 лет (1959–1971 гг.) сразу после возвращения их из ссылки, Э. Л. Каспаров отмечает, что среди калмыков показатель рождаемости составил 65,4 % и был самым низким по сравнению с представителями других народов, проживающими в республике (русские, народы Северного Кавказа и др.) [Каспаров 1974: 18].

Данные исследований ученых с достаточной степенью основания дают право утверждать, что катастрофическое уменьшение численности калмыцкого населения прямо связано с последствиями насильственной депортации калмыцкого народа. Вместе с тем проблемы демографии, рассмотренные в данной статье, требуют дальнейшего скрупулезного и углубленного изучения и остаются по-прежнему, актуальными. Написание правды о насильственном переселении народов необходимо

и для того, чтобы в сознании людей, особенно молодежи, сформировалась однозначная оценка незаконной депортации, по сути, бесчеловечного, антигуманного, акта тоталитарного государства, не допускающая

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).

Государственный архив Омской области (ГА ОО).

Литература

Бакаев П. Д. О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 176 с.

Бакаев П. Д. Размышления о геноциде. Элиста: Б.и., 1992. 115 с.

Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов в 30–40-х гг. // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144.

Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 320 с.

Бугай Н. Ф. О депортации калмыцкого народа // Теегин герл. 1990. № 3. С. 20–29.

Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста: Б.и., 1991. 88 с.

Бугай Н. Ф. Погружены в эшелоны и отправлены в места поселений... // История СССР. 1991. № 1. С. 143–165.

Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь: два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. 2005. Вып. 3. С. 400–442.

Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 / РАН, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003. 306 с.

Каспаров Э. Л. Динамика рождаемости и брачности в Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. 138 с.

Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 9–12; 1990. № 1–12.

Конквест Р. Жатва скорби (главы из книги) // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 83–100.

Максимов К. Н. Репрессивная политика Советского государства и депортация калмыцкого

попыток искать оснований для оправдания репрессивных мер, примененных к отдельным народам в 40–50-е гг. прошлого столетия в СССР.

народа в 1943 г. // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в.: сб. науч. тр. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 3–23.

Максимов К. Н. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940 гг. М.: Наука, 2004. 311 с.

Максимов К. Н., Очирова Н. Г., Таванец С. Калмыкия и калмыки в годы трудного лихолетья // Они сражались за Родину: Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны: Книга-хроника. М.: Нов. хроногр., 2005. С. 125–143.

Набокова Л. В. Пребывание калмыков на спецпоселении в Ханты-Мансийском округе во время и после Великой Отечественной войны // Великий подвиг народа: II военно-исторические чтения, посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2001. С. 64–70.

Надь Ф. Помнит земля сибирская // Комсомолец Калмыкии. 1988. 13 августа. С. 8.

Наминов Л. У. Приняла Сибирь и живых и мертвых // Мы – из высланных навечно. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 261–264.

Некрич А. М. Наказанные народы // Нева. 1993. № 9. С. 223–283.

Очиров У. Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР // Великая Отечественная война: события, люди, история: сб. науч. ст. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 45–64.

Северская Т. И помнит мир спасенный: война и победа на страницах газеты «Новости Югры». Ханты-Мансийск: Ред. газеты «Новости Югры», 2005. 207 с.

Серазетдинов Б. У., Иванов А. С. История повседневной жизни калмыков на Югорской земле в военное лихолетье 1941–1945 гг. Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. 208 с.

Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 95 с.

Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2007. 496 с.

Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London: Macmillan and Co, 1960. 204 p.

Strong Anna-Louise. Peoples of the USSR. New-York: Macmillan Company, 1944. 246 p.

Sources

[The National Archives of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

[The State Archive of the Omsk Region]. (In Russ.)

[The State Archives of Social and Political History of the Tyumen Region]. (In Russ.)

[The State Archives of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

Bakaev P. D. [On the Tragedy in the History of the Kalmyk People]. Elista: Dzhangar, 2003. 176 p. (In Russ.)

Bakaev P. D. [Reflections on Genocide]. Elista: [w/o publ.], 1992. 115 p. (In Russ.)

Bugay N. F. [Concerning Deportation of Peoples in 30–40s]. *History of the USSR*. 1989. No. 6. Pp. 135–144. (In Russ.)

Bugay N. F. [L. Beria to I. Stalin: “According to your Order...”]. М.: АИРО-XX, 1995. 320 p. (In Russ.)

Bugay N. F. [On Deportation of the Kalmyk People]. *Teegin Gerl*. 1990. No. 3. Pp. 20–29. (In Russ.)

Bugay N. F. [Operation “Uluses”]. Elista: [w/o publ.], 1991. 88 p. (In Russ.)

Bugay N. F. [Loaded into Trains and Sent to the Places of Settlement...]. *History of the USSR*. 1991. No. 1. Pp. 143–165. (In Russ.)

Conquest R. [Big Terror]. *Neva*. 1989. No. 9–12. 1990. No. 1–12. (In Russ.)

Conquest R. [Harvest of Grief (chapters from the book)]. *Issues of History*. 1990. No. 4. Pp. 83–100. (In Russ.)

Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London: Macmillan and Co., 1960. 204 p. (In Eng.)

Guchinova E.-B. M. [Each has their Own Siberia: Two Stories about Deportation of Kalmyks]. *Anthropological Forum*. 2005. Iss. 3. Pp. 400–442. (In Russ.)

Kasparov E. L. [Dynamics of Birth Rate and Marriage in Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic]. Elista: Kalm. Book Publ., 1974. 138 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Repressive Policy of the Soviet State and Deportation of the Kalmyk People in 1943]. In: [Political Repressions in Kalmykia in the 20–40s of the XX Century]. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 3–23. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Tragedy of the People: Repression in Kalmykia. 1918–1940]. Moscow: Nauka, 2004. 311 p.

Maksimov K. N., Ochirova N. G., Tavanets S. [Kalmykia and Kalmyks in the Stormy Years]. In: [They Fought for Motherland: Representatives of the Repressed Nations on the Fronts of the Great Patriotic War: Book Chronicle]. Moscow: Nov. khronogr., 2005. Pp. 125–143. (In Russ.)

Nabokova L. V. [Staying of Kalmyks at a Special Settlement in Khanty-Mansiysk District during and after the Great Patriotic War]. In: [Great Feat of the People]. Conf. proc. devoted to 55th anniversary of the victory in the Great Patriotic War]. Yekaterinburg, 2001. Pp. 64–70. (In Russ.)

Nad F. [The Land of Siberia]. *Komsomolets of Kalmykia*. 1988. August 13. P. 8. (In Russ.)

Naminov L. U. [Siberia Accepted both Alive and Dead]. In: [We are from the Exiled Forever]. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 261–264. (In Russ.)

Nekrich A. M. [The Punished Nations]. *Neva*. 1993. No. 9. Pp. 223–283. (In Russ.)

Ochirov U. B. [Military Mobilization in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic]. In: [Great Patriotic War: Events, People, History]. Elista: Dzhangar, 2001. Pp. 45–64. (In Russ.)

Serazetdinov B. U., Ivanov A. S. [History of Everyday Life of Kalmyks on the Ugra Land during the War 1941–1945]. Surgut: Surgut State University Publ., 2007. 208 p. (In Russ.)

Severskaya T. [And the Saved World Remembers: the War and Victory on the Pages of the Newspaper “News of Ugra”]. Khanty-Mansiysk: Novosti Ugry, 2005. 207 p. (In Russ.)

Strong Anna-Louise. Peoples of the USSR. New York: Macmillan Company, 1944. 246 p. (In Eng.)

Ubushaev V. B. [Kalmyks: Eviction and Return. 1943–1957]. Elista: Sanan, 1991. 95 p. (In Russ.)

Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. [Kalmyks: Eviction, Return, Revival 1943–1959]. Elista: Kalmyk State University, 2007. 496 p. (In Russ.)

Zemskov V. N. [Special Settlers in the USSR. 1930–1960]. Moscow: Nauka, 2003. 306 p. (In Russ.)

Zemskov V. N. [Prisoners, Special Settlers, Exiled and Expelled: Statistical and Geographical Aspect]. *History of the USSR*. 1991. No. 5. Pp. 151–165. (In Russ.)

УДК 39(47=942.2)

ББК 63.5(2)

**КАЛМЫКИ-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СИБИРИ:
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ДЕПОРТАЦИИ**

Е. Л. Зберовская

Кардинальные изменения советского общества во второй половине 1980-х гг. привели к трансформации общественного сознания, ломке стереотипов в отечественной науке. На волне обновления одной из наиболее популярных тем стало изучение сталинских репрессий. Не вызывает сомнений, что за прошедшие годы российские и зарубежные ученые, во многом благодаря «открытию» ранее засекреченных архивных материалов, значительно продвинулись в исследовании обозначенной проблематики.

С 1990-х гг. изучение «раскулачивания» крестьян, «большого террора», принудительных переселений и других тем происходило не только в научных центрах, но и на региональном уровне, что значительно скорректировало и расширило представления о масштабах репрессивной политики в СССР в 1930 – начале 1950-х гг. Вместе с расширением географии исследований обозначилась проблема необходимости комплексного анализа изучаемых явлений, что обусловлено многоаспектностью их проявлений, многогранностью последствий. Например, для всестороннего рассмотрения феноменов этнических депортаций и спецпоселения, принципиально изменивших бытие высланных народов, изыскания историков должны быть дополнены культурологическим, социологическим, демографическим и другими видами анализа. Предлагаемая статья является попыткой такого междисциплинарного историко-культурологического исследования. Опираясь на нормативные документы и нарративные источники, автор рассматривает проблемы социокультурной адаптации калмыцких семей, депортированных в Сибирь, формы сохранения этнической идентичности и взаимодействия с инокультурным сообществом.

При осуществлении политики принудительных переселений в 1930 – начале 1950-х гг. Сибирь стала одним из главных регионов размещения разнообразных «спецконтингентов». В предвоенные и военные годы за Урал было направлено более 629 тыс. чел. (28,4 % всех спецпереселенцев в СССР), представлявших разные этносы, попавшие, по решению советского руководства, в число «неблагонадежных». Самыми многочисленными были польский, немецкий, калмыцкий, прибалтийский «контингенты», размещенные преимущественно в Западной и отчасти Восточной Сибири [Земсков 2003: 115,116].

В январе 1944 г. регион принял почти всех выселенных с родины калмыков — 90 715 чел. из 93 139 депортированных из Калмыцкой АССР по известному Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. [Убушаев 1991: 6, 37]. В Сибири картина расселения была следующей: больше всего людей направили в Омскую область — 27 069 чел., вторым по численности переселенцев стал Красноярский край — 24 998 чел, на Алтай выслали 22 212 чел. и еще 16 436 чел. — в Новосибирскую область [ГА РФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–2]. В дальнейшем на спецпоселении оказалось еще свыше 6 тыс. калмыков, выселенных в течение 1944 г. из ряда областей и краев СССР. По подсчетам К. Н. Максимова, к осени 1944 г. были депортированы 102 235 гражданских лиц калмыцкого населения [Максимов 2010: 369]. Абсолютное большинство вынужденных переселенцев составляли женщины и дети.

Отложившиеся в архивах материалы свидетельствуют о дисперсном расселении калмыков в местах вселения. Так, в Красноярском крае семьи были распределены между 26 районами.

Таблица 1. Размещение калмыков в Красноярском крае (март 1944 г.)

Наименование районов	Количество спецпереселенцев	
	Семей	Человек
1. Ширинский	360	1 200
2. Саралинский	306	955
3. Партизанский	154	489
4. Советский	216	729
5. Рыбинский	301	1 131
6. Нижнее-Ингашский	214	693
7. Боготольский	439	1 612
8. Тюхтетский	318	1 140
9. Уярский	23	77
10. Назаровский	425	1 438
11. Каннский	320	976
12. Сухобузимский	65	244
13. Емельяновский	348	977
14. Манский	639	2 123
15. Козульский	195	402
16. Ачинский	250	1 163
17. Даурский	150	750
18. Боградский	369	1 350
19. Кировский	1 173	3 555
20. Усть-Абаканский	559	2 010
21. Кежемский	70	200
22. Богучанский	70	200
23. Абанский	50	120
24. Казачинский	100	250
25. Туруханский	40	100
26. Енисейский	120	274
Итого	7 274	24 158

Новое место жительства переселенцев определяли комиссии, специально созданные из представителей край(об)комов, край(обл)исполкомов, УНКВД. Они распределяли депортированные семьи в соответствии с потребностями района в рабочей силе и возможностями предоставления свободного жилья, которых принимающие организации практически не имели. Скромные жилищные резервы были исчерпаны после размещения в регионе эвакуированных семей, «спецконтингентов» поляков, немцев, немцев, финнов, греков и др. Ревизия жилого и нежилого фонда, проводившаяся на местах перед поселением калмыков, выявила острый дефицит жилья, в связи с чем к приему переселенцев готовили любые, даже малопригодные для жизни, помещения (путьейский домик, барак при конторе, клуб с топчанами и т.д.) [ГА КК. Ф. П–26. Оп. 13.

Д. 383. Л. 253–254]. Неудовлетворительные жилищные условия, скученность при расселении приводили к быстрому возникновению и распространению инфекционных заболеваний, высокой смертности среди калмыцких семей.

Оказавшись в Сибири, калмыки вынуждены были проходить климатическую, трудовую, социокультурную адаптацию, которая усугублялась особым режимом их содержания. Под адаптацией в широком смысле слова понимается приспособление индивида или группы к внешним условиям. Но всякое приспособление ведет к утрате существовавших ранее социальных связей, трансформации прежней модели этнокультурного взаимодействия, оно ломает сложившуюся социокультурную систему. В условиях особого режима содержания (спецпоселения), ограничива-

ющего свободу передвижения людей (что фактически приводило к невозможности реализации других гражданских прав), адаптация зависела не столько от личных качеств человека, сколько от внешних факторов — политики органов власти и комплиментарности местного сообщества. В ситуации дисперсного расселения групповые практики адаптации первоначально не могли стать основными и уступали вышеуказанным внешним факторам. Спецпереселенцы не могли самостоятельно выбрать себе соседей, занятие, место жительства, поэтому адаптация начиналась в заранее предложенных властью условиях.

В центре и на местах руководители были заинтересованы в скорейшем приспособлении спецпереселенцев к новой обстановке, поскольку от этого зависели выполнение производственных заданий, сохранение трудоспособности прибывшей рабочей силы. Внешним проявлением такой заинтересованности стали распоряжения и постановления СНК СССР, изданные весной 1944 г., о предоставлении калмыкам муки, крупы, мяса, зерна, скота в счет сданного в местах выселения. Для «улучшения бытовых условий спецпереселенцев-калмыков» СНК СССР 19 ноября 1944 г. отдал распоряжение наркомпищпрому, наркомзагу и наркомтекстилю СССР выделить регионам, где они были размещены, хозяйственное мыло, плиточный чай, соль, шерсть, хлопчатобумажные ткани. Однако особых усилий по воплощению в жизнь московских решений и ускорению адаптационного процесса (в силу разных причин) на местах не предпринимали. Иначе как можно объяснить следующие факты: за 1944 г. исполкомы райсоветов не приступили к жилищному строительству для калмыцких семей, не выбрали отпущенный по нарядам Главснабеса и Крайлесзага выделенные правительством стройматериалы; зерно, предназначенное калмыкам, некоторые председатели исполкомов передавали для оплаты трудовых своим колхозникам [ГА КК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 48. Л. 158, 211].

По свидетельствам сибиряков и даже по признанию официальных организаций, бытовая и климатическая адаптация калмыков проходила особенно тяжело. Люди страдали от резкой смены климата, пищи, бытовой неустроенности. Только за первые три месяца пребывания в Красноярском крае умерло 840 чел. Высокую смертность среди

спецпереселенцев-калмыков подтверждала и общесоюзная статистика — за первый год депортации умерло в 25,7 раза больше людей, чем родилось [Земсков 2003: 118].

В итоге реальная помощь калмыкам была незначительной. Она не могла существенно улучшить бедственное положение, ускорить адаптацию спецпереселенцев, основную часть которых представляли дети, женщины и старики.

Необходимость приспособления к новым условиям жизни приводила к изменению прежних культурных установок. Суровый сибирский климат, инокультурное окружение, неусыпный контроль со стороны спецкомендатур — все эти внешние факторы оказывали мощное воздействие на сложившуюся веками социокультурную систему этноса.

Под социокультурной системой мы понимаем взаимосвязь элементов, образующих единое культурное пространство, базовыми среди которых являются традиции, ценности, язык, религия. Для этноса основополагающими являются принадлежность к определенной территории («своя земля») и общая историческая память.

Очевидно, что в условиях дисперсного расселения калмыков воспроизводство основных системных элементов социокультуры было крайне проблематично. Например, особую ценность для калмыков представлял скот — по количеству голов скота оценивалось богатство семьи. Лишившись в ходе депортации практически всего нажитого имущества, в том числе и скота, калмыки фактически утрачивали этот ценностный компонент. Адекватной замены ему не находилось.

Большую роль в повседневной жизни калмыцких семей играл буддизм. В течение многих веков он «оказывал влияние на ментальность и образ жизни калмыков, на формирование мировоззрения наших предков, на становление и развитие государственности и национального самосознания» [Максимов 2004: 198]. В Сибири в калмыцких семьях имелись молитвенные лампадки, хранились рукописные списки буддийской литературы, но поддержание религиозной традиции было задачей старшего поколения. Как отмечает Э.-Б. М. Гучинова, маленькие спецпереселенцы ее почти не наследовали [У каждого своя Сибирь]. Это происходило по разным причинам: во-первых, именно старшее поколе-

ние несло большие демографические потери, поскольку хуже остальных возрастных групп приспособлялось к новым обстоятельствам — оно не успевало передавать свой ценный этнокультурный опыт внукам; во-вторых, в условиях политики воинствующего атеизма (ослабленной в годы войны лишь незначительно) сохранение и передача религиозных ценностей в обществе не приветствовались.

В условиях депортации калмыцкий язык утрачивал прежнюю системообразующую роль. Первоначально многие калмыки не знали русского языка, поскольку на родине в моноэтническом окружении он не был особенно востребован. В воспоминаниях бывших спецпереселенцев отмечается, что приверженность национальному языку сохраняло только старшее поколение калмыков, а юные спецпереселенцы в условиях иноязычного окружения родную речь забывали [У каждого своя Сибирь]. Между тем, язык выполняет важнейшую роль семиотического культурного кода. Ю. М. Лотман отмечал, что язык — это еще и текст культуры: «только переведенное в ту или иную систему знаков может стать достоянием памяти» [Лотман 2010: 59]. Замена калмыцкого языка русским в повседневном общении была вынужденной, но необходимой мерой. Она вполне отвечала адаптационному поведению выселенцев в условиях иноязычного (преимущественно русского) окружения. Для разных этнических групп спецпереселенцев русский язык был центральной знаковой системой, языком межэтнической коммуникации.

Размывание базовых элементов социокультурной системы калмыков вело к утрате их этнической идентичности. В данном случае этот процесс можно рассматривать как проявление кризиса социокультурной системы, выведения ее из прежнего равновесного состояния, которое базовые элементы поддерживали. Опираясь на современные социологические исследования, мы рассматриваем идентичность как самоидентификацию и социокультурную определенность [Рыжова 2011: 18]. Самоидентификация для этноса во многом определяется культурным пространством, территорией его проживания. Ликвидация автономии Калмыкии, выселение людей из родных мест, тесно связанных с их «исторической памятью», лишали калмыков этой важной этнической константы.

Социокультурная неопределенность была характерна в большей степени для младшей группы спецпереселенцев, чье становление пришлось на годы депортации. По мнению Б. А. Бичеева, они выпали из поля этнической идентичности, оставаясь в ней чисто номинально [Бичеев 2005: 323].

Адаптация становилась главной проблемой с точки зрения поддержания этнической идентичности, поскольку неизбежно вела не только к размыванию прежних системных элементов, но и способствовала ассимиляции калмыцкого этноса. Однако адаптационный процесс был необходим для дальнейшего выживания вынужденных переселенцев. Адаптацию можно рассматривать как реакцию прежней социокультурной системы на внешнее воздействие, как своеобразный бифуркационный выход, который позволил системе начать движение к новому равновесному состоянию.

Успешность адаптации калмыков в Сибири, как показывала практика, зависела от стратегии их выживания в новом социуме. Она предусматривала усвоение новых правил жизни во взаимодействии с местным сообществом. Калмыки вынуждены были перестроить свой пищевой рацион (включение картошки, чая на сибирских травах и т. д.), овладеть новыми профессиями, комплиментарно сосуществовать с инокультурным сообществом.

Для взрослых спецпереселенцев адаптация происходила преимущественно в ходе совместной трудовой деятельности с местным населением. Первоначально СНК СССР в Постановлении № 432 от 28 декабря 1943 г. предписывал разместить и трудоустроить калмыков, учитывая их прежние навыки, «главным образом, в сельскохозяйственных, животноводческих и рыболовецких хозяйствах» [ГА КК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 66. Л. 8]. В действительности спектр использования депортированных семей оказался шире. Часть людей была занята на рыбных промыслах в северных районах и в сельском хозяйстве, но многих направили на работы в лесную отрасль. Например, в лесопромышленные тресты Красноярского края в 1944 г. было определено 1 511 чел. Многие калмыцкие семьи трудились на Канском гидролизном заводе, Ачинском марганцевом руднике, Заозерновской слюдофабрике, тресте «Хакасолото», кирпичных заводах г. Красноярска [ГА КК. Ф. П-26. Оп. 13.

Д. 383. Л. 174, 209–219]. Освоение новых профессий, по признанию официальных органов и воспоминаниям самих переселенцев, проходило тяжело. Сибиряки помогали депортированным овладеть навыками новой для них деятельности.

Мы не склонны идеализировать отношения между переселенцами и сибиряками, особенно в начальный период депортации. До прибытия выселенцев отношение к ним не было положительным. Калмыки в своих воспоминаниях отмечали, что первоначально их представляли как «людоедов», «врагов народа». Не все сибиряки охотно брали переселенцев в свои дома [Гучинова 2005]. Очевидно, что и местное население нуждалось в адаптации к новым соседям.

Межкультурный и межличностный диалог выстраивался на сибирской земле постепенно. По мере знакомства с депортированными семьями отношение к ним менялось. Местные жители делились с голодающими продуктами, помогали в строительстве жилья, были случаи, когда они забирали к себе осиротевших детей спецпоселенцев.

Несмотря на все сложности приспособления к новому социуму, особый режим содержания, культура калмыцкого этноса сохранилась. В работах Э.-Б. М. Гучиновой, Б. А. Бичеева и других исследователей показаны адаптационные стратегии калмыков, позволившие этносу выжить и сохраниться. Нам хотелось бы обратить внимание на комплиментарное поведение калмыков и сибиряков. Среди депортированных калмыков органы НКВД, тщательно следившие за умонастроениями своих подопечных, не зафиксировали недружелюбного поведения или высказываний. Терпение и трудолюбие как основные качества отмечали у калмыков местные жители. Очевидно, эти качества, проистекавшие из буддийского мировоззрения, лежали в основе комплиментарности этноса. Высланные семьи стойко выносили все трудности депортации.

Определенную роль в сохранении этнической идентичности играла и полиэтническая культурная среда Сибири. Калмыки оказались на спецпоселении вместе с другими высланными этносами. Общность судьбы позволяла пережить трудности депортации: «В наших бараках проживало около 50-ти семей разных национальностей —

немцы, финны, латыши, калмыки. Но все жили дружно, не было безучастных в бедах и радостях жизни» [У каждого своя Сибирь 2010]. Местное население, состоявшее, в том числе, из потомков ссыльных, относилось к спецпереселенцам с состраданием. Обескровленные войной сибиряки не утратили способности помогать другим людям.

Начавшийся после смерти Сталина процесс реабилитации закончился для калмыков восстановлением автономии и возможностью вернуться на родину. Обретение вновь этнического пространства способствовало возрождению этнических констант.

Таким образом, оказавшись зимой 1944 г. на спецпоселении, калмыки были поставлены перед проблемами как физического выживания, так и сохранения культуры. Возможность обретения удовлетворительных материальных условий жизни была связана с климатической и производственной адаптацией. В первые годы депортации ее нельзя назвать успешной, о чем свидетельствует высокая смертность среди выселенцев. Деятельность официальных органов по созданию пригодных для жизни и вхождения в новый социум условий оказалась малоэффективной. Протекание этого процесса во многом зависело от стратегии выживания самих калмыков. Она складывалась постепенно, в тесном взаимодействии с их новыми «соседями».

Депортация и спецпоселение нанесли серьезный удар по социокультурной системе калмыцкого этноса. В условиях особого режима содержания, иноязычного окружения этносу сложно было сохранить базовые элементы культуры. Начался процесс их размывания. Однако, калмыки не потеряли своей идентичности. На наш взгляд, во многом ее поддержанию способствовали комплиментарные отношения вынужденных переселенцев и местного социума, а также буддийское мировоззрение, выразившееся в стратегии непротивления и терпения.

Этнокультурное состояние калмыков на спецпоселении определялось двумя процессами — адаптацией и сохранением этнической культуры. Адаптация способствовала обновлению социокультурной системы этноса, но не привела к утрате этнической идентичности.

Источники

Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ).

Государственный Архив Красноярского края (ГА КК).

Литература

Бичеев Б. А. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков: дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2005. 364 с.

Гучинова Э.-Б. Помнить нельзя забыть. Антология депортационной травмы. Штутгарт, 2005. 282 с.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.

Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ

им. М. И. Рудомино, 2010. 416 с.

Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.

Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.

У каждого своя Сибирь. Жизнь калмыков в Средней Азии. Эльза-Баир Гучинова [Электронный ресурс] // URL: www.elzabair.ru/cntnt/1memu/stati/ (дата обращения: 17.08.2010).

Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 95 с.

Sources

[The State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.)

[The State Archive of the Krasnoyarsk Territory]. (In Russ.)

References

Bicheev B. A. [Mythological and Religious Bases of Formation of the Ethnic Consciousness of the Kalmyks]. Dr. Sc. thesis (Philosophy). Stavropol, 2005. 364 p. (In Russ.)

[Everyone has their Own Siberia. The Life of Kalmyks in Central Asia]. Elza-Bair Guchinova. An Internet resource: www.elzabair.ru/cntnt/1memu/stati/ (accessed: August 17, 2010). (In Russ.)

Guchinova E.-B. [It is Impossible to Forget. Anthology of a Deportation Trauma]. Stuttgart, 2005. 282 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. [What People Learn. Articles and Notes]. Moscow: State Library of Foreign Literature, 2010. 416 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Tragedy of the People: Repressions in Kalmykia. 1918–1940s]. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)

Ryzhova S. V. [Ethnic Identity in the Context of Tolerance]. Moscow: Alpha-M, 2011. 280 p. (In Russ.)

Ubushaev V. B. [Kalmyks: Eviction and Return. 1943–1957]. Elista: Sanan, 1991. 95 p. (In Russ.)

Zemskov V. N. [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka, 2003. 306 p. (In Russ.)

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622-4

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ ИЗ КАЛМЫЦКОЙ АССР*Л. В. Оконова*

В СССР с началом Великой Отечественной войны политические репрессии против населения страны не прекращались. Одними из первых, кто подвергся выселению из Калмыцкой АССР, оказались немцы, в основном компактно проживавшие в Западном и Яшалтинском улусах. Данный, фактически противоправный, акт, коснувшийся не только немцев, но и других репрессированных народов, долгие годы замалчивался, вплоть до начала разоблачения в 1950-е годы культа личности И. В. Сталина. XX съезд КПСС и наступление «хрущевской оттепели» позволили поставить вопрос о восстановлении поправленных политических прав репрессированных граждан СССР и национальных образований. Тогда же начался процесс их реабилитации, протекавший в условиях сохранявшейся недоступности архивных фондов и материалов в соответствующих ведомствах.

Впервые в отечественной исторической литературе о выселении немцев из Калмыцкой АССР упомянули в начале 1990-х гг. исследователи Н. Ф. Бугай и В. Б. Убушаев [Бугай 1991: 14–15; Убушаев 1992: 37–38]. Обзор научной литературы по истории депортации немцев из Калмыцкой АССР показывает, что она еще не стала объектом всестороннего и самостоятельного изучения. Имеющиеся на сегодняшний день немногочисленные работы содержат отрывочные сведения в виде упоминаний по истории их выселения. Воссоздание во всей полноте истории депортации немцев в 1941 г. из Калмыцкой АССР, пребывания в ссылке, их возвращения в Калмыцкую АССР — задача будущего исследования.

Исходя из актуальности темы, в данной статье предпринята попытка уяснить с возможной полнотой процесс принудительного переселения немцев из республики и дать ему историческую оценку. Для должного освещения вопроса в статье привлечены опубликованные, архивные и иного рода источники, часть из которых нами вводятся в научный оборот впервые. К послед-

ним относятся документальные материалы, выявленные в Информационном центре Министерства внутренних дел Республики Калмыкия (ИЦ МВД РК) и Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК).

С нападением 22 июня 1941 г. фашистской Германии на СССР особые испытания предстояло пережить советским немцам. 26 августа 1941 г. было принято совместное постановление Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) — далее ЦК ВКП (б) — и Совета Народных Комиссаров СССР (далее — СНК СССР) «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области» [Бугай 1991: 14], а спустя 2 дня, 28 августа председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым подписан Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (далее — указ от 28 августа 1941 г.) [История российских немцев... 1993: 159–160]. Позднее последовал ряд постановлений, распоряжений СНК СССР, Государственного Комитета Обороны СССР, приказов Народного Комиссариата внутренних дел СССР (далее — НКВД СССР) о выселении немецкого населения фактически со всей европейской части страны.

Юридическим основанием для выселения немцев из Калмыцкой АССР послужило распоряжение СНК СССР № 84-кс «О переселении немцев из Калмыцкой АССР» от 2 ноября 1941 г. [Сталинские депортации... 2005: 360].

Согласно этому распоряжению, было решено переселить проживающих в Калмыцкой АССР 6000 немцев в Казахскую ССР. Руководство операцией было возложено на НКВД СССР, ее намечалось провести в 7-дневный срок, с 3 по 10 ноября 1941 г. Переселение и расселение немцев в Казахской ССР следовало произвести в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР за № 2060-935сс от 12.IV.1941 г.

«О расселении немцев Поволжья в Казахстане» и инструкцией «О порядке приема имущества переселяемых колхозов и колхозников», утвержденной СНК СССР за № 016-915сс от 30.VIII.1941 г.

Колхозные постройки и жилье колхозников предполагалось восстанавливать в местах расселения путем предоставления готовых помещений. В случае невозможности предоставления полноценного жилья переселяемым намечалось выдавать на строительство или ремонт зданий кредит по линии Сельхозбанка в размере до 2000 рублей сроком на 5 лет из 3 % годовых, на условиях погашения со второго года после его получения.

Народный комиссариат путей сообщения (НКПС, руководитель — Каганович), Народный комиссариат морского флота (НКМФ, руководитель — Дукельский) обязывались произвести перевозку всех переселяемых в срок от 3 до 10 ноября 1941 г., организовав подачу вагонов и пароходов по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Питание переселяемых в пути возлагалось на Наркомторг СССР (руководитель — Любимов) в пунктах по указанию НКВД СССР, медицинское обслуживание переселяемых в пути следования — на Наркомздрав СССР (руководитель — Митерев), для чего по заявке НКВД СССР выделялись медицинский персонал, медикаменты и медико-санитарный инвентарь. Секретарь ЦК КП(б) Казахстана Скворцов и председатель СНК Казахской ССР Ундасынов отвечали за организацию приема, расселения и хозяйственного устройства переселяемых. СНК Казахской ССР из резервного фонда СНК СССР должен был выделить средства в размере 300 тыс. руб. на прием и расселение переселенцев.

3 ноября 1941 г. был издан приказ № 001543 народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берия «О мероприятиях по переселению немцев из Калмыцкой АССР» [ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 120–121 об.]. Общее руководство операцией по переселению немцев из Калмыцкой АССР было возложено на наркома внутренних дел республики, капитана госбезопасности Г. Я. Гончарова, который впоследствии обязывался докладывать о ходе операции НКВД СССР. Перед началом операции, согласно специальной инструкции, утвержденной приказом № 001543 НКВД СССР, для обеспечения операции по пере-

селению войсками НКВД генерал-майору Апполонову было поручено выделить в распоряжение НКВД Калмыцкой АССР 3 командиров среднего конного состава и 63 красноармейца. Все выявленные «антисоветские элементы» из числа немцев подлежали аресту и заключению органами НКВД. Советско-партийный аппарат обязывался провести разъяснительную работу, предупредив всех выселяемых, что в случае уклонения (попытки скрыться) от переселения членов семьи ответственность за них будет нести глава семьи, а в случае возможного открытого отказа от выселения последует арест. Начальнику транспортного управления НКВД СССР, старшему майору госбезопасности Синегубову поручалось обеспечить своевременную подачу эшелона для вывоза переселяемых [ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 120–121 об.].

По срочной спецсвязи данные распоряжения были переданы в республиканские советские и партийные органы, которые тогда же, 3 ноября, продублировали основное решение — выселить всех немцев, проживавших в Калмыцкой АССР, к 10 ноября 1941 г. Одновременно на бюро Калмыцкого бюро обкома ВКП(б) и СНК Калмыцкой АССР пунктом 2 было утверждено письмо уисполкомам улусных Советов депутатов трудящихся, Элистинскому горисполкому, городскому и улусным комитетам ВКП(б) о выселении немцев [НА РК.Ф. П-1.Оп. 3. Д. 607. Л. 74; ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 25].

Для ответственных работников в Калмыцкой АССР вопрос выселения немцев не стал неожиданной новостью. Перед началом операции, согласно инструкции НКВД СССР № 13600 о порядке переселения немцев, проживавших в Калмыцкой АССР, предусматривалась разработка подготовительных мероприятий, составление особого списка лиц, проживавших в немецких семьях, переселение которых было обязательно; затем предполагалось проведение самой операции по выселению, направлению к станциям погрузки и дальнейшему транспортированию к пунктам поселения.

Организационная схема осуществлявшейся депортации предусматривала, что члены ВКП(б) и ВЛКСМ немецкой национальности вместе со всеми остальными подлежали переселению в Казахскую ССР. Исключение составляли лица, в отношении

которых давались специальные указания НКВД СССР.

В улусах операцией руководили оперативные «тройки» в составе начальников районных отделов НКВД, милиции, а также представителя НКВД. Кроме того, комплектовались оперативные группы. В них включали оперативных работников НКВД, милиции, представителя местных советско-партийных организаций и лиц, отвечавших за опись и прием имущества, оставляемого выселявшимися. На них возлагался выезд непосредственно на места, где проживали выселявшиеся. Здесь заполнялись учетные карточки на каждую семью с перечислением всех ее членов.

При составлении учетной карточки главу семьи предупреждали об ответственности за всех переселяемых членов его семьи. Не подлежали учету те семьи, где муж (глава семьи) не был немцем. Остальные, в том числе семьи военнослужащих, командиров и рядовых красноармейцев, брались на учет, т. е. их выселяли на общих основаниях. После заполнения учетных карточек оперативные «тройки» составляли план проведения операции, в котором учитывались количество семей, подлежащих переселению, общая численность членов этих семей, наличие подвод и иного транспорта у переселяемых и намечались маршруты движения к станциям погрузки.

Всем переселявшимся оперативные группы должны были сообщить о начале операции заранее, т. е. за 2 дня до выселения с тем, чтобы они могли подготовиться к отъезду. При этом было запрещено проведение собраний и коллективных обсуждений, связанных с переселением. Разрешалось брать с собой продукты, вещи, мелкий сельхозинвентарь, ценности, деньги (сумма не ограничивалась) с расчетом до 200 кг на каждого члена семьи и общим весом не более 1 тонны на каждую семью. Переселяемым предоставлялся определенный срок для сбора и упаковки имущества. Городским жителям разрешалось оставлять лично принадлежавшее им имущество в указанном размере и весе. Оставшееся имущество разрешалось реализовывать через доверенных лиц, которые в десятидневный срок могли продать его, а вырученные от продажи деньги направить владельцу по новому месту его жительства.

Оставшееся недвижимое имущество переселяемых подлежало переписи пред-

ставителями советских органов. При этом переселяемым объявлялось, что это имущество (сельскохозяйственные орудия, продовольствие — зернофураж и скот, кроме лошадей) подлежало передаче вновь создаваемым колхозам вместо ликвидированных.

Для доставки переселяемых к станциям погрузки весь учтенный авто- и гужевой транспорт колхозов должен был предоставляться с таким расчетом, чтобы все, подлежащие вывозу, могли взять с собой полагавшееся им по весу имущество с расчетом не менее, чем на один месяц. В случае недостатка транспорта у переселяемых следовало договориться с советско-партийными организациями о дополнительном его выделении. Оперативные группы, проводившие переселение, должны были выехать из колхоза или района к пункту погрузки. На каждой станции погрузки заблаговременно закреплялось по одному работнику транспортных органов для организации приема и посадки прибывавших переселенцев, а также отправки эшелонов по заранее составленному графику. На станциях погрузки старший колонны из оперативного состава обязывался передать один экземпляр списков начальнику погрузочного пункта, на которого возлагалась ответственность за погрузку людей и имущества и отправлением эшелонов по установленному графику. В местах погрузки в случае скопления большого количества переселяемых начальник пункта погрузки должен был предусмотреть размещение и элементарное обслуживание переселяемых до прибытия подвижного состава.

В пути следования эшелон депортируемых сопровождали спецсотрудники. Для этого выделялся из числа начальствующего состава НКВД начальник эшелона, а также 21 боец караульной службы из красноармейцев. Для агентурно-оперативного обслуживания переселяемых на каждый эшелон приходился один оперативный работник. При этом состав эшелона должен был быть устроен таким образом, чтобы в 7–8 вагонах располагались переселяемые, один вагон предназначался для караула. Кроме того, выделялся специальный вагон, служивший санитарным изолятором. Предполагалось, что в пути следования переселяемые немцы должны были получать бесплатно два раза в сутки горячую пищу и кипяток в специально установленных пунктах — железнодорожных буфетах. Оплату питания должен был производить начальник эшелона. На

каждый эшелон предполагалось выделить врача и двух медсестер с необходимым инструментарием и медикаментами. Было обращено особое внимание на принятие мер для задержания лиц, которые попытались бы укрыться от переселения [ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 2–3].

На основе данной инструкции были собраны статистические сведения. По состоянию на 20 октября 1941 г. были взяты на учет 5 709 немцев, проживавших преимущественно: в Западном улусе (ныне Городовиковском районе) — 1 461 чел., в том числе в рабочем поселке Башанта — 138 чел., совхозе №112 — 15 чел., пос. Б-Кюветы — 2 чел., пос. Розенталь — 587 чел., пос. Шин-Терл — 267 чел., пос. Фриденталь — 452 чел.; в Яшалтинском улусе — 4 118 чел., в том числе в с. Нем-Хагинка — 2 386 чел., с. Рейнфельд — 308 чел., с. Нейфельд — 275 чел., с. Шинбрун — 125 чел., с. Эсто-Хагинка — 148 чел., пос. Шинфельд — 845 чел., с. Яшалта — 31 чел.; в остальных улусах республики — 130 чел., в том числе в г. Элисте — 40 чел., Троицком улусе — 4 чел., Приютненском улусе — 39 чел., Черноземельском улусе — 6 чел., Малодербетовском улусе — 11 чел., Сарпинском улусе — 5 чел., Кетченеровском улусе — 1 чел., Долбанском улусе — 16 чел., Уланхольском улусе — 3 чел., Лаганском улусе — 5 чел. Для их доставки вместе с вещами (не более 200 кг на 1 человека) потребовалось вывезти груза 1 715,8 тонн, а для подъема этого груза требовалось 2 117 подвод [ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11–11 об.].

НКВД КАССР разработал план расстановки оперативного состава по выселению лиц немецкой национальности из Калмыцкой АССР, утвержденный Г. Я. Гончаровым. В плане первоначально использован термин «эвакуация». В последующих документах он заменен термином «выселение». В республике для проведения операции была создана участковая оперативная «тройка», в состав которой вошли: начальник штаба — заместитель наркома А. М. Моисеев, заместитель начальника штаба — начальник КРО С. Т. Коротков и секретарь — помощник оперуполномоченного В. Булатова. Участковая оперативная «тройка» укомплектовала 22 оперативные группы из числа сотрудников оперативного состава органов НКВД милиции и рядового милицейского состава по тем населенным

пунктам, где проживало немецкое население: в Западный улус вошли 4 опергруппы (р.п. Башанта, пос. Розенталь, пос. Шин-Терл, пос. Фриденталь), в Яшалтинский улус — 7 опергрупп (с. Нем-Хагинка, пос. Рейнфельд, пос. Нейнфельд, пос. Шин-Брун, с. Эсто-Хагинка, с. Шинфельд, с. Яшалта), в межулусные — 11 опергрупп (г. Элиста, с. Приютное (Приютненский улус), с. Троицкое (Троицкий улус), с. Яшкуль (Черноземельский улус), ст. Малые Дербеты (Малодербетовский улус), с. Кетченеры (Кетченеровский улус), с. Садовое (Сарпинский улус), ст. Долбан (Долбанский улус), Улан-Хол (Улан-Хольский улус), Лагань (Лаганский улус), пос. Кануково (Приволжский улус). Помимо этого в пос. Кануково был организован приемо-сдаточный пункт [ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 12–24].

Операция по выселению немцев вместо 10 ноября завершилась 6 декабря 1941 г. Г. Я. Гончаров в своей докладной записке начальнику 2-го управления НКВД СССР комиссару государственной безопасности 3-го ранга П. В. Федотову объяснил задержку тем, что на местах, во-первых, не было в должном количестве транспортных средств и, во-вторых, несвоевременно подавались вагоны на железнодорожные станции. В момент начала проведения операции по выселению лиц немецкой национальности из КАССР большая часть автомобильного и гужевого транспорта в улусах уже была мобилизована на строительство оборонительного рубежа в Ростовской области и железной дороги Астрахань–Кизляр. К тому же создавшееся к моменту доставки выселенцев на ст. Сальск Сталинградской железной дороги положение на Южном фронте, под городом Ростовом-на-Дону, вынудило перенести места погрузки со ст. Сальск на ст. Двойная, что увеличило дальность подвозки выселяемых до 100 км. На железнодорожных станциях Сальск и Двойная вагоны простояли 19 суток в ожидании отправки выселяемых. Станция Сальск находилась в 65–70 км от Западного и Яшалтинского улусов, из которых было выселено, соответственно, 1687 и 4011 человек. Хотя в остальных улусах проживало гораздо меньшее число немцев (больше всех их было в Элисте — 79 человек и меньше всех в Кетченеровском улусе — 3 человека), но зато они находились на расстоянии 250–300 км до ближайших пунктов желез-

ных дорог. Погрузка для них была организована на ст. Абганерово Сталинградской железной дороги. На волжской пристани пос. Кануково (в 7 км от г. Астрахани) из-за отсутствия специальной баржи погрузка не состоялась, и выселяемых отправили на железную дорогу Орджоникидзевского края [ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 211–213].

Вся операция по выселению прошла без каких-либо эксцессов. Общее число депортированных из республики оказалось на 254 человека больше, чем было взято на учет. Всего было выслано 5 965 человек (в том числе 17 агентов НКВД) вместо запланированных 5 709 человек [ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 211–213]. Они были направлены на поселение в Казахскую ССР. Неизвестно, сколько из них доехало до мест поселения. Сохранились в ИЦ МВД РК данные только о бывших жителях Нем-Хагинского сельсовета Яшалтинского района. Из них 949 человек 26 января 1942 г. прибыли в Кустанайский район Кустанайской области. Если учесть, что на момент постановки учета в октябре 1941 г. их было 2 386 человек, то, следовательно, переселенных немцев оказалось в названном районе в 2,5 раза меньше — вероятно, остальных расселили в другие районы [ИЦ МВД РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 219]. Бывших нем-хагинцев направили в Озеринский сельсовет. Теперь им предстояло стать озеринцами. Остальные переселенцы оказались в Акмолинской и Северо-Казахстанской областях.

Таким образом, обращение к данной теме позволило выявить ценный по содержанию

круг документальных материалов, ранее не введенных в научный оборот. В подавляющей массе документы, отражающие, например, подробности операции по выселению немцев из Калмыцкой АССР, тяжелые годы жизни ссыльнопоселенцев, процесс их реабилитации, предстоит еще выявить. Их могут пополнить также мемуарные материалы.

Выселение немцев состоялось в самом трудном для СССР начальном этапе войны. Депортация 1 209 430 советских немцев, в том числе 5 965 человек из Калмыцкой АССР, осуществлялась как часть общегосударственной операции. Советское правительство рассматривало выселение как вынужденную превентивную меру. Операция по выселению немцев из Калмыцкой АССР начата была в срок, а завершена с опозданием. В Калмыцкой АССР во время ее проведения не были зафиксированы ни антисоветские выступления, ни побег, ни акты неповиновения.

Как известно, сосланных российских немцев ожидали суровые испытания: тяжелые условия в пути следования, спецпоселение, мобилизация в рабочие колонны, позднее возвращение и незавершенная реабилитация.

Насильственное выселение немцев из Калмыкии явилось своеобразным прологом к депортации калмыцкого народа, проведенной через 2 года (в 1943 г.) в гораздо более жесткой форме, когда ссылаемых стали называть спецконтингентом, а сама операция по подготовке и проведению депортации получила кодовое название «Улусы».

Источники

- Информационный центр Министерства внутренних дел по Республике Калмыкия (ИЦ МВД РК).
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М.: Междунар. ин-т гуманитар. программ, 1993. 447 с.

Sources

- [The Information Centre of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)
[The National Archive of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

References

- Bugay N. F. [Operation “Uluses”]. Elista: Zaya-Pandita Center, 1991. 88 p. (In Russ.)
[History of Russian Germans in Documents (1763–

- Bugay N. F. Операция «Улусы». Элиста: Респ. центр развития культуры, науки и просвещения им. Зая-пандиты, 1991. 88 с.

- Сталинские депортации, 1928–1953: Сборник документов. М.: Материк; Междунар. фонд «Демократия», 2005. 904 с.

- Убушаев В. Б. О депортации немецкого населения Калмыкии // Репрессированные народы: история и современность (тезисы докладов и сообщений Рос. науч.-практ. конф. 28–29 мая 1992 г.). Элиста: КГУ, 1992. С. 37–38.

- 1992)]. Moscow: Institute of International Humanitarian Programmes, 1993. 447 p. (In Russ.)

- [Stalin Deportations, 1928–1953: Collection of Documents]. Moscow: Materik; Demokratiya, 2005. 904 p. (In Russ.)

- Ubushaev V. B. [On Deportation of German Population of Kalmykia]. In: [Repressed Peoples: History and Modernity]. Conf. proc. (Elista; May 28–29, 1992). Elista: Kalmyk State University, 1992. Pp. 37–38. (In Russ.)

**ЭТНИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 1930–1950-х гг. В СССР
КАК ПРЕДМЕТ КОМПЛЕКСНОГО ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НАБЛЮДЕНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ)***А. А. Бурыкин*

Тема этнических репрессий и депортаций обозначилась как предмет исследования в отечественной истории и смежных гуманитарных дисциплинах с конца 1980-х гг., хотя точное время начала этого процесса должны указать историографы грядущих десятилетий — перед нашим поколением стоят иные задачи. За время, прошедшее с начала перестройки, в научный оборот вошло большое количество материалов — по ним можно судить о том, сколько и какие из них еще остаются в архивах различных ведомств под разными грифами: кажется, почти никто из исследователей этой темы, актуальной для народов Северного Кавказа, еще не работал по данной проблеме в архиве Министерства обороны. Историографический обзор литературы по данной теме [Степанов 2009: 166–189] позволяет отметить и неоднозначную оценку трагедии народов в работах современных историков. Нет надобности спорить — все, чем мы располагаем сейчас: воспоминания, публицистика, поэтические и прозаические произведения, посвященные депортации калмыков, а также народов Северного Кавказа, образцы фольклора данного периода, — все это было актуально до сих пор на момент появления в печати и востребовано ныне как предмет истории народов и региональной истории, хотя явно не вписывается в концепции федеральных учебников. Прошедшие тридцать лет — сам по себе немалый срок для изучения любой проблемы, но на эти годы пришелся информационный взрыв, связанный с компьютерными технологиями, расширением издательских возможностей и отсутствием цензуры, и эти факторы многократно увеличили доступный ныне объем материалов по теме этнических депортаций. В свете сказанного одной из задач, обеспечивающих дальнейшие исследования по теме, должно стать обобщение и составление библиографии

по проблеме, сгруппированной по отдельным видам изданий, по жанрам обобщаемых источников и по их содержанию, где можно было бы представить и воспоминания, и рассказы, рассеянные по периодике, и авторские литературные произведения, и образцы фольклора с паспортными данными (сведениями об исполнителях и собирателях), а также издания документов и материалов, специальные исторические, политологические, правоведческие, этнографические работы, подготовленные исследователями Юга России и Северного Кавказа, специалистами из других научных центров. Данный призыв не напрасен: выясняется, что трехтомное издание «Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952», подготовленное С. У. Алиевой [Алиева 1993], выпущенное небольшим тиражом, уже знакомо далеко не всем, кто интересуется данной проблемой.

Исторические исследования, воспоминания взрослых и воспоминания детей, переживших дорогу в Сибирь и родившихся в Сибири, опыты художественного осмысления трагических исторических событий, междисциплинарный, прежде всего демографический анализ последствий депортации калмыцкого народа и народов Северного Кавказа в восточные регионы страны — этот материал гуманитарных научных дисциплин осмыслен как предмет исследования и как объект комментирующей критики. Как представляется, объем этого материала еще недостаточно осмыслен, как не определена и «внешняя граница» источников разнообразной информации по проблеме репрессий в Калмыкии и других регионах, а также не проведен философский и науковедческий анализ основ той политики, которая позволяла себе этнические репрессии [Бурыкин 2003]. Хочется задать вопрос, перефразируя профессора Преображенского из «Собачьего сердца» М. Булга-

кова: Где-нибудь у Карла Маркса сказано, что нужно или можно выселять целые народы с их исторической родины в отдаленные места? Этнические депортации стали лучшим доказательством несостоятельности марксистского учения об обществе и государстве, ибо их дискредитируют и факты, и попытки защищать какие-либо действия партии и государства.

Имя писателя Роберта Штильмарка (1909–1985) стало широко известным читающей публике после феноменального успеха массовых переизданий романа «Наследник из Калькутты» во второй половине 1980-х гг. Однако судьба его последнего, самого значимого в литературной биографии писателя, романа «Горсть света» едва не стала трагической. Уже после смерти автора, в относительно благополучные в идеологическом отношении годы перестройки, экземпляры рукописи этого романа были конфискованы КГБ — уцелела лишь одна копия, сохраненная младшим сыном Р. Штильмарка, Дмитрием [Бурыкин 2006].

Роман Р. Штильмарка «Горсть света» столь значителен по объему, что его издание в полном виде до сих пор не осуществлено. Два тома из четырехтомного собрания сочинений Р. Штильмарка, которые должны были включать этот роман, изданы только в 2001 г. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. наследники Р. Штильмарка подготовили и опубликовали сокращенное издание этого произведения, которое увидело свет под заголовком «Падшие ангелы» — таково название одной из частей объемного романа. Роман «Падшие ангелы» был издан 50-тысячным тиражом в 1992 г. в Душанбе — столице тогда уже суверенного государства Таджикистан. В предисловии к указанному, и пока единственному, изданию имеются ссылки на предшествующее ему «огоньковское» издание этого романа [Штильмарк 1992: 6], но нам пока нигде, даже в каталогах крупнейших библиотек, не удалось обнаружить этого издания.

У Р. Штильмарка мы читаем: *«Живущему в стране, имеющему кое-какой опыт, добытый за последние десять-двенадцать лет, было очевидно, что страна вступает в новую полосу террора и массовых гонений.*

Вождь Народов никак не мог простить этому народу свои собственные просчеты и неудачи! По счетам истории народ теперь и должен расплачиваться всем — и шкурой, и кровушкой, и лишениями! И за

неудачное начало войны, и за все материальные потери (потери иные, кроме материальных, Вождя мало тревожили), и за нехватку терпения, хотя в истории человечества не было примеров столь великого долготерпения, какие явил человечеству в этой войне народ великорусский, а с ним и «меньшие братья», белорусы, украинцы, и прочая, и прочая люди наша... Но у Вождя были на сей счет иные понятия, и он это показал!

Чем ближе усматривался конец войны, тем свирепее становился террор — Вождь мстил своим обидчикам! Аресты опять стали явлением повседневным. Косяками шли в новые и старые лагеря эшелоны бывших военнопленных (как смели выжить!). Этап за этапом гнали на Север тех, кто уцелел в оккупации, под немцами, румынами, мадярами, итальянцами.

Грубо, насильственно, поголовно выселяли с Кавказа, из Крыма, Украины и Прибалтики десятка полтора народностей, признанных виновными в пособничестве врагу. В тюрьме говорили о депортации чеченцев, месхов, карачаевцев, ингушей, крымских татар, калмыков, болгар, греков, бывших немецких колонистов с Юга и всех жителей ликвидированной республики немцев Поволжья; тысячами выселяли из Прибалтики латышей, эстонцев, литовцев. Здесь, в Бутырке, оказалось немало свидетелей этих жесточайших расправ над «националами». Называли и фамилии тех партийных и чекистских руководителей, кто отличался особой бесчеловечностью. Прибалты упоминали Сулова¹, кавказцы с ужасом называли генерала Серова². Пере-

¹ Сулов Михаил Андреевич (1902–1982) — в 1937–1939 гг. первый секретарь Ростовского, в 1939–1944 гг. первый секретарь Ставропольского обкома ВКП(б), организатор депортации карачаевцев в Сибирь и Казахстан. В конце 1944 г. был направлен в Литву и возглавил Бюро ЦК ВКП(б), наделенное чрезвычайными полномочиями и ставшее высшей властью в республике, где работал до 1946 г. С 1948 г. организатор и руководитель кампании по борьбе с космополитизмом, позже — инициатор гонений на диссидентов (см. [Медведев, Ермаков 1992]).

² Серов Иван Александрович (1905–1990), с июля 1941 г. по февраль 1947 г. заместитель наркома внутренних дел СССР, член комиссии ГКО по организации обороны Северного Кавказа, один из основных исполнителей решений о депортациях. В 1962 г. лишен ордена Суворова,

давали, как автоматчики окружали ночью обреченное селение, как выгоняли из саклей и хижин сонных жителей, как беспощадно расстреливали тех, кто пытался бежать, в горах Грузии и Дагестана. Их зверски подавляли с воздуха (и с тех пор в долинах устроены небольшие секретные аэропорты со взлетными площадками). Обо всем этом переешепывались в камере... Где ж тут было черпать оптимизм и веру в некую абстрактную справедливость? [Штильмарк 1992: 368–369].

Вообще известно, что рассказы о военных и политических событиях, которые принадлежат людям, находящимся в тюрьмах и лагерях, не отличаются достоверностью или имеют характерную для них мифологию. В приведенном отрывке текста, как кажется, вымысла нет, хотя он явно собран автором из устных рассказов нескольких своих сокамерников, которые были участниками событий, происходивших в разных местах и в разное время. В этом контексте весьма показателен тот локус, в котором выражается сочувствие к незаслуженно репрессированным людям и целым народам, — в середине 1940-х гг. оно могло проявляться в открытую только в одном месте — и таким местом были тюремная камера или лагерный барак. На свободе этого не могло быть. Можно только размышлять над тем, какова цена этой полунравственности, носители которой не пострадали в ходе социальных или этнических репрессий, и какую мрачную роль сыграла эта полунравственность, согласно которой сострадание и сочувствие к людям можно выражать только с разрешения государства, в формировании общественной и политической ментальности у представителей следующих поколений — той ментальности, с ущербностью которой мы сталкиваемся и в наши дни.

Судьба книги всей жизни Р. Штильмарка — романа «Горсть света» — уже в наши дни оказалась поразительно сходной с другой книгой об этнических репрессиях — романом московской писательницы Ирины Велембовской (1922–1990) «Немцы», посвященным судьбе жителей Германии, вывезенных в трудовые лагеря в СССР. Этот роман не увидел света ни во время перестройки, ни в 1990-е гг., и был издан только в 2002 г. [Велембовская 2002] — тогда же, когда была опубликована в полном виде «Горсть света» Р. Штильмарка.

Факты, связанные с историей этих романов — наверное, их перечисление может быть продолжено, — побуждают обратиться к наблюдениям над тем, какова была вообще судьба произведений с упоминаниями о репрессированных народах. Здесь выявляется много любопытных и знаковых пересечений. Один из однокашников и друзей академика А. Д. Сахарова, М. Л. Левин вспоминал: «Андрей, пожалев, что слишком долго жил с моделью “царь-батюшка добрый, а министры — злые”, спросил, когда у меня появился надлом в отношении к Сталину: — «В 44-м на Лубянке или в 48-м, когда арестовали твою маму?» — «В 37-м». — «Неужели ты тогда был умнее Эренбурга и Симонова*? Или из-за расстрелянных полководцев гражданской?»».

Примечание под звездочкой при фамилии К. Симонова таково: «*При первой нашей встрече в 56-м году Андрей спросил, заметил ли я симоновский фортель на 150-летнем юбилее Пушкина. Чтобы не прогневить Сталина, Симонов, декламируя «Памятник», опустил “...друг степей калмык”» [Сахаров 1996, т. 2: 731].

Аналогичные наблюдения встречаются и в текстах других авторов. Так, А. М. Мелихов в своем романе, основанном на воспоминаниях, писал: «Национальности — все они были кличками, но все-таки они были еще и национальностями: клички не попадали в книги. «Фрицы» не попадали, а немцы попадали, «калбиты» не попадали, а казахи попадали. Чечены тоже: злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал. А вот «ингушами» только пугали детей. И вдруг в «Тихом Доне» (уже понимая, что к чему: выискивая материнские сцены) я наткнулся на «мягко сказал ингуш». Как, как?... Да это же... Я бросился к дружку Сашке Каблукову: «В книжке написано: ингуш!» Он тоже не поверил и тоже правильно прочитал лишь с третьего раза — а то все был игнуш, да игнуш — а ведь и он был отпрыск культурного, престовского семейства» [Мелихов 2004].

Цитируемой фразы нет в романе М. Шолохова «Тихий Дон» — возможно, автора подвела память или имеется в виду более раннее издание романа — фактом остается то, что ингуши упомянуты в «Тихом Доне» шесть раз, и какова была

судьба текста романа в 1940–1950-е гг., пока не ясно.

В теме этнических репрессий исключительно важным является та составляющая, которую мы пытаемся сделать предметом своего внимания, — отражение названных событий в современной этносоциокультурной сфере.

Так, в учебнике «Родная речь» в начале 1960-х гг. печаталось стихотворение М. Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня», в котором, как известно, есть такие строки: «По камням струится Терек, Плещет мутный вал, Злой чечен ползет на берег, Точит свой кинжал». В учебнике эти строки отсутствовали. Автор данной статьи недоумевал: как такое может быть — ведь бабушка, Елизавета Петровна Серебренникова (1897–1980), окончившая в 1915 г. учительскую семинарию в Барнауле, ойротка (алтай-кижи) по своей бабушке, читала это стихотворение вслух без купюр: выйдя на пенсию в 1951 г., она не знала, что программное стихотворение великого поэта в новом учебнике покромсали³. Впрочем, этот пассаж и некоторые поговорки с упоминаниями других представителей народов России и сейчас являются предметом специфических рекомендаций: «Для детей, у которых еще не сформированы базовые представления о жизни, это должно оставаться за рамками учебника» [Ивина 2000].

Не приходится удивляться, что моя бабушка, рассказывая разным знакомым и дальним родственникам о своей жизни в 1941–1944 гг., проведенных в эвакуации в Курганской области, когда она, видимо, оказалась невольным свидетелем страданий ссыльных калмыков в Сибири, всегда переходила на полусеппот — возможно, не знала, что об этом уже можно было говорить, не скрываясь и не таясь.

Другим предметом недоумения автора этих строк, родившегося в Ленинграде, выучившегося читать в 1957 г. и отправившегося в школу в 1962 г., стал вопрос — где вообще находится Калмыкия? В Большой Советской энциклопедии, которая имелась дома, в 19-м томе на с. 445 упомянуто только село Калмыково в Западно-Казахстанской области (том подписан к печати 16

июня 1953 г.). Разумеется, речь идет о 2-м издании данной энциклопедии, другого в обороте не было до 1970 г. Ответа на этот вопрос не давал и «Атлас мира», где в подборках карт разных районов СССР Калмыкии тоже нигде нет, и нет ни одного ориентира, по которому ее можно было бы найти (этот «Атлас мира», принадлежавший отцу автора, Алексею Павловичу Бурыкину, был тоже издан в 1953 г.).

То, что в первом томе «Сравнительной грамматики монгольских языков» Г. Д. Санжеева [Санжеев 1953] калмыцкий язык отсутствует в перечне монгольских языков и вместо него присутствует «ойратский», уже не удивило пишущего эти строки в конце 1970-х гг.: наблюдаемые факты стали повторяться.

Позже, когда автор, считающий себя неплохо знающим историю Второй мировой войны и вкусивший патриотического воспитания на ее героях, посвятил себя гуманитарной науке, ему довелось в одной из книг по истории калмыков прочитать рассказ о Владимире Хомутникове, который в августе 1945 г. погиб, протаранив на подбитом самолете японский корабль [Алексеева 2002; см. также: Хомутников 2013: 50]. Память отзывалась так: ни на одном флоте в годы Великой Отечественной войны ничего подобного не случалось, подвиг остался неизвестным. В книге П. Н. Иванова, рассказывающей о действиях советской морской авиации в годы Второй мировой войны [Иванов 1973], об этом подвиге ничего не говорится.

Из книги Х. П. Хомутникова нам стала известна дата гибели В. В. Хомутникова — 10 августа 1945 г. [Хомутников 2013: 50]. Это дало возможность соотнести данное событие с тем, что нам известно о боевых действиях авиации и флота в этот день августа 1945 года. В справочном издании К. Б. Стрельбицкого, посвященном войне СССР с Японией на море, в числе потерь авиации ВМФ 10 августа 1945 г. значатся 4 самолета ДБ-3ф (из состава 2-й минно-торпедной авиадивизии), сбитых зенитным огнем японских кораблей и судов над Японским морем (из них 2 — эскадренным кораблем № 82) и 2 самолета Ил-2 (из состава 37-го штурмового авиаполка 12-й штурмовой авиадивизии), сбитых огнем японской зенитной артиллерии над Расином [Стрельбицкий 1996: 28]. Становится понятным, что В. В. Хомутников погиб на одном из

³ Отдельная тема — то, что после 1960-х гг. в континууме литературы можно найти более 30 цитат этого стихотворения М. Ю. Лермонтова, в целом характеризующих межэтнические отношения в СССР и России XX века.

дальних бомбардировщиков-торпедоносцев ДБ-3ф. Сами по себе эти данные еще ничего не проясняют. Но в другом разделе книги, посвященном потерям японских ВМС, под 10 августа 1945 г. отмечено: «10 августа. Эскортный корабль № 82 (см.: справку⁴) в 18:10 потоплен тремя самолетами-торпедоносцами ДБ-3ф из состава 3-го минно-торпедного авиаполка 2-й минно-торпедной авиадивизии в Японском море в точке с координатами 41°21' с. ш., 131°12' в. д. (или 130° в. д.). Становится понятным, что один из торпедоносцев, погибших 10 августа 1945 г., протаранил эскортный корабль № 82. В его экипаже и был В. В. Хомутников. Почему об этом подвиге морских летчиков нельзя было рассказывать раньше?

В этой истории остается еще много неясностей, восходящих как к концу 1940-х гг., так и к концу 1980-х гг. Как отметил А. Б. Широкоград в еще недавно секретной «Хронике боевых действий Тихоокеанского флота», вышедшей в 1949 г., в числе потерь японских ВМС указываются два эсминца — но реально это был один корабль № 82, отнесенным к фрегатам

⁴ Справка: «№ 82 — эскортный корабль японского Императорского ВМФ типа Д. Спущен на воду 18.11.44, вступил в строй 03.02.45. Основные тактико-технические характеристики: водоизмещение — 740/940 т, размеры — 69,5 х 8,6 х 3 м, мощность паровой турбины — 2 500 л. с., максимальная скорость — 17,5 узлов, дальность плавания 14-узловым ходом — 4 500 миль, вооружение — два 120-мм и до шестнадцати 25-мм орудий, 1 бомбомет, 120 глубинных бомб, экипаж — 120 человек» [Стрельбицкий 1996: 9].

[Широкоград 2008: 362]. О нем автор данной книги пишет: «Его потопили у мыса Болтина (у берегов Северной Кореи) самолеты Ил-4 [иное обозначение самолетов ДБ-3ф. — А.Б.], которыми командовал майор Попович. За этот бой Попович получил звание Героя Советского Союза» [Широкоград 2008: 362]. В доступных источниках указывается, что майор Г. Д. Попович удостоен звания Героя Советского Союза 15 сентября 1945 г. за уничтожение японского эсминца [Герои Советского Союза, 1987, т. 2: 310]. То, что потопленный корабль относился не к эсминцам, а к кораблям эскорта, и то, что при атаке были потеряны два наших самолета, нигде не указывается.

В наши дни не только открываются архивы и появляются объективные и правдивые книги о репрессиях и депортациях (см., в частности: [Максимов 2004]), но и работы, в которых под теми или иными предлогами ставятся задачи и делаются попытки любыми средствами оправдать существовавший режим (ср.: [Романенко 2011]). Разумеется, в исторической публицистике можно соблюдать принцип *audiat et altera pars* — «да будет выслушана и другая сторона». Однако в беспристрастных исторических исследованиях все же не найдется оправдания как личностным, так и массовым этническим репрессиям и депортациям, и можно только поражаться, какие глубокие социальные, этнические, общекультурные и общегуманитарные последствия имеют эти события, казалось бы, уже так далеко отстоящие во времени.

Литература

- Алексеева П. Э. Богшрахинский аймак и богшрахинцы. Краткие исторические очерки / автор-составитель П. Э. Алексеева. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 255 с.
- Алиева С. У. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1–3 / сост. С. У. Алиева. М.: Инсан, 1993. 448 с.
- Бурыкин А. А. Калмыцкая тема в возвращенной русской литературе: романы В. Гроссмана и Р. Штильмарка // Литература в движении эпох. Межвузовский сборник научных трудов. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2006. С. 105–113. 170 с.
- Бурыкин А. А. Этнос и личность как объект политики в СССР: какова же в реальности была марксистско-ленинская национальная политика? // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е годы XX века. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 23–29.
- Велембовская И. Немцы. Роман. М.: Минувшее, 2002. 280 с.
- Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 2. М., 1988.
- Иванов П. Н. Крылья над морем. М.: Воениздат, 1973. 304 с.
- Ивина Н. Карамзин — фамилия татарская // Известия. 17 мая 2000.

- Максимов К. Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.
- Медведев Р., Ермаков Д. «Серый кардинал». М. А. Суслов: политический портрет. М.: Республика, 1992. 237 с.
- Мелихов А. М. Исповедь еврея. М.: Лимбус Пресс, 2004. 368 с.
- Петров Н. В. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. 416 с.
- Романенко К. К. «Если бы не сталинские репрессии!» Как Вождь спас СССР. М.: Яуза-пресс, 2011. 576 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Том 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 506 с.
- Сахаров А. Д. Воспоминания: в 2 т. / ред.-сост.: Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. М.: Права человека, 1996. 910 с.
- Степанов М. Г. Депортация калмыков и северокавказских народов СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1956 гг.): краткие историографические заметки // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37. С. 166–170.
- Стрельбицкий К. Б. Август 1945. Советско-японская война на море. Цена Победы. Львов: «Львов», 1996. 121 с.
- Хомутников Х. П. Жизнь и судьбы в годы репрессий. Элиста: АПП «Джангар», 2013.
- Широкорад А. Б. Япония. Незавершенное соперничество. М.: Вече, 2008. 464 с.
- Штильмарк Р. Падшие ангелы. Душанбе: ЧП «Душанбе», 1992. 576 с.

References

- Alekseeva P. E. [Bogshrahinsky aimak and Bogshrahins. Brief Historical Essays]. Elista: Dzhangar, 2002. 255 p. (In Russ.)
- Alieva S. U. [National Repressions in the USSR. 1919–1952 years]. Vol. 1–3. Moscow: Insan, 1993. 448 p. (In Russ.)
- Burykin A. A. [Ethnicity and Personality as an Object of Politics in the USSR: what was Marxist-Leninist National Politics in Real Life?]. In: [Political Repressions in Kalmykia in the 20–40s of the XX Century]. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2003. Pp. 23–29. (In Russ.)
- Burykin A. A. [Kalmyk Theme in the Regained Russian Literature: Novels by V. Grossman and R. Stilmark]. In: [Literature in the Movement of Epochs]. Elista: Kalmyk State University, 2006. Pp. 105–113. 170 p. (In Russ.)
- [Heroes of the Soviet Union. Brief Biographical Dictionary]. Vol. 2. Moscow, 1988. (In Russ.)
- Ivanov N. [Karamzin, a Tatar surname]. *Izvestia*. 2000. May 17. (In Russ.)
- Ivanov P. N. [Wings over the Sea]. Moscow: Voenizdat, 1973. 304 p. (In Russ.)
- Khomutnikov Kh. P. [Life and Fate in the Years of Repression]. Elista: Dzhangar, 2013. (In Russ.)
- Maksimov K. N. [Tragedy of the People. Repressions in Kalmykia. 1918–1940s]. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Medvedev R., Ermakov D. [“Grey Cardinal”. M. A. Suslov: a Political Portrait]. Moscow: Respublika, 1992. 237 p. (In Russ.)
- Melikhov A. M. [The Confession of the Jew]. Moscow: Limbus Press, 2004. 368 p. (In Russ.)
- Petrov N. V. [First Chairman of the KGB Ivan Serov]. Moscow: Materik, 2005. 416 p. (In Russ.)
- Romanenko K. K. [“If not for Stalinist Repressions!” How the Leader Saved the USSR]. Moscow: Yauza-press, 2011. 576 p. (In Russ.)
- Sakharov A. D. [Memoirs]. In 2 vol. E. Kholmogorova, Yu. Shikhanovich (ed., compl.). Moscow: Human Rights, 1996. 910 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. [Comparative Grammar of Mongolian Languages]. Vol. 1. Moscow: USSR Acad. Of Sciences Publ., 1953. 506 p. (In Russ.)
- Shirokorad A. B. Japan. [Unfinished Rivalry]. Moscow: Veche, 2008. 464 p. (In Russ.)
- Stepanov M. G. [Deportation of Kalmyks and North Caucasian peoples of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1956): Short Historiographical Notes]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009. No. 38 (176). History. Iss. 37. Pp. 166–170. (In Russ.)
- Stilmark R. [Fallen Angels]. Dushanbe: Dushanbe Publ., 1992. 576 p. (In Russ.)
- Strelbytsky K. B. [August 1945. The Soviet-Japanese War at Sea. The price of the Victory]. L’vov: Lvov Publ., 1996. 121 p. (In Russ.)
- Velembovskaya I. [Germans]. A Novel. Moscow: Minuvshee, 2002. 280 p. (In Russ.)

УДК 93
ББК 63.5(2Рос=Калм)

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
(на примере Калмыцкой АССР)**

Е. Н. Бадмаева

В истории нашей страны одним из самых трагических событий является Великая Отечественная война, ставшая тяжелейшим испытанием для всего советского народа. Суровые годы военного лихолетья явились проверкой прочности экономических основ и обороноспособности советского государства, силы патриотического духа его граждан. Жесточайшая битва советского государства против немецко-фашистских захватчиков продемонстрировала несокрушимое единство армии и народа, фронта и тыла, самых различных слоев общества. Советское крестьянство ценой невероятных моральных и физических усилий, напряженного героического труда, собственного жесткого самоограничения в питании выполнило во время войны свою главную задачу по обеспечению, в первую очередь продовольствием, действующую армию, городское население.

Реализация продовольственной политики советского государства в условиях военного времени в отечественной историографии является одной из малоизученных проблем. Острота и сложность решения проблемы в период военных действий определяют ее особую актуальность. По нашему мнению, исследование вышеназванной проблемы — один из немаловажных аспектов в изучении российской истории. На сегодняшний день специальных научных работ, посвященных исследованию данного вопроса на примере Калмыкии, не имеется. Следует только отметить обобщающие научные труды проф. К. Н. Максимова [Максимов 2004, 2010] и коллективный фундаментальный труд «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [История Калмыкии ... 2009], где авторы вскользь касаются данной проблемы. В данной статье автором предпринимается попытка осмысления продовольственной политики советского государства во время Великой Отечественной войны в Кал-

мыкии, в частности, рассмотреть, как осуществлялось нормированное продовольственное снабжение населения региона в 1941–1943 гг.

Как известно, в условиях войны в СССР сложилась жесткая продовольственная обстановка. Это было обусловлено тем, что государство, в связи с вынужденным отступлением советских войск, лишилось крупных запасов продовольствия на складах, находившихся на оккупированных территориях. Если бы оно было сохранено, то, естественно, в меньшей мере и не в срочном порядке потребовались бы продовольственные поставки для Красной Армии из сельскохозяйственных районов страны, вызвавшие и без того сложную обстановку с продуктами питания в аграрных регионах и городах. Фашистские войска заняли территорию, где до войны проживало 40 % населения страны, производилось 84 % сахара, 38 % зерна [Вознесенский 1948: 42]. Потеря огромной территории лучших плодородных земель также предопределила нехватку продовольствия в первые годы войны. Продовольственная проблема обострилась и в связи с мобилизацией из сельского хозяйства большей части работоспособного мужского населения и техники. Это привело к значительному уменьшению в стране валового сбора сельскохозяйственных культур, поголовья скота. Так, в 1942 г. валовый сбор зерна сократился по сравнению с 1940 г. с 95,6 млн. до 29,6 млн. т, сахарной свеклы — с 18 млн. до 2,2 млн. т, картофеля — с 76,1 млн. до 23,6 млн. т. Поголовье скота в 1942 и 1943 гг. по СССР в целом, вследствие временной оккупации ряда сельскохозяйственных районов и мобилизации многих работников животноводства на фронт, также значительно уменьшилось по сравнению с 1941 г. [Великая Победа советского народа 1976: 139].

Калмыцкая АССР перед началом войны регулярно и в пределах плановых объемов

поставляла произведенную ею сельхозпродукцию в союзный фонд продовольствия. В 1940 г. республика произвела 23,7 тыс. т мяса, из них государству было сдано 8,4 тыс. т. В указанном году валовый сбор зерна составил 144,6 тыс. т, из них 37 тыс. т поступили в закрома государства [История Калмыкии... 2009: 417].

В первые военные годы республика, как и многие регионы страны, испытывала острую нехватку трудовых и материальных ресурсов, продовольствия. Начавшаяся война принесла большие трудности сельскому хозяйству Калмыкии. Многие трудоспособные мужчины ушли на фронт, часть колхозников была направлена на мобилизационные работы. Эти факторы и ряд других до крайности осложнили решение продовольственной и сырьевой проблемы. Перед руководством Калмыкии встали трудные социальные задачи, важнейшей из которых было обеспечение населения продуктами питания, в частности, за счет увеличения производимой в регионе животноводческой продукции. Однако предполагаемого роста в этой отрасли сельского хозяйства не произошло, наоборот, к концу года в республике сократилась численность поголовья скота из-за недостатка теплых помещений, отсутствия ветпрепаратов, что затрудняло борьбу с эпизоотиями, и других объективных причин. Ситуация усугублялась и тем, что из-за экстренного приема эвакуированного скота из ближайших регионов страны произошло уменьшение имевшихся запасов кормов. Весь эвакуированный скот практически был сконцентрирован в районе переправ через Волгу на территории Юстинского и Приволжского улусов, в которых корма были израсходованы уже в первой половине зимы. В результате этого только в Юстинском улусе пало 33 483 гол., или 30 % собственного поголовья скота, и 16 128 гол. эвакуированного, или 54 %. [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 678. Л. 2]. В целом в колхозах республики зимой 1941 года пало 125,8 тыс. гол., или 10,8 % скота, в том числе 91,1 тыс. голов молодняка [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1070. Л. 80]. И все же, несмотря на резкое сокращение скота, крестьянские хозяйства имели в индивидуальном пользовании 210 500 гол. скота, дававших населению возможность выживать в голодные военные годы.

Калмыцкий областной комитет ВКП (б) в самом начале Великой Отечественной войны предусмотрел расширение посевных площадей колхозов, совхозов и подсобных хозяйств республики для оказания помощи фронту и обеспечения необходимым продовольствием населения. В 1941 г. республика имела 268 тыс. га посевных площадей зерновых и технических культур, в том числе под зерновыми — 237,5 тыс. га, т.е. на 24,6 тыс. га больше, чем в предыдущем году. В постановлениях «О мероприятиях по уборке урожая в связи с военным положением в стране» от 23 июня 1941 г., «О ходе строительства и ремонта дорог по республике и подготовке их к хлебоуборке», «О ходе сеноуборки на Черных землях» от 25 июня 1941 г. правительство Калмыкии наметило ряд организационно-практических мер по выполнению плана заготовки кормов, улучшению организации труда, обеспечению колхозов, совхозов, МТС рабочей силой и техникой по своевременному проведению сельскохозяйственных кампаний, ремонта дорог и т. д. [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 942. Л. 1-6]. Однако увеличение посевных площадей колхозов и совхозов дало незначительный результат. К концу 1941 года крестьяне сдали государству 46 483 т. хлеба, или 89,7 % годового плана [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1017. Л. 47; Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 81. Л. 25]. Невыполнение государственного задания коллективными хозяйствами, совхозами объясняется многими причинами, в том числе природно-климатическими (отсутствием осадков в весенне-летний период, частыми суховеями, засухой, бесснежной зимой и сильными морозами), нехваткой квалифицированных специалистов, опытных рабочих рук, неисправной техникой и отсутствием удобрений. Несмотря на сложившиеся трудности в производстве зерна и с целью продовольственного обеспечения населения 10 ноября 1941 г. Калмыцкий обком ВКП(б) и СНК Калмыцкой АССР приняли постановление «О создании хлебных фондов обороны в колхозах республики», в котором колхозам республики разрешалось создать в каждом колхозе хлебные фонды обороны в размере 5–10 % от валового сбора урожая 1941 года [Калмыкия в Великой Отечественной войне 1966: 64].

Для улучшения продовольственной базы в КАССР самоотверженно трудились работники рыбной промышленности ре-

спублики. Калмгосрыбтрест с большим напряжением, в трудных условиях выполнил свой государственный долг и обеспечил план 1941 года на 107,5 %, или 333 500 ц [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1114. Л. 72]. Вся добытая рыба и рыбные продукты уходили в государственные фонды, а оттуда — на питание Красной Армии. Поэтому для пропитания своей семьи и окружающего населения калмыцкие рыбаки занимались рыболовством в свободное от работы время.

В Калмыкии, как и на других территориях страны, население создавало, если так можно выразиться, «собственную продовольственную базу», источниками пополнения которой были подсобные хозяйства, коллективные и индивидуальные огороды, охота, сбор грибов и ягод. Практически повсеместно, по воспоминаниям ветеранов, было развит такой необычный промысел, как ловля сусликов, мясо которых стало важным элементом питания в рационе степняков. Эти источники продовольствия продолжали играть большую роль в питании населения Калмыкии до депортации в конце 1943 г.

Однако в целом по стране продовольственные ресурсы были ограниченными. В августе 1941 года хроническая нехватка хлеба и других продуктов стала ощущаться во всех городах. В условиях военного времени государством уделялось большое внимание экономному расходованию имеющегося в наличии продовольствия. В этом отношении особое значение имела государственная система распределения нормированных продуктов питания. Основа ее была заложена постановлением СНК СССР «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей» от 18 июня 1941 года [Директивы КПСС 1957: 705]. Последующее постановление СНК СССР от 20 августа 1941 года послужило дальнейшим толчком для введения карточной системы нормированного распределения продуктов в 197 городах страны, разделявшей население на 4 группы, и нормы снабжения дифференцировались по социально-производственному принципу [Орлов 2010: 338].

На основании распоряжения СНК СССР от 26 июня 1942 года по всей стране начали создаваться контрольно-учетные

бюро продовольственных и промтоварных карточек. В их задачи входила проверка правильности выдачи карточек населению и контроль над расходованием нормированных продуктов общественного питания. Работники регулярно уточняли списки населения, штатную численность и списочный состав рабочих и служащих предприятий и учреждений, проверяли обоснованность распределения их по группам снабжения. К сожалению, в этих учреждениях наблюдалась большая текучесть кадров, поскольку, к примеру, штатный состав республиканского (Калмыцкой АССР) карточного бюро в основном составлял малограмотный и необученный коллектив. Отсутствие необходимого образования, достаточных профессиональных навыков, а также, говоря современным языком, корыстные случаи превышения должностных полномочий являлись главной причиной увольнения работников и ухода их с работы. Стоит сказать, что нормированная система распределения продовольствия способствовала хищению продовольственных карточек и самих продуктов питания. Карточки и талоны сами по себе создавали широкое поле для мошенничества и спекуляции. В первые месяцы войны не было установлено должного контроля за работой учреждений по выдаче карточек, отмечались различного рода злоупотребления. Как свидетельствуют архивные материалы, Элистинское карточное бюро нередко грубо нарушало установленный Наркомторгом СССР порядок выдачи хлебных карточек. Установлено, что рабочие карточки нередко получали сторожа, завхозы, даже заведующие столовыми, которые явно не были приравнены к списочному составу рабочих [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 843. Л. 26].

Следует отметить, что нормы хлеба и других жизненно необходимых продуктов, установленные по карточкам, удовлетворяли лишь минимум потребностей людей. Например, в Элисте с введением карточной системы почти в два раза уменьшилась среднедневная продажа хлеба. Многие магазины не обеспечивали бесперебойное снабжение хлебом. Зачастую вместо положенного количества хлеба поступало вдвое меньше, и в этом случае торговые заведения выдавали его только рабочим, исключив детей и иждивенцев. Иногда вместо хлеба населению выдавали тесто. Так,

магазин № 2 г. Элисты из 74 143 кг, полагающихся по нормативам продажи хлеба, 26 дней реализовывал вместо хлеба тесто в количестве 14 505 кг. В начале января 1943 г. Совнарком КАССР издал специальное постановление по организации снабжения частей Красной Армии и населения республики продовольствием, продуктами питания и фуражом, регулирующее также ежедневную выпечку хлеба в количестве 2 т для населения г. Элисты и пригородных сел: Троицкое, Вознесенка, Приютное и Ульдючины [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 843. Л. 23; Ф. Р-131. Оп. 3 Д. 111. Л. 2]. Процесс оформления продуктовых карточек и снабжения продуктами питания населения был организован из рук вон плохо, зачастую допускались множественные нарушения. Люди затрачивали все свободное время на простаивание в очередях на получение карточек и последующее их отоваривание в магазинах, вызывавшее их недовольство. К тому же нормы отпуска хлеба и всех продуктов питания во время войны в республике менялись в сторону уменьшения. Впрочем, такая картина наблюдалась во многих регионах страны.

В продовольственной политике советского государства в условиях военного времени большое внимание уделялось продуктовому снабжению социально незащищенных слоев населения. Руководство республики проявляло заботу о льготном контингенте населения: инвалидах Отечественной войны и их семьях, детских домах, детских садах, больницах, учителях и врачах. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» советские, партийные, профсоюзные органы республики постоянно занимались вопросами организации своевременного назначения, выплаты пособий, трудоустройства, обеспечения жильем, продуктами питания, одеждой и др. Только в течение первого месяца войны были назначены пособия 1 781 семье военнослужащих первого призыва, к концу 1941 года пособия получали уже 4 397

семей, и выплаченная им сумма составила 236 800 руб. [Максимов 2010: 81]. Весной 1943 г. по инициативе Калмыцкого обкома ВКП(б) во всех улусах прошли декады в помощь семьям фронтовиков и партизан. В одном только Лаганском улусе в ходе этой акции, по неполным данным, было собрано семьям военнослужащих: 84 тыс. руб., 993 кг муки, 30 т рыбы, 110 кг крупы, 31 кг масла, 15 кг мыла, 512 предметов одежды, 65 пар обуви [Калмыкия в Великой Отечественной войне 1966: 353]. Оценивая мероприятия, проводимые государством в этом направлении, заметим, что при существующих недостатках в организации и объективных трудностях обеспечение продовольственного снабжения социально незащищенных слоев населения решалось не в полной мере. По существу, это объясняется тем, что в военные годы для государства основополагающей составляющей являлась военно-оборонная деятельность, и все средства использовались на военные расходы.

Следует отметить, что в продовольственной политике советского государства применялся дифференцированный принцип распределения продуктов питания. В то время существовала особая категория, которую составляли руководящие работники исполкомов, партийных органов, городских управлений, руководители предприятий, привилегированно снабжавшиеся продуктами и промышленными товарами. Это регламентировалось союзными и региональными постановлениями органов власти. Для них были введены специальные литерные продовольственные карточки. В Приложении к приказу Наркомторга СССР от 17 июля 1943 г. за № 3205/2364 под грифом «Секретно» указывались нормы снабжения руководящих работников. Работники, отнесенные к 1 группе, получали трехразовое питание с литерой «Б» и имели право на дополнительное снабжение и лимиты второго горячего питания для работающих в вечернее время через специальные столовые и буфеты. Им даже по желанию отпускалось до 3-х бутылок водки или вина в месяц.

Таблица № 1.

**Норма снабжения для работников, отнесенных к 1-й группе
[НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 112. Л. 93]**

Наименование товаров	Нормы особого отпуска по карточке	Норма обеда литера «Б»	Сухой паек	Примечание
Мясо-рыба	2 200	5 000	2 200	
Жиры	600	800	1 000	
Крупа -макаронны	1500	1 500	2 000	
Сахар-конд. изделия	500	600	2 000	в т. ч. 1 кг печенья
Яйца		10 шт.		
Сухофрукты		500		
Молоко		1 л		
Хлеб	800	200		
Табак				300 гр. или 500 шт. папирос
Мыло хозяйственное				1 кусок
Мыло туалетное				1 кусок
Чай				50 г
Картофель		10 000	10 000	сезонная
Овощи		5 000	5 000	норма
По желанию отпускается до 3-х бутылок водки или вина в месяц				

В Калмыкии к первой категории по г. Элисте было отнесено 139 чел., ко второй 174 чел., к третьей — 350 чел., всего по г. Элисте по 3 группам данный контингент составлял 663 чел. В улусах к первой группе было отнесено 26 чел., ко второй группе — 26 чел., к третьей группе не был отнесен ни один номенклатурный работник [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 112. Л. 80]. 25 сентября 1943 г. вышло Постановление СНК Калмыцкой АССР «О частичном изменении постановления Совнаркома республики и бюро обкома ВКП(б) «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций», которым был утвержден для улусов контингент второй группы в количестве 52 чел., за счет уменьшения для города Элисты второй группы до 148 чел. Руководящие работники, отнесенные к первой группе снабжения, получали, в сравнении с третьей группой, куда были отнесены руководящие работники низшего звена, значительно больше мясных и рыбных

продуктов, круп и макарон, сахара и кондитерских изделий. Для руководящих работников было введено также и особое снабжение промышленными товарами [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 112. Л. 73].

Прифронтовое, а затем и фронтовое положение региона в августе 1942 – начале 1943 гг. усилило трудности производства продовольствия, связанные с войной. Одновременно с обеспечением процесса сельскохозяйственного производства пришлось решать задачи эвакуации значительной части населения, скота, техники и оборудования. Это, естественно, отвлекало от производства силы и средства. Территория временной оккупации г. Элисты с тремя пригородными колхозами, 8 улусов (районов) из 13 составила почти 43 тыс. кв. км (54 %), где осталось 1 237 277 голов скота, или 72,8 % от общего поголовья скота республики. Были захвачены все зерновые районы, которые занимали 92 % всех посевных площадей региона [Максимов 2010: 130–131]. Таким образом, окку-

пация разрушила сложившуюся до войны инфраструктуру аграрного комплекса республики, и временно оккупированные районы выпали из сельскохозяйственного оборота, сократив объем и потенциал сельскохозяйственного производства.

Осенью 1943 года снабжение гражданского населения продовольствием в целом по стране вновь несколько ухудшилось. Это было связано с засухой в Поволжье и сокращением хлебозаготовок, а также с тем, что пришлось выделять продовольственные ресурсы для населения освобожденных от немецко-фашистских захватчиков регионов страны. Поэтому 15 ноября 1943 года СНК СССР издал постановление «Об экономии хлеба», в котором разрешалось при изготовлении муки для хлебопечения использовать до 25–30 % ячменя, овса и проса. Были сокращены нормы отпуска хлеба. Согласно постановлению СНК КАССР за № 627 от 19 ноября 1943 г., повсеместно устанавливались новые формы снабжения хлебом. В сельских местностях были определены следующие хлебные нормы: рабочим предприятий — 500 гр., служащим — 300 гр. иждивенцам и детям — 200 гр., при этом общий расход муки не должен был превышать установленного фонда расхода в месяц [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 114. Л. 175].

Улусным исполкомам совместно с торговым отделом предоставлялось право в сельских местностях уменьшать норму хлеба рабочим и служащим, снижать снабжение хлебом членов их семей в зависимости от их обеспеченности продовольственными ресурсами собственных хозяйств. При этом дополнительная обеденная норма хлеба

(200 гр.) районному руководству сохранялась [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 113. Л. 56].

В результате огромных усилий руководства Калмыкии и самоотверженного труда крестьян в годы войны удалось в минимальном размере обеспечить продовольствием население республики, чему в значительной степени способствовало введение системы нормированного распределения ограниченных продовольственных ресурсов. Она была дифференцированной, не всегда соответствовала установленным по стране нормам, однако позволяла получать необходимый минимум основных продуктов, а также стимулировать увеличение производительности труда. Вне сомнения, нормированное снабжение позволило гражданскому населению Калмыкии выжить в нелегких условиях военного времени.

КАССР, как исторически сложившийся район интенсивного животноводства, стала в первые два с половиной года войны стабильной базой для производства продовольствия. В эти годы республика внесла посильный вклад в снабжение продуктами питания армии и населения, а также в создание устойчивых резервов мясных продуктов Советского Союза, вплоть до 28 декабря 1943 года — роковой черты в истории калмыцкого народа.

Таким образом, продовольственная политика советского государства в Великую Отечественную войну сыграла решающую роль в обеспечении армии и тыла максимально возможным для того времени количеством произведенной сельхозпродукции, что способствовало приближению Великой Победы.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Великая Победа советского народа. 1941–1945. М.: Наука, 1976. 398 с.

Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.

Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. Сб. док. В 4 т. Т. 2. 1929–1945 гг. М.: Госполитиздат, 1957. 846 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: ГУ «Издат. дом «Герел», 2009. Т.2. 840 с.

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Док. и мат-лы. / сост. М. Л. Ки-

чиков, Б. С. Санджиев, Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 551 с.

Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки 2-е изд., доп. / К. Н. Максимов; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. 406 с.

Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы / К. Н. Максимов. М.: Наука, 2004. 311 с. и др.

Орлов И. Б. Становление системы государственного централизованного нормированного распределения в СССР (1941–1943 гг.) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Мат-лы Междунар. научн. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону–Таганрог) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 337–343.

Sources

[The National Archive of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

References

[Directives of the CPSU and Soviet Government on Economic Issues. 1917–1957]. In 4 vol. Vol. 2. 1929–1945. Moscow: Gosolitizdat, 1957. 846 p. (In Russ.)

[Great Victory of the Soviet People. 1941–1945]. Moscow: Nauka, 1976. 398 p. (In Russ.)

[History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]. In 3 vol. Elista: Gerel, 2009. Vol. 2. 840 p. (In Russ.)

[Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945. Documents and Materials]. M. L. Kichikov, B. S. Sandzhiev, Yu. O. Oglaev (compl.). Elista: Kalm. Book Publ., 1966. 551 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Tragedy of the People: Repressions in Kalmykia. 1918–1940s]. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)

Orlov I. B. [Establishment of the system of state centralized normalized distribution in the USSR (1941–1943)]. In: [The Great Patriotic War in the space of historical memory of Russian society]. Conf. proc. (Rostov-on-Don; April 28–29, 2010). Acad. G. G. Matishov (ed.). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS, 2010. Pp. 337–343. (In Russ.)

Voznesensky N. A. [Military Economy of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow: Gosolitizdat, 1948. 192 p. (In Russ.)

УДК 294.3
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАЛМЫКИИ НАКАНУНЕ ДЕПОРТАЦИИ

Е. В. Сартикова

Довоенный период для калмыцкого народа был отмечен существенными достижениями в развитии системы образования: расширилась школьная сеть, возросла численность учащихся, улучшилось качество работы школ. На первом этапе развития советской школы решались задачи ликвидации неграмотности взрослого населения, осуществления обязательного начального образования детей, вырабатывалась концепция национальной школы с учётом специфики коренного населения, издавались учебники, разворачивалась система подготовки педагогических кадров. Итоги этой работы зафиксировала Всесоюзная перепись населения 1939 г.: грамотных среди населения Калмыцкой АССР в возрасте от 9 лет и старше было 70,8 % [Всесоюзная перепись населения 1939 г. 1992: 40–41]. В сравнении с 1926 г. (26,3 %) это принципиально новый уровень. Однако впереди было ещё много работы: около 30 % всех калмыков трудоспособного возраста (в том числе около 36 % женщин) по-прежнему оставались неграмотными. Несомненно, что набираемые в республике темпы культурного строительства позволили бы преодолеть остатки этой неграмотности, но в ближайшей реальной перспективе оказались война и депортация калмыцкого народа.

Война и депортация губительно сказались на развитии народного образования Калмыкии, сведя почти на нет все достижения предшествующих лет. До временной оккупации части ее территории в Калмыцкой АССР насчитывалось 225 начальных, 44 неполных средних и 27 средних школ, в которых обучалось 39 784 детей, работали 920 учителей и 560 преподавателей-предметников [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 85].

В оккупированных городе Элисте и 8 улусах были разрушены и закрыты: 118 начальных школ на 14 560 учащихся 1–4 классов; 32 неполных средних школы на 5 803 учащихся 5–7 классов; 17 средних школ на 1046 учащихся 8–10 классов, 3 детдома на 280 воспитанников, 13 детсадов на 325

детей, 21 библиотека, 8 Домов культуры, 72 избы-читальни, музей, республиканская библиотека [Сартикова 2008: 170]. Немцами были сожжены и уничтожены все здания средних школ в г. Элисте и десятки зданий начальных и средних школ в сельских местностях. В результате боевых действий в населенных пунктах сократилось количество школ, многие дети, прервав учебу, вынуждены были работать. Так, например, до немецкой оккупации в Элисте обучались 3 200 детей, а в 1943 г. — лишь 800. В Троицком улусе обучались более 2 000 учащихся, в 1943 г. — около 700. Такое же положение сложилось с наполняемостью школ в Черноземельском и других улусах [Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы 2005: 382]. Материальный ущерб, причинённый фашистами только учреждениям народного образования республики, составил 38 млн. рублей [НА РК. Ф. Р-25. Оп. 4. Д. 554. Л. 16].

В самом начале января 1943 г. территория Калмыкии была освобождена от фашистских оккупантов. Несмотря на трудности военного времени, огромный объем восстановительных работ во всех отраслях народного хозяйства, большое внимание было уделено созданию необходимых условий для возобновления в 1943 г. учебного процесса в школах республики. В селах, где были сохранены школьные здания либо имелись подходящие помещения, сразу же после изгнания немцев в 95 (44,6 %) начальных школах сели за парты 8 125 детей (35,8 %), 3 143 учащихся 5–8 классов (31,4 %) в 30 школах (38 %). В Элисте занятия начались только в одной школе из 6 (пять школьных зданий на 2 240 мест находились еще в разрушенном состоянии) [Максимов 2007: 287].

В 1943 г., в самый разгар войны, на развитие просвещения республике было выделено 12 072 тыс. рублей, из которых на осуществление всеобщего обязательного обучения детей школьного возраста приходи-

лось 7 010 тыс. рублей. На восстановление школьных зданий в г. Элисте, в селах Садовое, Яшалта и других Совнаркомом РСФСР в том же 1943 году было отпущено 3,5 млн. рублей и 2 тыс. кубометров лесоматериала. Наркомпрос РСФСР выделил школам Калмыкии 62 тыс. экземпляров учебников и учебных пособий, 75 тыс. тетрадей [НА РК. Ф. Р-25. Оп. 4. Д. 554. Л. 16].

В 1943 г. во всех улусах были открыты и работали школы: так, в Кетченеровском — 13 начальных и 2 неполные средние школы, учебным процессом было охвачено 1 658 детей; в Малодербетовском — 10 начальных и средних школ с охватом 713 человек, в Троицком функционировали 12 из 13 школ, работавших до оккупации, охвачено обучением 556 детей [Калмыкия в Великой Отечественной войне 2005: 403]. В 1943/44 учебном году приступили к занятиям 19 600 школьников. Столь значительное сокращение контингента учащихся объяснялось, во-первых, тем, что большинство учеников 9–10 классов были призваны в ряды РККА. Во-вторых, значительное число учащихся среднего возраста (6–9 кл.) было занято производственной деятельностью в колхозах, совхозах и на предприятиях, заменив ушедших на фронт отцов и старших братьев.

В освобождённых улусах и г. Элисте перед органами народного образования во всей остроте стояла сложная задача по выполнению закона о всеобщем обучении детей школьного возраста. Эту работу необходимо было начинать со сбора учащихся, подбора помещений для школ, организации снабжения их учебным оборудованием и учебными пособиями. На решение этих задач были мобилизованы работники школ и органов народного образования Калмыкии. В период с 1 января по 1 марта 1943 г. в освобождённых улусах были открыты «109 начальных школ на 6 501 учащихся 1–4 классов; 25 неполных средних школ на 2 079 учащихся 5–7 классов; 7 средних школ на 285 учащихся 8–10 классов». Таким образом, занятия начались в 141 школе с охватом 8 865 учащихся [НА РК. Ф. Р-25. Оп. 3. Д. 7. Л. 10].

Основные трудности в работе школ в 1943/44 учебном году состояли в том, что учебный процесс проходил в полуразрушенных классных помещениях без соответствующего оборудования, учебно-наглядных пособий, учебников. Из 105 тыс. учебников для 1–4 классов на калмыцком

языке завезено было 22 тыс. экземпляров. Остальные еще не были отпечатаны. Строительство школьных зданий, утвержденное Совнаркомом СССР на 3,5 млн руб., в силу ряда причин не было выполнено: отсутствовали лесоматериал и транспорт. Интернаты при школах республики не были обеспечены предметами одежды, постельными принадлежностями, кухонно-столовой посудой и продуктами питания. Выполнение плана всеобщего на 1 сентября 1943 г. составляло 96 %. Из учтенных 24 215 детей обучались 23 383 учащихся и еще 1 032 ребенка школьного возраста, что составляло 4 % к числу учтенных детей, еще не были охвачены обучением [НА РК. Ф. Р-25. Оп. 3. Д. 7. Л. 13]. Остро ощущалась нехватка учителей. В связи с призывом в армию военнообязанных учителей-мужчин вся тяжесть учебно-воспитательного процесса в школах легла на плечи женщин-учителей, проявивших в этот труднейший период высокий патриотизм и энтузиазм, выдержку и силу духа.

В 1943/44 учебном году занятия в школах начали 975 учителей, в том числе 317 калмыков (32,5 %), а общая потребность в учительских кадрах составляла 1 143 человека, т. е. требовалось еще 168 учителей, в основном предметников для старших классов. В 1943 г. Наркомат просвещения республики организовал 4-месячные курсы по подготовке учителей начальных и неполных средних школ, на которых обучались 147 человек, из них 62 калмыка (42,1 %) [Максимов 2007: 288].

За период временной оккупации части республики фашистскими захватчиками было разрушено полностью 60 и частично — 109 школьных зданий. В первом полугодии 1942/43 учебного года работало только 112 школ в улусах, не подвергавшихся оккупации. После освобождения республики с февраля 1943 г. была открыта еще 141 школа. Всего во втором полугодии 1942/43 учебного года работали 253 школы, из них: начальных — 197, неполных средних — 42 и средних — 14 школ, с общим охватом учащихся 16 800 человек, или 54,2 % к числу учащихся 1941/42 учебного года [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 843. Л. 40].

15 мая 1943 года Совнарком Калмыцкой АССР, обсудив вопрос «О подготовке школ к новому 1943/44 учебному году», обязал Наркомпрос, председателей улусных и сельских Советов отремонтировать школы к 15 августа, обеспечить заготовку и подвозку

топлива к ним в размере полной потребности на весь отопительный сезон, подготовить школьные интернаты, провести точный учет детей школьного возраста и создать необходимые материально-бытовые условия для учителей. Наркомпросу было предложено укомплектовать школы учительскими кадрами и организовать подготовку учебников для калмыцких начальных школ, чтобы обеспечить их издание к началу учебного года. Однако проверкой было установлено, что указанное постановление Совнаркома не выполнено, школы к новому учебному году не были подготовлены.

В 1943/44 учебном году в Калмыкии в 253 школах, по плану Наркомпроса РСФСР, должны были обучаться 27 400 учащихся, из них: в начальных классах — 19 600, неполных средних — 7 000 и средних — 800 учащихся. Проведенным в июне 1943 г. учетом было выявлено 22 300 детей, но эти данные оказались не точны. Например, по г. Элисте в июне было учтено 1 160 учащихся, при повторном же учете в августе оказалось 1 270 человек. Первые дни занятий в начальных школах показали, что в республике не все дети школьного возраста были охвачены школой. Например, в начальных школах г. Элисты из 930 учтенных учащихся посещали школу 870 человек. В Троицком улусе в 11 школах из 846 учтенных посещали уроки только 661. В Троицкой средней школе в 1–4 классах из 182 человек посещали занятия только 116. В Наинтанкиновской неполной средней школе Троицкого улуса с 1 по 5 сентября посещали занятия в первом классе 3 человека из 17 учтенных, во втором — 4 из 15, в третьем 3 из 12 и в четвертом классе 6 из 11 [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 843. Л. 42]. В Сарпинском улусе из 1 395 человек по учету посещали школу 1266 учащихся. В Садовской средней школе в 1–4 классах из 339 человек по учету посещали школу только 243 ученика.

Наркомпрос Калмыцкой АССР, городской и улусные Советы не сумели обеспечить подготовку школьных зданий к учебному году, т. к. восстановление разрушенных школ было сорвано. Так, из 15 миллионов рублей, отпущенных правительством на восстановление народного хозяйства республики, было выдано Наркомпросу 3 550 тыс. рублей, из них 3 000 тыс. рублей на восстановление трех средних школ в г. Элисте и трех средних и двух неполных средних школ в улусах.

Проверкой также было установлено, что к началу учебного года в значительной части школ ремонт не закончен, а в отдельных школах вовсе не проводился. Особенно плохо обстояло дело с обеспечением школ учебниками и тетрадями, не приходится говорить и о полной обеспеченности школ учительскими кадрами. По данным Наркомпроса, в школах республики не хватало 25 учителей начальных школ и 84 учителей-предметников старших классов [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 843. Л. 45]. Недостаток учителей для начальных школ Наркомпрос предлагал возместить за счет подготовки 50 человек на курсах, которые должны были начать работу только с 15 сентября, а 49 учителей-предметников командировал Наркомпрос РСФСР, 33 преподавателя Наркомпросом Калмыкии были вызваны из эвакуации. Для полного охвата школой детей из отдаленных улусов, и в особенности детей фронтовиков, при отдельных школах должны были быть организованы интернаты. По плану Наркомпроса, в 1943/44 учебном году в школьных интернатах предполагалось разместить 4 302 ученика.

Но 1943/44 учебный год был прерван выселением калмыков в канун зимних школьных каникул. Таким образом, около 20 тыс. калмыцких детей, за исключением небольшого числа, не смогли продолжить учебу в школах почти до окончания войны. Кроме того, дети, достигшие школьного возраста в первые годы депортации, не имели возможности своевременно начать обучение в школах во многих местах спецпоселений. Этот «сибирский контингент» калмыцких детей в основном так и остался без образования [Максимов 2007: 288]. За весь период депортации в школах Сибири и Казахстана обучалось около 10 тысяч учащихся-калмыков.

9 января 1957 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края. Началось восстановление автономии, создание условий для возвращения калмыцкого народа на территорию Калмыкии. В течение 1957–1958 гг. абсолютное большинство калмыков вернулось из тринадцатилетней ссылки на родину. В спешном порядке восстанавливались из руин разрушенные еще в войну населенные пункты, школы и культурно-просветительные учреждения.

Мероприятия по восстановлению и развитию системы школьного образования в Калмыкии проводились в соответствии с народно-хозяйственным планом страны на 1956–1960 гг. Организовать всеобщее семилетнее обучение детей школьного возраста, создать условия для развития в школах политехнического обучения, обеспечения тесной связи обучения с общественно-полезным трудом, повышения учебно-воспитательной работы, укрепления материальной базы школ и подготовки учителей — вот главные задачи, которые предстояло решить органам народного образования

Калмыкии. К 1 сентября 1957 г. были подготовлены к приёму детей и началу занятий 144 начальные, 47 семилетних и 27 средних школ, рассчитанных всего на 19 тыс. учащихся [Ташнинов 1969: 176]. Все школы остро нуждались в учебном оборудовании, в учительских кадрах, в особенности в преподавателях калмыцкого языка и калмыцкой литературы.

Следующая таблица показывает число общеобразовательных школ, численность учащихся и учителей до войны и после депортации калмыцкого народа [Калмыцкая АССР за 50 лет Советской власти 1967: 166]:

Показатели	1940/41 уч. год	1957/58 уч. год
Число школ, в том числе:	292	218
Начальных	213	144
Семилетних	50	47
Восьмилетних	-	-
Средних	29	27
Численность учащихся	39784	19000
Численность учителей	1480	975

Как видим, одним из тяжелейших последствий частичной оккупации территории Калмыкии и последующей депортации калмыцкого народа стало значительное сокращение численности учащихся в школах (почти в 2 раза). Так, если в 1940/41 учебном году в общеобразовательных школах обучалось 39 тыс. учащихся, то в 1943/44 учебном году их численность сократилась до 23 383 человек, а в 1957/58 учебном году в школах обучалось всего 19 000 учащихся [НА РК. Ф. Р-25. Оп. 4. Д. 554. Л. 16].

Школьное образование было отброшено назад и по показателям охвата детей обучением. Особенно большой отсев учащихся допущен был в школах Лаганского, Долбанского и Западного улусов, где в ряде школ вообще отсутствовали ученики 9–10 классов. По сравнению с предвоенным учебным годом сократилось также количество школ

и численность учителей.

Депортация калмыков и запрещение учиться в высших и средних специальных учебных заведениях существенно снизили образовательный уровень населения Калмыкии. Еще в 1979 г. уровень образования населения в Калмыкии был ниже по сравнению с аналогичным показателем по РСФСР. Война и депортация негативно отразились на образовательном уровне калмыцкого народа. На протяжении 13 лет значительная часть калмыцких детей не имела возможности учиться. Восстановление справедливости по отношению к калмыцкому этносу, как и к другим ссыльным народам, его экономическая и культурная реабилитация дали возможность преодолеть негативные последствия военного и послевоенного периода, поднять образовательный уровень народа.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК) Ф. П-1, Р-25.

Литература

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия / РАН, Ин-т российской истории. СПб.: БЛИЦ, 1992. 207 с.
Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 780 с.

Sources

[The National Archive of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

References

[All-Union Population Census of 1939: Main Results. Russia]. St. Petersburg: BLITS, 1992. 207 p. (In Russ.)
[Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and Materials]. 3rd ed. Elista: Kalm. Book Publ., 2005. 780 p. (In Russ.)

Калмыцкая АССР за 50 лет Советской власти. Стат. сб. Элиста: Калмиздат, 1967. 199 с.

Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2007. 374 с.

Сартикова Е. В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 407 с.

Ташнинов Н. Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. Элиста: Калмиздат, 1969. 212 с.

[Kalmyk ASSR for 50 years of Soviet Power]. Elista: Kalmizdat, 1967. 199 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2007. 374 p. (In Russ.)

Sartikova E. V. [School Education Development in Kalmykia in the XX century]. Elista: Dzhangar, 2008. 407 p. (In Russ.)

Tashninov N. Sh. [Essays on the History of Education in Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic]. Elista: Kalmizdat, 1969. 212 p. (In Russ.)

УДК 94(47).084.6+94(47).084.8
ББК 63.3(2)615+63.3(2)621+63.3(2)622

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕМЕЦКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЗАПАДНОМ УЛУСЕ КАЛМЫЦКОЙ АССР

З. Г. Гаряева

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории человечества. По масштабам гибели людей, разрушений и нанесенного ущерба ей нет равных. На сегодняшний день в зарубежной и отечественной историографии насчитывается большое количество литературы, посвященной проблемам периода оккупационного режима, в ходе которого был нанесен серьезный урон временно оккупированным территориям СССР, в том числе и Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республике (КАССР). Однако на региональном уровне в имеющихся изданиях освещены лишь отдельные фрагменты этой сложной темы. В данной статье на основе архивных данных анализируется ущерб, причиненный республике фашистами, на примере Западного улуса КАССР.

Постановлением Президиума Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 30 марта 1930 года вместо бывшего Большедербетовского улуса был образован Западный улус. Территория улуса составляла 4900 кв. км, численность населения — 25 700 человек. Улусным центром 2 ноября 1930 года стала Башанта с численностью населения 3 979 человек. В состав улуса вошли 15 сельских советов: Абганеровский, Бага-Бурульский, Бага-Тугтунский, Будульчинеровский, Бюдермес-Кебютровский, I Икичносовский, II Икичносовский, I Икитугтунский, II Икитугтунский, Красномихайловский, Немхагинский, Сладковский, Цоросовский, Эстохагинский, Яшалтинский.

Постановлением Президиума Калмыцкого облисполкома от 10 января 1935 г. Абганеровский сельский совет преобразован в Башантинский поселковый совет с обслуживанием населения поселка Башанта, колхоза имени Городовикова и совхоза № 112. Президиум Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) КАССР 9 апреля

1936 г. постановил образовать: Шинфельдовский сельский совет за счет разукрупнения Немхагинского сельского совета, Краснопартизанский сельский совет за счет разукрупнения Яшалтинского сельского совета. В 1938 году постановлением Президиума ВЦИК от 24 января за счет разукрупнения Западного улуса образован новый, Яшалтинский улус. В состав нового улуса были включены: Будульчинеровский, Бага-Тугтунский, I Икичносовский, II Икичносовский, Красномихайловский, Краснопартизанский, Немхагинский, Сладковский, Шинфельдовский, Эстохагинский, Яшалтинский сельские советы. Президиум ЦИК КАССР 4 февраля 1938 года постановил оставить в составе Западного улуса Башантинский поселковый совет, Абганеровский, Бюдермес-Кебютровский, Бага-Бурульский, I Икитугтунский, II Икитугтунский, Цоросовский сельские советы. 4 декабря 1938 г. Президиум Верховного Совета РСФСР постановил преобразовать Башанту в рабочий поселок.

Таким образом, в 1938 г. административно-территориальное деление Западного улуса состояло из 6 сельских советов и одного рабочего поселка [Калмыцкая 1984: 38].

Западный улус располагался в западной части КАССР, граничил с западной и северо-западной стороны с Сальским районом Ростовской области, с южной и юго-восточной стороны — с районами Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края. От центра КАССР, города Элисты, Западный улус находился на расстоянии 242 км и от ближайшей железнодорожной станции города Сальск — в 65 км.

Сельское хозяйство улуса имело отрасли полеводства и животноводства, причем основной отраслью, определяющей хозяйственное направление улуса, являлось полеводство, которое по удельному весу

составляло 63 %. Общая земельная площадь улуса — 59 297 га, в том числе пашни — 39 164 га, что составляло 66 % [НА РК Ф.Р-131. Оп. 1. Д. 967. Л. 1]. На 1 февраля 1940 г. территория улуса составляла 1 068,3 кв. км, численность населения на 17 января 1939 г. — 11 387 человек [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 447. Л. 5].

В улусе имелись 15 колхозов: имени Сталина, имени Ленина, III Интернационал, имени Куйбышева, имени Димитрова, Шин Бял, Ленина-Мер, имени Чапаева, имени Чкалова, имени Городовикова, имени Молотова, Инициатив Политотдел, Пролетарская победа, Крупской, Роте-Фанс, Башантинская машинно-тракторная станция (МТС), мясосовхоз «Калмыцкий» № 112. В 15 колхозах улуса имелись: 15 молочно-товарных ферм, 15 овцеводческих ферм, 15 свиноводческих ферм, 15 коневодческих ферм, 15 птицеводческих ферм с поголовьем 11 615 птиц и 2 пчеловодческие фермы с количеством ульев 90 штук [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 967. Л. 3]. Хозяйства улуса по тем временам располагали достаточной материально-технической базой.

В совхозе № 112 имелось на 1 января 1940 г. 53 трактора, 35 комбайнов, 15 колхозов обслуживала Башантинская МТС: 102 трактора, 49 комбайнов [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 447. Л. 6(об)]. Совхоз № 112 был организован в 1931 г., земельная площадь составляла 42 516 га. За время существования совхоза были построены: ремонтно-механическая мастерская, капитальный автогараж, главная контора, 7 зернохранилищ, 8 скотных дворов, 1 конюшня, 20 стандартных домиков, 1 электростанция [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 967. Л. 110].

На 15 сентября 1939 г. в улусе имелись 26 школ, 2 из них в райцентре, в том числе 22 начальных, 1 из них в райцентре, 3 неполно-средних и 1 средняя. Всего учащихся в школах — 2 553, в том числе 907 обучались в райцентре. Из общего числа в 0–IV классах было 1 759 учеников, в том числе 467 — в райцентре, в V–VII классах — 683 ученика, из них 329 — в райцентре, в VIII–X классах 111 учеников обучались в райцентре. Во всех школах преподавали 103 учителя, 31 из них в райцентре. Что касается средних специальных учебных заведений, то в Западном улусе работал сельскохозяйственный техникум (324 учащихся), также имелось общежитие на 275 человек.

Всего в улусе было 12 клубных учреждений, в том числе 6 изб-читален, 3 колхозных клуба, при одном из них было звуковое кино, 8 массовых библиотек, 2 типографии, 1 — в райцентре. В Западном улусе была широко развернута сеть лечебных учреждений: 3 врачебных учреждения амбулаторно-поликлинической помощи, 1 из них — в райцентре, 2 врачебных больничных учреждения в райцентре, в том числе 1 родильный дом, насчитывалось 37 коек во всех врачебных больничных учреждениях. В районе действовало 5 постоянных учреждений фельдшерской амбулаторной помощи, из них 2 в райцентре, женская и детская консультации, 1 хозрасчетная аптека. Врачей в улусе работало 5 человек, из них — 1 стоматолог, 19 фельдшеров и акушеров [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 447. Л. 8].

На 1 января 1940 г. в райцентре имелось 449 жилых домов, 1 баня общественного пользования, также функционировали 3 постоянных почтово-телеграфных предприятия [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 447. Л. 8 об].

Таким образом, Западный улус КАССР перед войной представлял собой район, в котором были достигнуты определенные успехи в социально-экономическом развитии, в области сельского хозяйства, имелась достаточно прочная материально-техническая база, появились отдельные отрасли промышленности, росла грамотность населения, строились жилые дома. Но война нарушила мирную жизнь улуса.

К середине августа 1942 г. нацистские военные части, двигаясь в сталинградском и астраханском направлениях, захватили 8 улусов (пять полностью — Западный, Яшалтинский, Приютненский, Троицкий, Сарпинский; три частично — Кетченеровский, Малодербетовский, Черноземельский) республики из 13 и г. Элисту с тремя пригородными колхозами. В Западный и Яшалтинский улусы немцы вторглись уже 1–2 августа — раньше, чем в другие.

Немецкие войска, вступившие в калмыцкие степи, первоначально не имели ясного представления об особенностях этих мест. В 1942 году германский Генеральный штаб дважды выпустил «Военно-географические сведения» о Северном Кавказе, при этом в разделе, содержащем сведения о Калмыкии, приводились неточные и устаревшие данные, как о природе, так и

об экономике и социальных условиях жизни населения. Произошедшие в советское время преобразования не были учтены и приняты во внимание, что означало фактически новое ознакомление с этим регионом германской армии непосредственно во время боевых действий [Басхаев 2001: 127–128].

Соответственно схеме организации местной администрации в оккупированной части СССР, Калмыкия была отнесена к области военного управления. Поэтому фашисты, не создавая в захваченных улусах вертикальной административной власти, в каждом селе под своим надзором формировали правления во главе со старостой, избираемым населением или назначаемым военным комендантом [Максимов 2009: 509].

В Западном улусе военный комендант В. Плис назначил начальником полиции Киппеля, местного эстонца, его заместителем — Гамолу, старостой поселка Башанта — Мышлаевского, старостой совхоза № 112, располагавшегося на территории Башантинского поселкового совета, — И. Я. Коженбаева, работавшего до оккупации завхозом. Коженбаев и старший агроном совхоза И. М. Бреславец, оставленный немцами в прежней должности, по доносу предателей 4 ноября 1942 г. были расстреляны за сокрытие зерна и тракторов [Максимов 2007: 155].

На временно захваченной территории оккупанты совершали массовые преступления: акты геноцида, террора, издевательства, жертвами которых становились мирные граждане — женщины, дети, старики.

В поселке Башанта КАССР была создана районная комиссия по учету совершенных немецкими оккупантами преступлений и причиненных материальных убытков по Западному улусу КАССР в составе секретаря УК ВКП(б) Карасевой А. А., секретаря УК ВЛКСМ Красиковой К. К., начальника милиции Западного улуса от НКВД Шарманджиева В. К., гражданки поселка Башанта Ивановой,

учительницы Подвласовой А. В., врача Мачиной А. С. и представителя партийной организации Ерошенко П. М. Был составлен акт о том, что за время оккупации немецко-фашистской армией с 21 августа 1942 г. по 21 января 1943 г. Западному улусу нанесен огромный ущерб. Комиссия установила факты зверства, насилия и издевательства немецких захватчиков над мирным населением улуса. По улусу было расстреляно 75 человек, из них 15 коммунистов, 2 комсомольца. За кратковременный период пребывания немецких войск в Калмыкии, по неполным данным, было расстреляно около 3 000 человек (1,36 % от общей численности населения КАССР, по РСФСР — 1,62 %). В Элисте были расстреляны 800 человек — 26,7 %, в Яшалтинском — 190 человек (6,3 %), в Малодербетовском — 115 человек (3,8 %), в Приютненском 120 человек (4 %), в Западном 75 человек, что составило 2,5 % от числа расстрелянных в Калмыкии. Среди погибших по Западному улусу опознан 41 человек (список прилагается ниже), в том числе 16 калмыков (из них 13 коммунистов, один член ВЛКСМ), 4 русских, 21 еврей. Среди погибших было 7 детей, не достигших 18-летнего возраста.

Целыми семьями зверски замучены и убиты фашистами члены колхоза им. Димитрова: Райнсберг Моисей с женой и 2 детьми, Сандлер Соня, 35-летняя женщина с 4 детьми от 2 до 17 лет, 70-летняя старушка Розенфельд была зарыта в землю живьем. От рук немецких палачей погибли передовые люди улуса, не склонившие головы перед захватчиками. Были убиты один из лучших председателей колхоза, активист-комсомолец т. Чемкинов Г., парторг колхоза им. Молотова т. Ульджаев, молодой специалист Шлыкова М., агроном совхоза № 112 Бреславец и многие другие. Гитлеровские бандиты насиловали женщин, секли розгами и сажали в тюрьмы за малейшее нарушение введенного «нового порядка» [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 6. Л. 194]. Ниже приводятся архивные данные.

Таблица 1

**Список граждан, расстрелянных немецкими оккупантами
по Западному улусу Калмыцкой АССР**

№	Фамилия Имя Отчество	Пол	Воз- раст	Партийность	Националь- ность	Место работы
1	Ульджаев Н.М.	Муж	62	Член ВКП(б)	Калмык	Секретарь п/парторг к-за Молотова
2	Бреславец	Муж	35	Член ВКП(б)	русский	Агроном с-за № 112
3	Коженбаев И.Я.	Муж	47	Член ВКП(б)	калмык	Завхоз совхоза № 112, был старостой
4	Воробьев	Муж	48	б/п	русский	Кладовщик
5	Имкенова Т.М.	Жен	48	Член ВКП(б)	калмычка	Председатель к-за Инициатив политотдела
6	Степанов Б.Б.	Муж	31	Член ВКП(б)	калмык	Секретарь п/парторг к-за Чкалова
7	Джамбинов Э.П.	Муж	38	Член ВКП (б)	калмык	Уполномоченный комитет по заготовкам, заготовитель
8	Оненов Д.М.	Муж	49	б/п	калмык	Председатель Цоросовско- го с/совета
9	Чолбасов Т.Б.	Муж	38	Член ВКП(б)	калмык	Работник связи
10	Курноскин Н.С.	Муж	48	Член ВКП(б)	калмык	Бывший председатель к-за Инициатив политотдела
11	Манджиков С.М.	Муж	32	Член ВКП(б)	калмык	Учетчик транспортной бригады
12	Иванов А.Ц.	Муж	60	Член ВКП(б)	калмык	Председатель к-за имени Чкалова
13	Шлыкова М.В.	Жен	33	б/п	русская	Преподаватель
14	Чимкинов	Муж	27	Член ВКП(б)	калмык	Председатель к-за имени Куйбышева
15	Наминов Егор	Муж	42	Член ВКП(б)	калмык	Чабан к-за Пролетарская победа
16	Черепихина Груня	Жен	32	б/п	русская	Домохозяйка
17	Ройзберг Моисей	Муж	40	б/п	еврей	Колхозник к-за Димитрова
18	Ройзберг Клара	Жен	35	б/п	еврейка	Жена
19	Ройзберг Борис	Муж	19	ВЛКСМ	еврей	Сын
20	Ройзберг Ганя	Жен	13	б/п	еврейка	Дочь
21	Розенфельд Моисей	Муж	50	б/п	еврей	Колхозник
22	Розенфельд Полина	Жен	48	б/п	еврейка	Жена
23	Розенфельд А.	Жен	21	б/п	еврейка	Дочь
24	Озеденская Александра	Жен	25	б/п	еврейка	
25	Гельтмон Рива	Жен	25	б/п	еврейка	
26	Хатыхова Неся	Жен	27	б/п	еврейка	
27	Бела	Жен	5	б/п	еврейка	Дочь
28	Сирота Мария	Жен	30	б/п	еврейка	
29	Розенфельд	Жен	70	б/п	еврейка	
30	Сандлер Соня	Жен	35	б/п	еврейка	Колхозница
31	Сандлер Люба	Жен	17	ВЛКСМ	еврейка	Дочь
32	Сандлер Катя	Жен	12	б/п	еврейка	Дочь
33	Сандлер Рая	Жен	5	б/п	еврейка	Дочь
34	Сандлер Сема	Муж	2	б/п	еврей	Сын
35	Сирота Вельгельм	Муж	12	б/п	еврей	

36	Артемов	Муж	31	Член ВКП(б)	калмык	Секретарь п/парторганизации
37	Максимов Гаврил	Муж	31	б/п	калмык	Из Яшалты
38	Чурюмов М.М.	Муж	22	Член ВЛКСМ	калмык	Помощник полита совхоза № 112
39	Шургучинов Ц.П.	Муж	39	б/п	калмык	Колхозник
40	Цитрина	Жен	18	б/п	еврейка	
41	Цитрина	Жен	70	б/п	еврейка	Мать

[НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 6. Л. 196]

В связи с начавшейся оккупацией КАССР 118 колхозов оккупированных улусов в спешном порядке отправляли скот к переправам через Волгу. Более организованно и с меньшими потерями провели перемещение скота совхозы. Накануне отгона

они передали значительное количество голов скота в счет мясопоставок государству.

Ниже в таблицах показано состояние животноводства оккупированного Западного улуса Калмыцкой АССР в августе 1942 г.

Таблица 2

Состояние животноводства Западного улуса КАССР в августе 1942 г.

Улус	Осталось скота по состоянию на 1 августа					
	Всего	КРС	овец	лошадей	верблюдов	свиней
Западный	50 848	15 782	32 116	1 448	8	1 494
Колхозы – 15	30 824	4 566	23 515	1 241	8	1 494
Совхоз – 1	13 599	5 724	7 668	207	---	---
Индивидуальный сектор	6 425	5 492	933	---	---	---

Таблица 3

Количество скота на оккупированной территории к 15 августа

Улус	Всего	КРС	овец	лошадей	верблюдов	свиней
Западный	29 112	7 912	19 029	687	---	1 484
Колхозы – 15	21 203	1 996	17 036	687	---	1 484
Совхоз – 1	1 484	424	1 060	---	---	---
Индивидуальный сектор	6 425	5 492	933	---	---	---

Таблица 4

Количество эвакуированного скота к переправам на Волге

Улус	Всего	КРС	овец	лошадей	верблюдов
Западный	21 736	7 870	13 097	761	8
Колхозы – 15	9 621	2 570	6 489	554	8
Совхоз – 1	12 115	5 300	6 608	207	---
Индивидуальный сектор	---	---	---	---	---

[НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1237. Л. 10, 34, 35, 49 об., 50, 169, 239, 242-244; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 651. Л. 54, 64]

Гитлеровское командование при отступлении давало своим частям такие приказы: «Если при отходе войска встречают на своем пути скот и не имеют возможности отправить его в свой тыл, они обязаны расстрелять его. Неразрушенные населенные пункты, жилые убежища уничтожить огнем» [Максимов 2007: 224].

С величайшей радостью встречало население оккупированных улусов своих освободителей — бойцов Красной Армии. На собраниях и митингах, проходивших в освобожденных селах Калмыкии, трудящиеся рассказывали о зверствах, издевательствах, унижениях, о грабежах и насилии, чинимых гитлеровцами и их прислужниками во вре-

мя оккупации. Шестидесятилетний Болдыр Хахышев в с. Малые Дербеты рассказывал: «Меня били, преследовали, на каждом шагу, издевались надо мной, как хотели. У меня насильно увели корову, телку, отняли одежду, посуду и другие вещи. Слава Красной Армии, изгнавшей оккупантов» [Кичиков 1970: 148].

21 января 1943 г. войска 248-й дивизии и 159-й отдельной стрелковой бригады окон-

чательно изгнали оккупантов из Западного и Яшалтинского улусов [Максимов 2007: 233].

На основании акта, составленного районной комиссией по учету материальных убытков, нанесенных немецкими оккупантами, ниже представлены сводные данные по 15 колхозам, совхозу и индивидуальному сектору Западного улуса КАССР.

Таблица 5.

Сводная ведомость убытков, причиненных колхозам Западного улуса КАССР немецко-фашистской армией за время оккупации, т. е. с 21. 08. 1942 г. по 21.01. 1943 г.

№	Наименование колхозов	Полеводство	Животноводство	с/х инвентарь	Продукты питания	Здания и сооружения	Прочее имущество	Всего на сумму
1	Им. Сталина	4 654 760	696 240	12 300	240		813 960	6 177 500
2	Им. Ленина	1 351 000	883 000	26 274	511 000	81 000	20 726	2 873 000
3	III интернационал	2 073 300	1 060 000	40 450	5 200	14 500	1 281 700	4 475 150
4	Им. Куйбышева	2 659 750	1 020 000	36 500	135 000		707 500	3 958 750
5	Им. Димитрова	1 695 600	2 435 000	48 850		219 000	840 200	5 238 650
6	Шин-Бял	984 400	1 589 000	11 000	34 858	3 000	676 120	3 302 078
7	Ленина-Мер	698 872	942 490	43 100	3 150		5 867	1 693 479
8	Им. Чапаева	1 379 470	681 450	80 290	20 240		20 372	2 181 822
9	Им. Чкалова	1 009 480	123 000	67 300	387 000		632 200	2 218 980
10	Им. Городовикова	2 281 250	390 300	31 900			334 470	3 037 920
11	Им. Молотова	2 883 750	746 120	26 350	72 000	216 000	75 458	4 019 678
12	Иниц.политотдел	2 099 940	640 400	19 950	28 559		3 492	2 792 341
13	Пролетарская победа	3 013 340	1 671 000	45 000	303 800	21 070	405 000	5 541 710
14	Крупской	761 560	487 290	90 800	16 000	2 650 000	5 372 290	9 377 940
15	Роте-Фанс	2 205 300	1 501 500	240 290	1 585 750		2 360 270	7 906 710

В целом понесенный убыток по полеводству составил 29 751 772 руб., по сельхозинвентарю — 820 354 руб., по продуктам питания — 3 102 797 руб., по зданиям и сооружениям — 3 204 570 руб., по прочему имуществу — 12 949 625, по пчеловодству — 99 800 руб., по животноводству — 16 485 190 руб.

Из колхозов Западного улуса в большей степени пострадал колхоз Крупской, ущерб составил 9 377 940 рублей, а в меньшей степени — колхоз Ленина-Мер, ущерб составил 1 693 479 рублей.

Всего по колхозам общий убыток составил 66 414 108 руб. [НА РК.Ф. Р-68. Оп. 1.Д. 6.Л. 198].

В общей сложности, если сравнивать в процентном соотношении ущерб, причиненный Западному улусу, с общим по республике, то получается: по полеводству

— на сумму 32 918 055 рублей, что составляет 16,8 %, по животноводству — на сумму 17 947 369, что составляет 2 %, по зданиям и сооружениям — на сумму 5 662 816, что составляет 5,4 %, по топливу, материалам и готовой продукции на сумму 5 462 355 рублей, что составляет 11,8 %, по сельскохозяйственному инвентарю, транспорту, оборудованию — на сумму 3 523 600 рублей, что составляет 15,3 %. В целом по улусу убыток составил 80 437 511 рублей.

Во время оккупации и в ходе отступления немецко-фашистская армия грабила, уничтожала, сжигала жилые дома, культурные и промышленные постройки. В Западном улусе были разрушены и полностью уничтожены 8 школ, детсад, 5 сельских советов, клуб совхоза № 105, 2 больницы, 3 артели, МТС, Башантинский сельхозтехникум, типография, аптека, инкубаторно-птицевод-

ческая станция, лесопитомник, заготскот, противочумный пункт, райконтора, сембаза Госсортфонда, маслозавод, Западный уисполком, районный земельный отдел, уполнаркомзаг, уфинотдел, улуском, райсоюз, УФО и Госстрах, Западное УОНО, Западный райпотребсоюз, районная сберкасса, раймаг, заготконтора, пекарня, столовая, кирпичный завод, валяльная фабрика и др.

Проводя массированную пропагандистскую работу и стремясь привлечь население различными способами к сотрудничеству, оккупанты особое внимание уделяли отправлению людей в Германию, преследуя военные, экономические и политические цели. Немцы использовали их на различных вспомогательных работах, в качестве обозных, погонщиков скота, делалась ставка на подрыв трудовых ресурсов региона, раскол среди населения и дестабилизацию общества.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература:

Басхаев А. Н. *Германская оккупация части территории Калмыкии в августе 1942 – январь 1943 гг.* // Великая Отечественная война: события, люди, история: сборник научных

История не знала такого массового варварства и бесчеловечности, которые пришлось испытать нашему населению в период фашистской оккупации. На вечные времена в памяти благодарной Калмыкии останутся подвиги воинов 28-й и 51-й армий, освободивших калмыцкие степи от гитлеровских захватчиков. В рядах этих армий сражались сыны и дочери Калмыкии, освобождая родную землю от фашистов [Кичиков 1970: 204].

Таким образом, ущерб, нанесенный немецко-фашистскими оккупантами Западному улусу КАССР и в целом республике, был значительным, и потребовались многие годы для восстановления народного хозяйства.

Подорван был генофонд народа, что негативно сказалось на демографической ситуации, на развитии образования и культуры.

статей. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 127–138 с.

Калмыцкая АССР: административно-территориальное деление 1918–1982. Справочник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 123 с.

Кичиков М. Л. *Во имя победы над фашизмом.* Калм. кн. изд-во, 1970. 207 с.

Максимов К. Н. *Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки.* М.: Наука, 2007. 374 с.

Sources

[The National Archive of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

References

Baskhaev A. N. [German Occupation of the Part of the Territory of Kalmykia in August 1942 – January 1943]. In: [Great Patriotic War: Events, People, History]. Elista: Dzhangar, 2001. Pp. 127–138. (In Russ.)

[Kalmyk ASSR: Administrative-territorial Division 1918–1982]. Reference book. Elista: Kalm. Book Publ., 1984. 123 p. (In Russ.)

Kichikov M. L. [In the Name of the Victory over Fascism]. Elista: Kalm. Book Publ., 1970. 207 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2007. 374 p. (In Russ.)

УДК 93.
ББК 63.3 (2 Рос)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Е. М. Малышева, Н. А. Гаража

Всестороннее изучение истории Великой Отечественной войны неразрывно связано с анализом основных социальных процессов, характерных для советского общества в тех экстремальных условиях.

Одним из способов приближения к объективной истине в исторической науке является применение в исследовании принципов гносеологического плюрализма. Гносеологический плюрализм — учение о множественности путей в процессе познания, что может означать множественность исходных позиций, множественность методов (способов) познания и многое другое.

Историческая наука имеет дело с самым сложным предметом исследования — человеком и человеческими отношениями. Истина в истории такова, что только совокупность разных точек зрения, каждая из которых освещает лишь часть истины, позволяет приблизиться к ней в целом. Следовательно, плюралистический подход — необходимое условие, вызванное спецификой предмета исследования исторической науки. Новые методологические подходы и школы все больше проникают в отечественную историческую науку, среди которых традиционно выделяют цивилизационный подход, школу «Анналов», различные провиденциалистские методологии и др.

Применение теории локальных цивилизаций как методологии исторического исследования позволяет преодолеть многие минусы формационного подхода. Данная методология преодолевает экономический детерминизм, учитывает влияние на исторический процесс самых разнообразных факторов и, следовательно, позволяет более широко и приближённо к действительности, адекватно реконструировать историю.

Синтез теорий прогресса и теории локальных цивилизаций в значительно большей степени открывает возможность построения методологии, формирующей адекватное цивилизационное сознание. Воспри-

ятие исторического процесса на этой основе также позволяет осознать, что мир бесконечно многообразен и именно поэтому бесконфликтно не может существовать. И в то же время объективность и потребность прогрессивного развития вызывает к жизни необходимость поиска компромиссов, толерантного развития человечества.

Помимо названных подходов, существенным дополнением к развитию современной методологии социальной истории для периода Второй мировой войны является политологический подход, предоставляющий возможность сравнивать политические системы СССР и нацистской Германии, делать объективные выводы об исторических и политических процессах внутри данных систем и в отношениях между ними.

Методологией, широко распространенной в европейской исторической науке, является школа «Анналов». В 1929 г. во Франции стал издаваться журнал «Анналы: экономика – общество – цивилизация», основанный известными историками Марком Блоком и Люсьеном Февром. Особенностью школы «Анналов» является внимание к человеческому сознанию, индивидуальному и массовому, к мировосприятию людей. Марк Блок отмечал, что существует два способа быть беспристрастным: как историк и как судья. Идея М. Блока не в том, чтобы требовать от историка отказа от оценок, в том числе моральных, а в том, чтобы историк не возводил в абсолют систему ценностей только свою и своего поколения. Такой ход рассуждений привел «анналистов» к тому, что они раньше других историков поставили вопрос о необходимости изучения мировосприятия некой массы людей в прошлом. Они ввели в научный оборот термин, который в настоящее время используется в различных науках — ментальность (или, в немецкоязычной транскрипции — менталитет).

При всем разнообразии определений чаще всего о ментальности говорят как об

умонастроении, складе ума — с одной стороны (часто именно в этом смысле употребляются такие выражения, как «ментальность народа»), а с другой стороны — как о мироощущении, мировосприятии людей. В контексте теории школы «Анналов» последнее значение понимается как мировосприятие основной массы людей в прошлом. Школа «Анналов» вывела историческую науку на новый уровень, благодаря которому она старается не потерять человека за жесткими социологическими схемами. Эта теория преодолевает чрезмерный акцент на материальном факторе. Она стимулирует введение в научный оборот совершенно нового круга исторических источников, отражающих повседневную жизнь и быт людей, их мысли и чувства. Наконец, школа «Анналов» обращает наше внимание на различную скорость течения разных исторических процессов. Она выделяет три типа исторического времени: быструю, среднюю и медленную историю: «быстрая история» — это история политическая, где ситуация может меняться каждый день; «средняя история» — это история социально-экономическая, где происходят более медленные процессы; «медленная история» — это история ментальностей, которые меньше всего подвергаются динамичным изменениям [Гольцов 2002: 23]. Таким образом, школа «Анналов» позволяет реконструировать прошлое через взгляд на него человека, жившего в этом прошлом. Данный подход, без сомнения, обогащает историческую науку и приводит к более глубокому пониманию истории.

Теория ментальностей в применении к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн позволяет вводить в научный оборот совершенно новый круг исторических источников, отражающих повседневную жизнь людей, их мысли и чувства, и более адекватно реконструировать прошлое через взгляд человека военного поколения. Однако учёт аксиологического фактора вовсе не предполагает того, чтобы каждый историк проявлял мировоззренческую всеядность. Важно, чтобы исследователь, пришедший к определенным результатам под влиянием собственной системы ценностей, не скрывал эту систему и не выдавал свои выводы за единственно правильную интерпретацию исторического процесса. Иначе будет не столько наука, сколько пропаганда. Исследователь, имея право на соб-

ственные убеждения, не должен умалчивать о других выводах и трактовках, которые существуют в иных ценностных координатах, что позволяет увидеть весь комплекс взглядов по сложнейшим вопросам, в результате чего только и можно приблизиться к истине. Как и в случае с гносеологическим плюрализмом, аксиологический плюрализм дает возможность каждому исследователю реализовать кажущиеся ему перспективными подходы.

Обогащает современную методологию исторической науки синергетический подход, который позволяет рассматривать каждую систему как определенное единство порядка и хаоса. Согласно синергетическому подходу, динамика сложных социальных организаций связана с периодическим чередованием ускорения и замедления процесса развития, частичного распада и воссоздания структур, периодическим смещением влияния от центра к периферии и обратно. Частичный возврат в новых условиях к культурным и историческим традициям является, согласно синергетической концепции, необходимым условием поддержания сложной социальной организации. Синергетический подход является существенным дополнением к «линейным» подходам в понимании истории. Он требует использования концепций нелинейной динамики и в настоящее время является фундаментом для изучения исторических альтернатив, переходных периодов общественной истории. Особого внимания заслуживает сложность и непредсказуемость поведения изучаемых систем в периоды их неустойчивого развития, например, во время наивысшего социального напряжения, точках бифуркации, когда несущественные причины могут оказать непосредственное воздействие на выбор вектора общественного развития.

Заслуживают внимания и другие подходы: историко-антропологический, феноменологический, историософский — подход, раскрывающий смысл и назначение исторического процесса. Все они выполняют по отношению друг к другу функцию взаимодополняемости [Тартаковский 1993]. Знание и понимание различных подходов к изучению исторического процесса позволяет преодолеть односторонность в изучении истории, не допускает догматизма, способствует научному пониманию общественных реалий. Вместе с тем, необходимо отметить опасность наметившейся тенденции, ког-

да теория локальных цивилизаций подчас выдается за новую, единственно состоятельную методологию. Исследования, подготовленные в русле этой теории, как правило, не отмечают ее недостатков. Стремление найти новое, единственно правильное учение приведет лишь к замене одной методологической монополии на другую. Наука немыслима без многообразия точек зрения и столкновения между ними. Конкретные недостатки данной методологии имеют как сугубо научный, так и морально-политический характер. Так, в рамках данной методологии не разработаны конкретные критерии для понятия *цивилизация* в локальном смысле, отсутствует четкий категориальный аппарат.

В мировой исторической науке известен так называемый волновой подход, акцентирующий внимание на волнообразном характере эволюции сложных социальных систем. Он допускает альтернативные варианты развития человеческого общества и возможность смены вектора развития — не возвращение общества в исходное состояние, а продвижение его по пути модернизации не без участия традиции. Смысл альтернативности в истории как развитие специфического феномена исторического сознания рассматривается в статье С. А. Экштута «Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления» и в переработанном варианте этой статьи в альманахе «Одиссей» [Экштут 2002]. Автор выделяет 5 уровней рассмотрения проблемы поиска исторической альтернативы. Первый уровень: поиск исторической альтернативы ведётся в реальном пространстве и времени (здесь и теперь). Второй уровень: поиск завершён, событие совершилось и приобрело статус исторического факта. Третий уровень: историки получают доступ к документам, открывают скрытые механизмы принятия решений, осознают сам факт наличия в прошлом поиска исторических альтернатив и начинают его изучать. «Оставшиеся в живых непосредственные участники исторических событий, — отмечает С. А. Экштут, — весьма болезненно реагируют на предпринимаемые историками попытки демифологизации, ибо многие мифы стали неотъемлемой частью их биографии». Четвёртый уровень: историк отстраняется от результата истории и сознательно продлевает в своём повествовании ощущение протекания

процесса, пытается дать видение процесса, а не его узнавание. Пятый уровень: историк решает на создание контр-фактической модели исторического прошлого, которая становится объектом неизбежной полемики и фактом историографии.

В 1990-х гг. в сфере специальной популяризации истории широко распространяется идея альтернативности исторического развития в контексте феномена «фольк-хистори». Возникает феномен так называемой «фольк-хистори» и представителей «фольк-хистори» — псевдоисториков, навязывающих реконструкции исторической действительности, не имеющие ни малейшего научного обоснования. Данное явление (А. Т. Фоменко, как известно, является «патриархом» «фольк-хистори») имеет коммерческую направленность, связанную с массовостью и эффективностью товара. Можно согласиться с мнением Д. М. Володихина о том, что классический, центральный жанр «фольк-хистори» вырос из экспансии представителей «точных» наук в гуманитарную сферу — исторические знания формируются для социума специалистами из совершенно других научных областей [Володихин]. Представители «фольк-хистори» не сознают или не хотят признавать, что, как для математического исследования необходимо знать хотя бы элементарные теоремы, так и для исторического исследования необходимо полноценное владение историографией. Едва ли стоит обстоятельно рассматривать «исследования» подобного рода, но игнорировать их все же не следует, так как они отражают масштабные трансформации исторического сознания, в немалой степени связанные и с таким его феноменом, как альтернативность истории.

Противостояние научного сообщества представителям «фольк-хистори» начинается с 1998 г., когда появляется значительное количество критических статей. Необходимо отметить, что феномен «фольк-хистори» так или иначе, пусть в искаженном виде, отражает основные тенденции в современном развитии исторической науки и в принципе способен эвристически повлиять на методологическую рефлексию профессиональных историков, уводя от процесса объективного постижения исторической истины. Дифференцированный подход к использованию и исследованию разнородных по характеру комплексов источников, их углубленный

источниковедческий анализ, использование современных методов позволит с достаточной степенью объективности приблизиться к освещению такого сложнейшего социального и историко-психологического явления, как феномен жизнедеятельности человека и общества в условиях войны, и отражение этого феномена в общественном сознании.

Настоящий подход дает возможность в достаточно полном объеме проследить преломление общих закономерностей социального развития в сложных специфических условиях войны, осветить социальные явления, характерные только для военного времени, выявить и уяснить содержание, роль и место советского государства в системе общественных отношений, в сфере регулирования численности и состава, культурного и образовательного уровня социальных страт общества, оценить влияние войны на динамику численности и изменения населения в целом в этот период.

Наименее исследованным сюжетом многоаспектной проблемы феномена войны как социального и историко-психологического явления с полным основанием можно считать психологию и нравственно-моральные установки непосредственных участников как боевых действий, так и любых экстремальных ситуаций военного времени (оккупация, плен, «несвобода — ограниченная свобода» как пограничные ситуации, террор, страх лишения жизни и т.п.).

Психологические явления, будучи субъектно-личной или частной реальностью, выражаются, в первую очередь, в субъективных источниках, помогающих взглянуть на события изнутри, на индивидуально-личностном уровне их непосредственных участников. Тем не менее, в изучении психологических проблем военного периода приоритетное место занимает историческая наука, и в этом отношении авторами настоящей статьи полностью разделяется мнение доктора исторических наук Е. С. Сениявской — основателя научного направления «Военно-историческая антропология и психология» [Сениявская 1999]. На самом деле, только историческая наука способна восполнить целый ряд пробелов, которые образуются при разработке этих проблем другими научными дисциплинами.

Во-первых, она позволяет изучать эти явления в исторической динамике — т. е. сопоставлять психологические феномены в различных конкретных периодах исто-

рии. Во-вторых, только эта наука дает возможность изучать психологию военного времени в наиболее полном общественном контексте — событийном, духовно-идеологическом, материально-техническом и т. д. И, наконец, в-третьих, историческая наука располагает таким специфическим исследовательским инструментарием, как источниковедение, разработанными методиками анализа исторических источников, то есть всех видов информации о социальной истории военного периода. Историческая наука, не связанная жесткими предметными рамками узко научных дисциплин, способна синтезировать приемы и методы других наук, например, военной психологии и социологии.

Таким образом, для решения поставленных задач необходим глубокий многоаспектный анализ различных комплексов источников личного происхождения. В этом контексте возрастает интерес исследователей и приобретают всё большую востребованность воспоминания, письма, дневники, мемуары, интервью ветеранов, участников боевых действий, тружеников тыла периода Великой Отечественной войны. Именно эти материалы позволяют историку путём анализа комплекса личностного восприятия реконструировать войну как цельную картину.

На основе личных свидетельств людей самых разных профессий, возраста и пола создается объёмный образ Великой Отечественной войны в сознании ее участников и очевидцев. Он призван расширить восприятие событий прошедшей войны, определить новые аспекты изучения проблемы с позиций современной локальной истории. Перегрузки войны, физические и моральные её издержки, высокие требования властных структур различного уровня, тяготы бытовых условий, смерть близких, страдания, подверженность стрессу, страх, надежда, воинственные импульсы и тяга к сохранению жизни проявлялись как психологическая проекция психосоматических состояний личности и различных социальных страт.

Следует отметить, что уникальным видом исторического источника и самым распространенным в советское время средством общения между людьми, а также между обществом и властью, являлись письма. При этом каналом получения интереснейшей, новой и разносторонней инфор-

мации становятся письма военнопленных и оstarбайтеров, рассказывающие об устройстве быта советских людей в состоянии неволи и их чувствах, переживаниях, стратегиях выживания и сохранения этнической и социальной самоидентификации. Поэтому в настоящее время остро стоит вопрос поиска и введения в научный оборот названных источников, их адекватной интерпретации, основанной на глубоком анализе процессов использования подневольного труда в Третьем рейхе на протяжении Второй мировой войны и психологии человека, насильственно лишенного свободы, возможности распоряжаться своей судьбой.

С точки зрения видовой принадлежности письма оstarбайтеров можно рассматривать в следующих основных группах.

Первую выделим в соответствии с адресатом: письма родителям (сдержанные или в той или иной степени с подробными описаниями условий жизни, с просьбами), друзьям (наиболее многочисленны), любимым (предельно эмоциональны), соседям.

Вторая группа определяется в соответствии со временем написания: письма оstarбайтеров, относящиеся непосредственно к хронологии Второй мировой войны, и письма-запросы с описанием условий пребывания бывших восточных рабочих на территории Третьего рейха, направляемые ими в архивы после указов Президента Российской Федерации и постановления Правительства России 1992–1994 гг. о выплате компенсаций бывшим узникам фашистских лагерей, гетто и других мест принудительного содержания. Только в Государственный архив РФ за десятилетие поступило более 150 тысяч писем этой категории. В этих письмах содержатся те детали, те «мелочи» и подробности обстоятельств пребывания в неволе, которые так важны в работе исследователей. Удивительно, но источниковая база истории войны в выделяемом нами аспекте продолжает формироваться и сегодня. Письма принудительных работников и военнопленных собираются непрофильными организациями и учреждениями — газетой «Известия», Ассоциацией бывших военнопленных и т. д.

Третья группа формируется в соответствии с ареалом распространения: письма, отправляемые родным и близким, т. е. на Родину, и письма друзьям, знакомым, также находящимся в Германии. В незамысловатых их текстах содержится множество

уникальных наблюдений и сведений — например, о переживаниях молодой девушкой ее ситуации, об отношении к женщинам-«остам» со стороны немецкого населения и поляков и т. п.

В Германии сейчас наблюдается значительная активизация исследовательского, общественного интереса к теме оstarбайтеров. Издается ряд научных изысканий по теме, проводятся массовые мероприятия, выставки. Систематически проводится уникальный конкурс школьных сочинений об оstarбайтерах. И этот положительный опыт Россия должна, безусловно, перенимать.

Мы считаем, что проблема отношения германского военного и гражданского населения к восточным рабочим требует детального изучения как на уровне концептуальном, так и на уровне иллюстративном — для привлечения сведений свидетелей и участников тех событий.

В целом же данная тема нуждается в детальной разработке и в анализе, который предполагает исследование таких подпроблем, как религиозные воззрения восточных рабочих (духовный аспект), отношения между полами (гендерный аспект), участие «остов» в производстве материального продукта и особенности их работы в военной промышленности (экономический аспект), отношения между социальными группами, т. е. восприятие «остов» немецкими рабочими — и наоборот (социальный, этнический аспекты).

Особенно остро проблема трансформации стереотипов поведения отражалась на таких составляющих общества — социальных стратах, как дети и женщины, включенные в «нетрадиционные» виды деятельности, и вызванной в связи с этими обстоятельствами необходимостью психологической перестройки. Феномен участия женщины в войне был сложным уже в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности [Сенявская 1999]. Закономерным следствием становилась психологическая перестройка личности.

Листовки относятся к источникам, которые, с одной стороны, формировали стереотипы массового сознания, с другой — с разной степенью объективности фиксировали деятельность и поступки людей, через которые проявлялся их духовный облик. Теоретическим основанием исследования такого вида источников, как советские листовки,

мы избрали подход к анализу идеологических явлений, суть которого заключается в том, что идеология — это определённого рода деятельность, система субъект-объектных отношений.

Посредством листовок советская идеология в годы Великой Отечественной войны реализовывала следующие из своих основных функций: познавательную (влияла на осознание человеком своего места в социуме, переживающем всевозможные невзгоды военного времени); аксиологическую (формировала систему ценностей и норм поведения); программно-целевую (указывала цели и методы их достижения в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками); социально-организующую (в каждой листовке, в каждом воззвании подчеркивалась организующая и направляющая роль коммунистической партии); защитную (защита Родины и бескомпромиссная борьба с фашизмом до полного его уничтожения — вот цель каждого советского человека).

Основной информационный текст каждой листовки периода Великой Отечественной войны сопровождался целым рядом ярких по своей эмоциональности, но в то же время конкретных и убедительных лозунгов: «Предателям и изменникам нет и не будет пощады!»; «Кровь — за кровь, смерть — за смерть!»; «Смерть немецким оккупантам и их лакеям!» и так далее.

Активность, инстинкт самосохранения, сознание личности, проявляющееся в экстремальных ситуациях и условиях, позволяющих или блокирующих возможность проявить индивидуальные качества, проявляются как способность и способ самовыражения, самоидентификации. «Лозунги сопровождали советского человека на всём протяжении его жизни. Каждый лозунг имел свой психологический, не только массовый, но и индивидуальный смысл, обеспечивая, таким образом, проникновение идеологии в психологию», — пишет К. А. Абульханова [Абульханова 1997: 11]. Так, в обращении к советскому народу 22 июня 1941 г. были точно найдены простые и понятные слова, способствующие осознанию каждым человеком целей войны, поддерживающие уверенность в разгроме врага: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Во время войны сражающаяся сторона остро нуждается в примерах людей, активно борющихся и сопротивляющихся. В

советских листовках военного времени отводится большое место обращениям к населению, содержащим призывы к энергичным действиям в борьбе с оккупантами. Исходя из этого и не претендуя на исчерпывающий характер классификации, нам представляется возможным выделить четыре основных вида листовок:

1. С призывом к борьбе: «Фашистским захватчикам удалось прорваться на Кубань: ... Но недолго придётся гитлеровской сволочи гулять по кубанской земле.... Помогайте Красной Армии ускорять это желанное освобождение от фашистского рабства, помогите всеми силами и способами! Уходите в партизанские отряды, увеличивайте армию народных мстителей!»

2. С призывами к саботажу всех распоряжений немецких властей.

3. Со сведениями о предателях и изменниках.

4. С призывами о необходимости поддержки друг друга людьми, особенно находящимися в такой непосредственной близости к врагу, как в оккупации: «Всячески помогайте беглецам в пути, — говорится в листовке подпольной антифашистской организации «Освобождение Родины» Глинянского района Львовской области. — Накормите их, пустите переночевать. Покажите глухие дороги и сёла, через которые лучше идти, чтобы не попасть в руки гестапо...».

Специфичность идеологического воздействия на общество и отдельную личность заключается в том, что оно на один и тот же объект может действовать многократно. В процессе войны, в разные её периоды и с различных сторон советские граждане, германские оккупационные власти и войска вермахта подвергались обоюдному идеологическому воздействию. При этом задачи политической работы и, соответственно, использовавшийся пропагандистский инструментарий претерпевали изменения в течение каждого периода войны, главным образом, исходя из необходимости меняющейся военной обстановки и вследствие политики партии, державшей под строгим контролем идеологию государства.

В столь грозном и в высшей степени непримиримом противостоянии могла победить только та система приоритетов и ценностей, которая, безусловно, была не просто объективно справедливой, но и наиболее укоренённой в структуре личности под-

держивающих её людей. Можно констатировать, что мощная, всесторонняя, целенаправленная советская пропаганда в период Великой Отечественной войны эффективно выполнила свои функции.

В настоящее время проблематика Второй мировой и Великой Отечественной войн переживает свое возрождение, несмотря на то, что события уже достаточно далеко отстоят от современных поколений россиян. Об этом позволяют судить новейшие веяния в западной историографии, изменения в методологии отечественных исследований, неугасаемый исследовательский интерес к проблематике войн и вооруженных конфликтов, а также тенденции последних лет — дискуссия о пересмотре итогов Второй мировой войны, более того, конкретные действия, направленные на реабилитацию фашизма и предпринимаемые в ряде государств постсоветского пространства.

Пересмотр итогов войны открывает путь к пересмотру решений Нюрнберга. Последствием может стать возрождение старой, «донюрнбергской», морали с ее представлениями о естественности и нормальности межгосударственных войн и неравноправном положении этнических групп. Отличительной особенностью описываемого процесса становится его неявный, латентный характер. Большинство прецедентов либо позиционируется в формате локальных конфликтов, либо декларируется, что они не

имеют прямого отношения к пересмотру итогов Второй мировой войны. Тем не менее, процесс принимает весьма устойчивый характер, и научное сообщество не может пройти мимо данного факта.

Поэтому, на наш взгляд, честные, строго научные исследования по истории Второй мировой войны имеют в настоящее время выраженную и исследовательскую, и практическую компоненту актуальности, большое общественно-политическое значение, так как являются существенным вкладом в высокую гуманную миссию сохранения исторической памяти народа о войне и формирования индивидуального нравственного поля новых поколений. Тем более, что и современная ситуация в России ярко демонстрирует идеологический вакуум, дефицит национальной идеи. Слово «идеологический» мы употребляем, безусловно, в позитивном смысле — как концентрирующий в себе генерализующие идеи, идеалы и ценности общества и отдельного индивида.

Одной из методологических особенностей источниковедческих подходов к научной интерпретации социальной истории периода Великой Отечественной войны является как проявляемое современными исследователями внимание к ранее мало исследованным проблемам войны, так и привнесение существенных корректив в методические и смысловые характеристики исследуемых сюжетов.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Ин-т психологии РАН, 1997. 336 с.
- Володихин Д. М. [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_148.html/ (дата обращения: 04.06.2013).
- Гольцов В. И. Введение в историю. Научоведческие и методологические аспекты исторической науки: учеб. пособие. Самара: Самар. ун-т, 2002. 45 с.

- Сенявская Е. С. Женщина на войне глазами мужчин (Психологический экскурс в историю России) // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Мировосприятие и самосознание российского общества. М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 1999. Вып. 3. 1999. 250 с.
- Тартаковский М. С. Историософия. Мировая история как эксперимент и загадка. М.: Прометей, 1993. 336 с.
- Экштут С. А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Одиссей. 2002. № 3. С. 5–58.

References

- Abulkhanova K. A. [Russian Mentality: Cross-cultural and Typological Approaches]. In: [Russian Mentality: Issues of Psychological Theory and Practice]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS, 1997. 336 p. (In Russ.)
- Ekshtut S. A. [Conjunctive Mood in History: Incarnation of an Incompletion. Experience of Historiosophical Reflection]. *Odyssey*. 2002. No. 3. Pp. 5–58. (In Russ.)
- Goltsov V. I. [Introduction to History. Scientific and Methodological Aspects of Historical Science]. Samara: Samara University, 2002. 45 p. (In Russ.)

- Senyavskaya E. S. [Woman at War through the Eyes of Men (Psychological Excursion into Russian History)]. In: [Russian Mentality: Methods and Problems of Study. World Perception and Self-consciousness of Russian Society]. Iss. 3. Moscow: Institute of Russian History of the RAS, 1999. 250 p. (In Russ.)
- Tartakovsky M. S. [Historiosophy. World History as Experiment and Mystery]. Moscow: Prometei, 1993. 336 p. (In Russ.)
- Volodikhin D. M. An Internet resource: http://scepsis.net/library/id_148.html/ (accessed: June 4, 2013). (In Russ.)

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ:
МЕЖДУ ИЗОБРЕТЕНИЕМ ТРАДИЦИИ
И ВООБРАЖАЕМЫМИ СООБЩЕСТВАМИ***

Т. П. Хлынина

Если попытаться одним словом охарактеризовать суть советской национальной политики, то им рано или поздно окажется слово «конфликт». Конфликт, по большому счету, между дореволюционным прошлым, когда формировались взгляды теоретиков большевистской партии на природу и сущность национального вопроса в России, и пореволюционным настоящим, когда изменившаяся действительность потребовала принципиально иных практик его разрешения. Такими практиками на протяжении всей истории советского государства оказывались традиция и воображаемые сообщества, во имя освобождения которых они, собственно говоря, и изобретались [Государство 2011]. Будучи легко узнаваемыми и расхожими понятиями современного гуманитарного дискурса, они, как представляется, наиболее емко и последовательно отражают драматизм и идейный накал становящейся национальной политики государства «победившего пролетариата», позволяя, помимо всего прочего, прояснить и ее истоки.

Изобретение традиции: «В начале было слово...». Одним из главных изобретений советской власти, позволившим ей относительно быстро освоиться на «инородческих территориях», стала «колониальная политика царизма», нашедшая свое выражение в ленинской формуле «Россия — тюрьма народов». Не особо заботясь о толщине стен и степени комфортности «тюрем», лидер большевистской партии на долгие десятилетия определил ее восприятие в качестве таковой не только современниками, но и их потомками. Однако, если первое поколение ниспровергателей

«ненавистных оков прошлого» твердо верило своим идейным вдохновителям, то их преемники не особо задумывались над содержанием этого наследия. Более того, со временем оно превратилось в неиссякаемый источник вдохновения для строителей нового социалистического общества. Именно ими, ставшими вместилищем всех бед «эксплуатируемого трудового народа», обосновывалась необходимость «преодоления дикой отсталости и закрепощенности» населения национальных окраин страны. Будучи эффективной практикой решения текущих задач власти, подобное видение весьма пагубно сказывалось на состоянии исторических исследований, все чаще становящихся выразителями социального заказа эпохи кардинальных преобразований.

Одним из таких изобретений как раз и является «национально-колониальное наследие царизма» — вплоть до недавнего времени привычное и практически единственное историографическое обобщение опыта национальной политики Российской империи. Его содержание в советской исторической науке, за редким исключением, оценивалось как негативное. Исследователи пытались совместить в нем, с одной стороны, уровень удовлетворения требований национального равноправия народов, с другой стороны — практическую целесообразность государственной политики в области национальных отношений. Поэтому, когда возникала необходимость конкретизации данного понятия, реальные события неизбежно приобретали характер «колониальных устремлений царского правительства по отношению к инородческим окраинам». Объективной причиной тому становится и

* Работа выполнена в рамках проектов «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории»; «Управление полиэтничным макрорегионом России: исторический опыт и современные проблемы» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 32 «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного региона в условиях роста напряженности».

многовековое расширение границ Российской империи, зачастую имевшее далеко не мирный характер. Постоянная реификация исследовательских категорий в области прошлого, в конечном итоге, порождала действительность, чей образ лишь отчасти соответствовал реальности, что не могло не сказаться и на восприятии национального вопроса, состояние которого в дореволюционное время стало неотъемлемой составляющей большевистской политики. Для современного исследователя, да и образованного читателя, сам факт существования национального вопроса в многонациональной стране не вызывает сомнения. Тем не менее, его появление именно в такой формулировке датируется не ранее второй половины — последней трети XIX в. и скорее навеяно интеллектуальным обаянием эпохи Просвещения, нежели отечественными реалиями. Более привычным и употребительным вплоть до начала прошлого столетия оставалось словосочетание «инородческий» (или «окраинный») вопрос, суть которого сводилась к правовому урегулированию взаимоотношения центра и включаемых в орбиту его деятельности территорий.

Существующие на сегодняшний день исследования, несмотря на всю небесспорность содержащихся в них положений, позволяют говорить, по крайней мере, о трех наиболее очевидных принципах регулирования пресловутого «вопроса». Во-первых, основным типом взаимосвязи между отдельными территориями империи являлась хозяйственная иерархия, не обязательно сопровождавшаяся «нешадной» эксплуатацией нижестоящих. Во-вторых, механизм распространения российской системы управления на окраины имел волнообразный и не всегда рациональный характер, военные методы насаждения порядка сочетались со стремлением учитывать местные особенности и сохранить традиционные формы регулирования общественной жизни. В-третьих, национальные отношения регулировались на государственно-юридическом уровне и отражали общую проблему правового неравенства российских подданных. Стержнем в подходе к решению инородческого вопроса являлся постоянный поиск государством надежной связи с окраинами. В разное время эта связь обеспечивалась посредством торговых, культурных, политических контактов, позже — правовой регламентацией взаимоотношений. Стремления к ее преры-

ванию среди российских народов вплоть до начала революционных потрясений 1905–1917 гг., за редким исключением, не наблюдалось. Так, на состоявшемся в конце июня 1916 г. в Лозанне III съезде «Союза национальностей» представители Финляндии, Бухары, Хивы и польская группа требовали полной «территориальной» независимости. Представители черкесов и дагестанцев довольно нерешительно настаивали перед союзниками (Англия, Франция, США) на освобождении их от московского ига, грузинская и среднеазиатская делегации выдвигали исключительно культурно-просветительские лозунги [Милуков 1925: 181].

Неопределенность национальных «ощущений» получила отражение и в законодательных актах Временного правительства. Сложные процессы государственного строительства в послефевральской России являлись следствием социальных конфликтов и недостатков прежней системы управления [Сенцов 1987: 9]. Парализовав на какое-то время старый аппарат управления, Февральская революция внесла в его деятельность частичные изменения. Была проведена глубокая децентрализация, разрушено органичное единство центра и мест. Во многих городах и районах стали параллельно функционировать советы и гражданские комитеты. Опубликованное 20 марта 1917 г. постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений носило весьма общий характер. События значительно опережали законодательную деятельность правительства. В результате усиливались автономистские и федералистские тенденции, регионы настойчиво выдвигали перед центром свои требования. Рассмотрим, как происходило осознание необходимости обретения автономии и что изначально она собою подразумевала, на конкретном примере самоопределения кубанских адыгов.

9 апреля 1917 г. I съезд представителей населенных пунктов Кубани принял «Положение о временном самоуправлении Кубанской области». Согласно нему, высшим органом гражданской власти в области стал Кубанский областной совет, призванный обеспечить проведение в жизнь указаний Временного правительства, свободу выборов в Учредительное собрание и поддерживать общественный порядок [Сенцов 1987: 17]. Кубанская войсковая Рада конституировалась как самостоятельный и не подлежащий ведению совета орган. Координация

и согласование деятельности местных учреждений области возлагались на Исполнительный комитет, состоявший из представителей казачьего сословия (7 чел.), иногородних (7 чел.), горцев (4 чел.), Казачьей Рады (8 чел.), Совета рабочих и войсковых депутатов (2 чел.). В структуре Исполкома предполагалось создание Комиссии по самоуправлению горцев. Однако затянувшийся период становления органа «социального согласия» дал возможность комиссару Временного правительства на Кубани К. Л. Бардижу 4 июля 1917 г. издать указ о его роспуске.

Отдельные представители адыгов, ратовавшие за получение самоуправления и автономии, первоначально безоговорочно поддерживали органы Временного правительства и Кубанскую Раду, неоднократно подчеркивая отсутствие стремления к *«особому краевому выделению»*. Как правило, их заявления ограничивались требованиями открыть школы и организовать обучение на родном языке. Но период активного сотрудничества с Кубанской Радой в надежде на получение «культурно-просветительского» самоуправления закончился в связи с появлением лозунгов *«единой и неделимой, самостоятельной Кубани»* и переориентацией адыгской знати и интеллигенции на национальные круги Северного Кавказа.

1 и 5 мая 1917 г. на съезде горских племен Северного Кавказа было принято решение об образовании Союза горцев и племенных самоуправлений для более решительной борьбы против революционных сил края. 7 октября Кубанская Краевая Рада приняла «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае». Высшим органом государственной власти провозглашалась Краевая Рада, исполнительным — Кубанское правительство, в состав которого, помимо казаков, должны были войти 2 представителя от иногородних и 1 — от горского населения. Несколько раньше, 20–25 сентября 1917 г., II конференция представителей горских народов предприняла попытку создания федерации «Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кубани и вольных народов степей» для поддержания порядка и спокойствия на территории союза, содействия его участникам в устройстве внутренней жизни и решения других задач [Сенцов 1987: 17].

В ноябре 1917 г. Союз горцев Кавказа попытался оформить государственную не-

зависимость под турецким протекторатом. Но владикавказское правительство Г. Бамматова — Т. Чермоева, поставившее вопрос об отделении Северного Кавказа от России, просуществовало недолго. Уже широко распространились большевистские лозунги «национального самоопределения». Кратковременность первого периода существования советской власти в области (март 1917 — январь 1918 гг.), несмотря на деятельность Комиссариата по горским делам в составе Кубано-Черноморской Советской Республики и Коллегии по национальным делам ЦИК Северо-Кавказской Советской Республики, не позволила ей осуществить собственный вариант решения национального вопроса в регионе.

Возникшие в период Гражданской войны идеи создания Южно-Кавказского государства с включением территорий Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, а также Юго-Восточного Союза казачьих областей так и остались проектами [Кавказский 1924: 70]. В целом, «белый этап» в истории Кубани усилил казачий сепаратизм и стремление к «самостийности», вылившееся в конфликт краевого правительства с А. И. Деникиным, и выявил проблему взаимоотношений региона с центром.

Борьба между кубанской «самостийностью» и «национальной Россией» окончательно предопределила позицию адыгских национальных кругов. Слабость северокавказских «национально-сепаратистских» сил, существенно подорванных войной и внутренними распрями, политическая индифферентность населения горских аулов, ориентация националистических групп на Турцию, не находившая поддержки в общественном сознании, не позволили реализовать идею автономного самоуправления, оставив ее в эмбриональном состоянии.

Идеи социального и национального освобождения, порожденные Манифестом 17 октября 1905 г., Первая мировая война усилили центробежные стремления окраин и процесс роста национального самосознания народов. Конституционные дебаты Временного правительства, ограничившиеся заявлениями общего, сугубо декларативного, характера об отмене национальных ограничений, и активно развернувшаяся агитация большевиков, щедро обещавших самоопределение вплоть до территориального отделения, толкали национальные движения на поиски сближения с самой радикальной ча-

стью российской социал-демократии, в котором прежде всего виделось настойчивое стремление оградить себя от надвигавшегося революционного хаоса.

Национальный вопрос и воображаемые сообщества. Революционное обновление всех сфер общественной жизни сопровождалось и поиском принципиально иных способов решения национального вопроса. Вопроса, который требовал не только принятия безотлагательных мер, но и теоретического осмысления своего места во внутренней и внешней политике большевистской партии. Такое осмысление началось еще до революции и получило свое наиболее полное воплощение в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Анализ их произведений, посвященных природе возникновения национального вопроса, его значению для судеб революции, а также ее исхода, свидетельствует о двух важных обстоятельствах: во-первых, об отсутствии принципиальных разногласий между позициями архитекторов советской национальной политики; во-вторых, о довольно специфической особенности самой национальной политики, которая разрабатывалась для решения проблем по большей части воображаемых сообществ, наделяемых «идеальными» качествами и призванных в перспективе стать советскими нациями.

Содержание так называемых «украинских», «кавказских» и иных «национальных вопросов» в организационном плане сводилось В. И. Лениным к поиску наиболее приемлемых, эффективных форм и методов, механизмов управления окраинами из центра (Москвы) и, в конечном итоге, к созданию марксистских национальных государств, зависящих от одного революционного центра [Ленин 1974: 42–47]. Ленинская идея медленной, более мирной, менее насильственной ассимиляции народностей, нашедшая воплощение в далеко идущих проектах создания различных союзов (Союза Советских Республик Европы и Америки, мировой советской республики, Союза Советских Социалистических Республик), была использована Сталиным в качестве фундамента построения унитарного социалистического государства и осуществлялась форсированными методами.

Первое обращение Сталина к национальному вопросу относится к сентябрю 1904 г., когда он связал его происхождение с появлением пролетариата. По словам

Сталина, «на арену борьбы выступил новый класс, пролетариат, и вместе с ним возник новый вопрос, национальный вопрос пролетариата». Почвой для его возникновения он назвал необходимость объединения всех рабочих без различия национальности для победы пролетариата [Сталин 1946а: 35–37]. В разрушении национальных перегородок и уничтожении национальной замкнутости с целью более тесного сплочения российских пролетариев заключалось основное содержание программ решения национального вопроса российской социал-демократией.

Два десятилетия спустя, уже будучи главой советского государства, Сталин четко обозначил вехи «ленинской эпохи» в развитии национального вопроса: превращение его из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий и международный, из чисто правовой проблемы в вопрос о поддержке, действенной и постоянной помощи угнетенным нациям в их борьбе с империализмом за действительное равенство наций, которое могло быть достигнуто только на почве пролетарской революции [Сталин 1947а: 139]. Причем этой «действенной и постоянной» поддержки заслуживали лишь те национальные интересы и требования, которые двигали или могли двинуть вперед классовое сознание пролетариата. Так как численность пролетариата в отношении общего количества населения «национальных окраин» являлась незначительной, то функции их «освободителя» были переданы Российской социал-демократической рабочей партии. Именно ей надлежало завоевать для угнетенных наций право на решение национального вопроса и добиться, чтобы желания этих наций оказались подлинно социал-демократическими, исходили из классовых интересов пролетариата [Сталин 1946а: 52].

Необходимым пунктом в решении национального вопроса признавался принцип национального самоопределения, «ставшего одним из стержневых: ведущих понятий столетия» [Боффа 1990: 70]. Первоначально зафиксированное в партийной программе в качестве «права устраивать свои национальные дела соответственно своим желаниям» [Сталин 1946а: 49], данное понятие постепенно уточнялось, меняя свой смысл. В получившей восторженный ленинский отзыв статье «Марксизм и национальный вопрос» [Сталин 1946б] Сталин, трактуя право на самоопределение как са-

мостоятельное определение нацией своей судьбы, когда никто не смеет насильственно вмешиваться в ее жизнь, разрушать школы и прочие учреждения, ломать нравы и обычаи, стеснять язык и урезать права, пояснил, что это вовсе не означает поддержки социал-демократией всех и всяких национальных обычаев и учреждений.

В марте 1917 г. в качестве одного из путей к действительному уничтожению национального гнета большевики предполагали обеспечить право на самоопределение тем нациям, которые по тем или иным причинам не могли оставаться в рамках единого государства [Сталин 1946в: 19].

Но уже сталинское выступление на VII (Апрельской) конференции РСДРП (б) 1917 г. и принятая на ней резолюция по национальному вопросу свидетельствовали о том, что большевики сделали серьезный шаг в определении возможностей практической реализации принципа самоопределения наций. Предоставляя угнетенным народам, входившим в состав России, самостоятельность в решении вопроса устройства политической жизни, резолюция акцентировала внимание на *«непозволительности смешивать вопрос о праве наций на свободное отделение с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент»*. Несомненно, что последний решался в каждом отдельном случае с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата [Коммунистическая 1983: 503–504].

Право наций на самоопределение окончательно оформили резолюция III Всероссийского съезда советов в январе 1918 г., понимавшая его *«в духе самоопределения трудовых масс всех народностей России»* [Декреты 1957: 311], и новая программа РКП (б) в марте 1919 г., разъяснившая с историко-классовой точки зрения, кто являлся носителем воли нации к определению [Коммунистическая 1983: 79]. Право на самоопределение предусматривало две основные формы реализации: 1) политическую автономию для областей, представлявших целостную хозяйственную территорию с особым бытом и национальным составом населения, с делопроизводством и преподаванием на своем языке; 2) отделение для наций, которые не могли и не хотели оставаться в границах целого [Сталин 1946в: 19].

Еще в январе 1913 г. Сталин охарактеризовал областную автономию как *«единственно верное решение для наций, кото-*

рые по тем или иным причинам предпочитают оставаться в рамках целого» [Сталин 1946б: 361]. В качестве ее преимуществ он назвал определенное население, живущее на определенной территории, слом национальных перегородок и объединение населения для размежевания другого рода, по классам, возможность наилучшим образом использовать природные богатства области. Четыре года спустя Сталин связал создание автономии областей России с радикальным и окончательным решением национального вопроса [Сталин 1946в: 27]. III Всероссийский съезд советов отнес область, естественно сочетавшую в себе особенности быта, своеобразие национального состава и некую минимальную целостность экономической территории, к субъекту федерации [Сталин 1947б: 69].

Возрожденный в послеоктябрьский период принцип федеративного устройства как формы взаимодействия советских республик на время переходного периода стал необходимым связующим звеном на пути от декларативно независимых областей к унитарному социалистическому государству добровольно объединившихся трудящихся. Конституированная как федерация советских национальных республик на основе свободного союза свободных наций [Ленин 1969: 221], Советская республика нуждалась в обеспечении прочного союза между центром и окраинами России. Необходимость подобной связи прежде всего диктовалась доведением до конца дела революции, что являлось невозможным без поддержки менее развитых, но богатых ресурсами окраин [Сталин 1947б: 351]. В выступлении на III Всероссийском съезде советов Сталин подчеркнул, что принцип территориального отделения противоречил не только *«постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами»*, но и интересам народных масс, подрывая революционную мощь центральной России. По его мнению, отделившиеся неминуемо должны были попасть *«в кабалу международного империализма»* [Сталин 1947б: 352].

Право на отделение, постепенно заменявшееся правом на объединение, принимало разнообразные формы советской автономии. Ее эластичность — от узкой административной автономии (немцы Поволжья, чуваша, карелы) к более широкой политической автономии (башкиры, татары

Поволжья, киргизы), к расширенной форме автономии (Украина, Туркменистан) и высшей ее форме — договорным отношениям (Азербайджан) — позволила охватить все многообразие окраин России, стоявших на различных ступенях экономического и культурного развития, а также «поднять к политической жизни самые отсталые и разнообразные в национальном отношении массы, связав их с центром самыми разными путями» [Сталин 1947б: 355]. По мнению Сталина, производя административный передел на началах областной автономии (абсолютно неважным признавалось, где пройдет граница, лишь бы сохранился союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией), Россия сделала крупный шаг вперед по пути сближения власти с широкими народными массами окраин, сплотив их вокруг пролетарского центра.

Исследования советских правоведов 1920-х гг. в области государственно-правовых форм решения национального вопроса едины в понимании чрезвычайной условности возможностей автономии, обладавшей правовым статусом лишь до тех пор, пока он признавался вышестоящим органом власти. При таком положении существовало два пути закрепления автономии: насильственный переход в самостоятельное государство и превращение союза в конфедерацию либо, что больше соответствовало большевистской установке, узкий автономизм с уклоном в сторону унитаризма. В данном случае гарантом автономии выступала федерация. Взаимосвязь автономии с центром вырисовывалась в качестве принятия «дружеского совета» центра взять на себя столько самоуправления, сколько ей по плечу [Архипов 1923: 40].

Правоведы отметили трудность национального вопроса и оригинальность его решения в первые годы революции: не «национальные окраины» обращались к центральной власти с требованиями свободы и самоопределения, а центр настойчиво приглашал эти «забытые, брошенные, униженные окраины» созывать свои учредительные съезды советов, организовываться в своих территориальных границах и, в зависимости от революционных возможностей той или иной нации, от численности трудящихся, материальных ресурсов, устанавливать соответствующие формы развития нации (эта функция закреплялась за центром).

Весьма показательны в этом отношении исследования региональной специфики осуществления ленинской национальной политики в первые годы советской власти. Вопреки положению о популярности в народном сознании идеи национального самоопределения, советские историки убедительно продемонстрировали, с одной стороны, длительное и отличное от представлений центра понимание трудящимися массами окраин данной идеи в ее советском варианте. С другой стороны, показали упорное и не менее длительное сопротивление местных руководящих органов самоопределению «как вредному для революции и разъединявшему народы» процессу. Достаточно вспомнить известные в литературе примеры, квалифицированные как «ошибочное» нежелание руководства будущих Белорусской и прибалтийских республик самоопределяться.

Выступлением в печати в октябре 1918 г. секретарь Северо-Западного обкома РКП(б) В. Г. Кнорин, выражая мнение подавляющего большинства членов партии, подвел итоги дискуссии о «нецелесообразности создания (Белорусской. — Т. Х.) республики, которое неизбежно повлечет за собою ослабление единства с Россией, породит национальную рознь между поляками, евреями, русскими и белорусами». В. Г. Кнорин заявил: «Мы считаем, что белорусы не являются нацией, и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты» [цит. по: Куличенко 1973: 108]. В этом же ключе выдержаны и многочисленные резолюции латвийских коммунистических организаций: «Пролетариат Курзенской организации стоит за присоединение Латвии к России, так как с Россией мы связаны культурными и экономическими связями. Пролетариат не признает никакого самоопределения народов, потому что самоопределение народов превратилось только в вопрос власти для укрепления буржуазии» (ноябрь 1918 г.) [цит. по: Куличенко 1973: 113].

В подобных многочисленных свидетельствах трудно вычлениить их определяющую причину. Ортодоксальное ли это следование предреволюционной большевистской тактике полного неприятия «буржуазной» идеи национального самоопределения, внезапно приобретшей «пролетарскую необходимость», или практические соображения

элементарной стратегии выживания, гарантированной надежной и постоянной связью с революционной Россией? Однако, учитывая сложность внутренней и международной обстановки 1920-х гг., следует помнить и о тактических соображениях центральной власти. Объяснения столь настойчивому призыву к независимости «пограничных» территорий можно найти в письмах Центрального Комитета, успокаивавших «самоопределяющиеся части» федерации следующими аргументами:

- предлагаемая форма самоопределения не являлась актом отделения от России;
- «империалистическое» окружение упрекнуло бы советскую Россию в невыполнении обещанного самоопределения;
- наиболее существенный момент, как правило, не афишируемый, заключался в том, что пограничные территории рассматривались в условиях продолжавшейся войны в качестве «буферных зон», смягчавших удары международного империализма. В последующем автономная «буферность» смягчала удары уже чрезмерной советизации.

После Гражданской войны в отношении значительного числа народов, не успевших самоопределиваться, советской власти предстояло выполнять несколько необычную и специфическую функцию, а именно — оказывать помощь в оформлении отдельных племен в нации [Алиев 1926: 9] с соответствующим определением. Различные ступени автономизма и федерализма должны были олицетворять собою практическое воплощение в жизнь идеи советов, советской формы самоопределения и, не являясь уступкой националистическим тенденциям, стать естественным стилем советского государства.

Период между III и V съездами Советов отличался существенными изменениями в системе взаимоотношений между центральными и местными органами власти. Были ликвидированы наиболее самостоятельные областные объединения, проведена некоторая критическая переоценка принципа самоопределения наций. Игра в суверенитет начала серьезно восприниматься на местах и сопровождалась стремлением отделения от советской республики. Закрепленный в Конституции РСФСР 1918 г. статус национальной автономии с правом самостоятельного определения личного состава высших органов власти не подвергался изменениям

вплоть до принятия Конституции 1924 г. Единственным добавлением к политическим гарантиям автономным областям и республикам стало учреждение Совета Национальностей при Наркомнаце по вопросам, затрагивавшим интересы национальных меньшинств.

Особенностями возникавших автономных образований в этот период являлись: выход за рамки, предусмотренные первоначальной идеей автономии, образование в рамках прежних границ новых административно-территориальных единиц и, как правило, недолговечность подобных форм «упрочения советской власти». Анализ союзного законодательства, проведенный советскими исследователями 1920-х гг., показал сравнительную незначительность разработок правового положения автономной области, которая легче поддавалась обрисовке негативными, чем позитивными чертами и до принятия Конституции 1924 г. оставалась «национальной губернией».

Поворотным в национальной политике советской власти и административно-территориальном строительстве можно считать 1920 г. Отчетливо обозначилось стремление власти сосредоточиться на практическом воплощении провозглашенных принципов. Наблюдалось форсирование организации новых автономных единиц среди народностей, их не имевших; активно велась законодательная разработка прав и обязанностей существовавших органов и центральной власти; вырабатывались конкретные мероприятия по подъему производительных сил, улучшению экономического быта национальных окраин [Котляревский 1921].

Законодательное решение национального вопроса, с одной стороны, сводилось к юридическому оформлению политических установок правящего режима, видевшего в административно-территориальной автономии *«успешный залог нарастания сознания трудящихся масс, переходную ступень от племенной изолированности к полному экономическому единству, грандиозный культурный прогресс, идущий по руслу советского строительства, и условие последовательного отсложения трудящихся от мул и буржуазии»* [Трайнин 1923]. С другой стороны, оно являлось отражением большевистской концепции государственных национальных образований как переходных форм к полному объединению различных

национальностей России в единое централизованное советское государство. Их длительность и целесообразность существования целиком зависели от грядущей мировой пролетарской революции.

Таким образом, можно утверждать, что в интернационалистической доктрине большевизма национальный вопрос являлся частью общего вопроса о преобразовании существовавшего строя, служил средством борьбы за социализм и подчинялся принципам социализма. Центробежная энергия национализма была своевременно использована партией российского пролетариата в борьбе за власть и упрочение диктатуры пролетариата с помощью весьма условного и динамичного принципа самоопределения наций. Порожденный неравенством наций, выраженный, в основном, социальными и экономическими проблемами, национальный вопрос в большевистском понимании приобрел совершенно иной характер. Большевики, видевшие в российском пролетариате оплот советской власти, сузили национальный вопрос до проблемы превращения сельских обществ в промышленные нации. Важная роль в этом процессе отводилась праву на самоопределение, которое должно было ускорить социальное расслоение нерусского населения. Поэтому предоставление самостоятельности во многих случаях форсировалось центром.

Провозглашение территориальной автономии и ее закрепление в конституционном порядке в качестве наиболее целесообразного метода *«постепенного вовлечения трудящихся в орбиту государственного управления по мере развития их классового*

сознания» подготавливали почву для национального сепаратизма. Отвергнув принцип «культурной автономии» как соответствующий наследию предыдущего строя, новое государство уже на заре своего существования не только проигнорировало оптимальный вариант решения национального вопроса, но и заложило в некотором роде основу конфликтов в этой сфере. Нельзя не согласиться с утверждением А. Авторханова об отсутствии в строгом смысле национальной политики и наличии лишь тактики партии в национальном вопросе [Авторханов 1991: 24], тесно связанном с социальным переустройством общества и нацеленном на создание наций нового типа — мобильных коллективов людей с присущими им культурными особенностями.

Отождествив решение национального вопроса с социально-экономическими преобразованиями, большевики в значительной степени искусственно стимулировали у нерусских народностей стремление к самоопределению с целью приобретения поддержки русским пролетариатом «угнетенных в прошлом» народов. Без этой поддержки *«невозможно было бы упрочить советскую власть, насадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов»*, которая окончательно оформилась с созданием СССР [Сталин 1947а: 146]. Своим появлением она во многом была обязана изобретенной традиции и воображаемым сообществам, превратившимся к этому времени во вполне осязаемые величины советской национальной политики.

Литература

- Авторханов А. Империя Кремля. Минск: Полифакт, 1991. 115 с.
- Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северокавказском крае. Итоги и перспективы. Ростов н/Д.: Крайнаиздат, 1926. 128 с.
- Архипов К. Типы советской автономии (Из очерков по автономно-федеративному строительству Советских республик) // Власть Советов. 1923. № 8–9. С. 39–47.
- Бюффа Дж. История Советского Союза: В 2 т. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1990. 629 с.
- Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. 376 с.
- Декреты Советской власти: В 3 т. Т. 2. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1957. 397 с.
- Кавказский горест. Прага. 1924. № 1. С. 68–72.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. 605 с.
- Котляревский С. А. Обзор правовой деятельности органов РСФСР в области национальной и автономно-федеративной политики за 1921 год // Совет. право. 1921. № 1. С. 100–107.
- Куличенко М. И. О налаживании государственных взаимоотношений народов страны

- Советов в 1917–1919 гг. // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л.: Изд-во «Наука», Лен. отд., 1973. С. 96–118.
- Ленин В. И. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Политиздат, 1969. С. 218–224.
- Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины // Полн. собр. соч. Т. 40. М.: Политиздат, 1974. С. 42–47.
- Милюков П. Н. Национальный вопрос в России: происхождение национальности и национальных вопросов в России. Прага: [Б.и.], 1925. С. 154.
- Сенцов А. А. Рождение Кубано-Черноморской Республики. 1917–1918 гг. Краснодар: Кн. изд-во, 1987. 124 с.
- Сталин И. В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос // Соч. Т. 1. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1946а. С. 32–55.
- Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1946б. С. 290–367.
- Сталин И. В. Об отмене национальных ограничений // Соч. Т. 3. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1946в. С. 16–19.
- Сталин И. В. Об основах ленинизма // Соч. Т. 6. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1947а. С. 69–188.
- Сталин И. В. Выступление на 3 Всероссийском съезде Советов РСФСР // Соч. Т. 4. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1947б. С. 17–369.
- Трайнин И. О. О племенной автономии // Жизнь национальностей. 1923. № 2. С. 19–26.
- Aliev U. [National Issue and National Culture in North Caucasian Region. Results and Prospects]. Rostov-on-Don: Krainazizdat, 1926. 128 p. (In Russ.)
- Arkhipov K. [Types of Soviet Autonomy (from Essays on Autonomous and Federative Construction of Soviet Republics)]. *Power of Soviets*. 1923. No. 8–9. Pp. 39–47. (In Russ.)
- Avtorkhanov A. [The Kremlin Empire]. Minsk: Polifakt, 1991. 115 p. (In Russ.)
- Boffa G. [History of the Soviet Union]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: International Relations, 1990. 629 p. (In Russ.)
- [The Caucasian Highlander]. Prague. 1924. No. 1. Pp. 68–72. (In Russ.)
- [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1983. 605 p. (In Russ.)
- [The Decrees of the Soviet Power]. In 3 vol. Vol. 2. Moscow: State Publ. House, 1957. 397 p. (In Russ.)
- Kotlyarevsky S. A. [Review of the Legal Activities of the RSFSR Bodies in the Sphere of National and Autonomous Federal Policy in 1921]. *Soviet Law*. 1921. No. 1. Pp. 100–107. (In Russ.)
- Kulichenko M. I. [Concerning the Establishment of the State Relations of the Soviet Peoples in 1917–1919]. In: [Problems of the State Building in the First Years of the Soviet Power]. Leningrad: Nauka, 1973. Pp. 96–118. (In Russ.)
- Lenin V. I. [Declaration of the Rights of the Working and Exploited People]. In: [Complete Collection of Works]. Vol. 35. Moscow: Politizdat, 1969. Pp. 218–224. (In Russ.)
- Lenin V. I. [Letter to the Workers and Peasants of Ukraine]. In: [Complete Collection of Works]. Vol. 40. Moscow: Politizdat, 1974. Pp. 42–47. (In Russ.)
- Milyukov P. N. [National Issue in Russia: Origin of Nationality and National Issues in Russia]. Prague: [w/o publ.], 1925. P. 154. (In Russ.)
- Sentsov A. A. [Birth of the Kuban-Black Sea Republic. 1917–1918]. Krasnodar: Book Publ., 1987. 124 p. (In Russ.)
- Stalin I. V. [How the Social Democracy Understands the National Issue]. In: Stalin I. V. [Collection of Works]. Vol. 1. Moscow: Gosizdat., 1946а. Pp. 32–55. (In Russ.)
- Stalin I. V. [Marxism and the National Issue]. In: Stalin I. V. [Collection of Works]. Vol. 2. Moscow: Gosizdat., 1946б. Pp. 290–367. (In Russ.)
- Stalin I. V. [On Cancelling of National Restrictions]. In: Stalin I. V. [Collection of Works]. Vol. 3. Moscow: Gosizdat., 1946в. Pp. 16–19. (In Russ.)
- Stalin I. V. [On the Foundations of Leninism]. In: Stalin I. V. [Collection of Works]. Vol. 6. Moscow: Gosizdat., 1947а. Pp. 69–188. (In Russ.)
- Stalin I. V. [The Speech at the 3rd All-Russian Congress of Soviets of the Workers', Soldiers' and Farmers' Deputies]. In: Stalin I. V. [Collection of Works]. Vol. 4. Moscow: Gosizdat., 1947б. Pp. 17–369. (In Russ.)
- [The State of Nations: Empire and National Construction in the Age of Lenin and Stalin]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 376 p. (In Russ.)
- Traynin I. O. [Concerning Tribal Autonomy]. *Life of Nationalities*. 1923. No. 2. Pp. 19–26. (In Russ.)

ББК 63.3(2)61
УДК 947.084

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В 1917–1930-х гг.

С. М. Сивков, И. Г. Иванцов

Сегодня, как и много лет назад, с новой силой обострились проблемы государственного устройства страны, взаимоотношений народов, населяющих Россию. В этой связи как нельзя более актуальным является опыт истории России начала XX века. В то время многие известные политики, ученые, деятели различных партий, национальных объединений имели различные взгляды по вопросам национально-государственного строительства России. Особый интерес в этом плане представляют взгляды руководства Кубанского казачества начала XX века на национально-государственную проблематику.

Вопросы будущего государственного устройства Кубани и Черноморья начали активно обсуждаться уже летом 1917 г. Большой резонанс у общественности региона вызвало Государственное совещание, состоявшееся 12–15 августа в Москве. Подводя его итоги, А. Ф. Керенский отметил, что все участники высказали свое мнение о мерах, необходимых для спасения государства [Политические 1993: 381]. Результаты этого совещания обсуждались на Екатерининском Войсковом Совете, на котором Н. С. Рябовол впервые сказал о федерации как желательной форме будущего государственного устройства России [Скобцов 1991: 68].

После известных событий второй половины августа 1917 г. ситуация еще более усугубляется. По словам А. А. Сенцова, «под впечатлением разгрома августовской авантюры Корнилова в начале сентября руководство казачьих областей обсудило вопрос о региональной федерации. В Екатерининском 20–25 сентября конференция представителей казачьих автономных областей и горцев Кавказа приняла решение о создании „Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей“» [Сенцов 1994: 216]. В союзном договоре основной целью выдвинуто «достижение скорейшего учреждения Российской

демократической Федеративной республики с признанием членом союза отдельными ее штатами» [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Л. 2, 123]. В Черноморской губернии серьезно опасались создания Юго-Восточного союза. Так, председатель Сочинской городской думы Каченовский заявил о возможности поглощения губернии кубанским казачеством, имеющим виды на порты и курорты Черноморья [Реут 1993].

Вторая Рада приняла и утвердила 6–7 октября «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае» [ЦДНИ КК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 208. Л. 1–4: Временные 1917]. Этот документ, ставший фактически конституцией, по мнению Д. М. Сверчкова, «отдал руководящую роль в жизни исключительно казачьему, горскому и коренному иногороднему населению края, оставляя за бортом главную массу неказачьего населения» [Кубанец 1919: 3]. Так же этот документ оценивал и Г. Покровский [Покровский 1923: 17]. Согласно «Временным положениям», Кубанская область переименовывалась в Кубанский край, Войсковое Правительство — в Краевое, Войсковая Рада — в Краевую [Временные 1917: 4]. Коренным жителям в составе правительства края предоставлялось всего 3 места из 10, в том числе 1 для представителей горцев [Скобцов 1991: 69].

После свержения власти Кубанской рады на территории Кубано-Черноморья на короткое время установилась власть Советов, были созданы Кубанская и Черноморская республики, объединившиеся затем в Кубано-Черноморскую советскую республику. Их руководители, с одной стороны, заявляли претензии на некоторую автономию, с другой — считали эти образования неотъемлемой частью Советской России. Главным фактором автономизации, на наш взгляд, являлась попытка уберечь Черноморский флот от захвата германскими и турецкими войсками.

Летом 1918 г. начался конфликт между Кубано-Черноморской республикой и Грузией, претендующей на значительные территории на черноморском побережье. Следует отметить, что национальный состав Черноморской губернии в 1917 г. в процентном соотношении был следующим (в %): русские и украинцы — 63,4; армяне — 10,8; греки — 10,5; грузины — 5; черкесы — 1,8; поляки — 1,5; чехи — 1,2; молдаване — 1,2; евреи — 1,1; эстонцы — 1,1; персы, турки — 1,0; другие народы — 1,3 [НФ ГА КК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 18: Кубано-Черноморский 1922: 42]. Как видно из приведенных данных, грузины не составляли большинства населения губернии.

Этот кризис назревал еще с подписания Брестского договора, которое привело к отдалению Закавказья от России. Закавказский сейм и правительство объявили договор, заключенный без их ведома, лишенным международного права [Фельштинский 1992: 318]. Руководство Грузии, Армении и Азербайджана заявило 9 апреля 1918 г. о создании Закавказской Демократической Федеративной Республики, однако история этого образования была недолгой [Цветков 2008: 9]. При этом новое правительство Грузии отказалось признать вновь образованное правительство Абхазской республики и повело борьбу с ее сепаратистскими действиями. Председатель ВРК Абхазии Е. А. Эшба обратился к руководству Кубано-Черноморской республики с просьбой оказать военную, финансовую и продовольственную помощь [Борьба 1957: 68]. Позднее, 11 мая, руководители Абхазии обратились к В. И. Ленину и Г. К. Орджоникидзе с просьбой об отправке к Сухуми кораблей Черноморского флота [ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 580. Л. 25].

В конце июня 1918 г., в связи с затоплением Черноморского флота в Цемесской бухте, внешнеполитическое положение Кубано-Черноморской республики резко ухудшилось. В день начала интервенции в Цемесскую бухту зашли немецкие и турецкие корабли [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 842. Л. 1], в том числе линейный крейсер «Гёбен», державший в напряжении весь Черноморский флот с осени 1914 г. [Сивков 2010: 69–74]. Позиция Германии способствовала активизации грузинских меньшевиков, претендовавших на округа бывшей Черноморской губернии. По оценке И. П. Осадчего, «их газеты бесцеремонно требовали вос-

становления границ грузинского государства XIV века» [Осадчий 1987: 153]. Претензии на Гагринский округ, включенный в Черноморскую губернию в 1905 г. после постройки здесь курорта, обосновывались ссылками на «исторические границы» бывшего Абхазского царства. Притязания на Сочинский округ, в котором 36 из 50 селений были русскими, 13 «со смешанным пришлым населением», и «только одно грузинское» [Цветков 2008: 10], основывались на «заявлениях общественности», представленных решениями Черноморского крестьянского съезда.

15 июня 1918 г. немецкие войска высадились в Тамани, якобы по просьбе пятерых казаков [Империалистическая 1988: 113–114]. В это же время на территорию Кубани вторглись части Добровольческой армии А. И. Деникина, а 28 июня грузинские меньшевики вступили на территорию Сочинского округа. В районе Кудепсты и Хосты начался антибольшевистский мятеж. 3 июля грузины захватили Адлер и соединились с мятежниками. Советским войскам пришлось отступить. Сочинские руководители в спешном порядке эвакуировались в Туапсе. Одновременно с захватом Сочи (5 июля) временно исполняющий обязанности командующего красноармейскими частями Ковалев перебежал к врагу. Его заменил В. Лакоба. Казаки Белореченского полка, разграбив два вагона с продовольствием на ст. Лоо, самовольно бросили боевые позиции, и уехали домой [Козлов 1972: 68; Осадчий 1987: 154]. На стороне грузин выступили некоторые казачьи подразделения, например, сотня Орехова, состоявшая из 158 человек, — все, что осталось от полка, сформированного в июне в Майкопе и отказавшегося идти на Сухумский фронт [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 168. Л. 1; Борьба 1957: 91–93].

В докладе на утреннем заседании I окружного съезда Совета депутатов Геленджикского округа от 14 июля (по новому стилю) Евменьев отметил: «Чтобы укрепиться на Кубани и на Черноморском побережье, немцы соединились уже с недемократической частью казачества, а благодаря потоплению нашего флота, они теперь полные хозяева как Черного моря, так и всего побережья. В настоящее время Сочи уже занят грузинами...» [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 549. Л. 1–2]. 13(27) июля части генерала Г. И. Мазниева (Мазниаш-

вили) вошли в Туапсе, затем продвинулись до Хадыженской, а по побережью — до Архипо-Осиповки, Пшады и Михайловского перевала [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 168. Л. 1; Д. 105. Л. 4; Осадчий 1987: 153]. В докладе Казачьему отделу ВЦИК указывалось, что при взятии Туапсе, по рассказам очевидцев, грузинские войска проявляли гуманность, никого не расстреливали, противников даже не брали в плен, ограничившись лишь их разоружением [ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 3. Ч. 2. Л. 278]. В связи с активными боевыми действиями Добровольческой армии началось отступление так называемой Таманской армии. Красными частями в районе Туапсе соединение Мазниев было полностью разгромлено [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 583. Л. 11]. По оценке Е. И. Ковтюха, командовавшего 1-й колонной Таманской армии, численность этого соединения достигала 10 тыс. бойцов. *«В этой ожесточенной атаке — отмечал он, — почти вся грузинская дивизия была уничтожена»* [РГВА. Ф. 244. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2]. На этом фаза противостояния частей меньшевистской Грузии с войсками Кубано-Черноморской республики завершилась, и началось противостояние с Белой армией.

После восстановления советской власти на Северном Кавказе вопрос национально-государственного строительства, учитывая национальные и географические особенности региона, стал одним из ключевых. 9 января 1922 г. коллегия Наркомнаца вынесла решение об образовании Карачаево-Черкесской автономной области, в связи с чем из Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области выделилась Черкесия и 6 казачьих станиц. 27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области путем выделения земель из Кубанского и Майкопского отделов [Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012: 134, 143]. Кроме двух автономных областей, на территории Северо-Западного Кавказа было создано 4 национальных района и ряд национальных сельсоветов. Образование национальных административно-территориальных единиц районного и сельсоветского звена на Северо-Западном Кавказе совпадало с аналогичными процессами, происходившими в РСФСР. С определенной долей условности можно выделить три этапа этого процесса:

1. 1920–1925 гг., процесс районирования только начинался и не носил централизованного характера, но учитывал национальный аспект;

2. 1925–1933 гг., период массового зарождения и деятельности национальных административно-территориальных образований этнических меньшинств; о завершении этого процесса было заявлено в декабре 1933 г. на III Всероссийском совещании уполномоченных по делам нацменьшинств;

3. Середина 1930-х гг. – 1950-е гг., период реорганизации, а затем и ликвидации национальных районов и сельских советов по всей стране.

История Армянского национального района ведет свой отсчет с 1925 г. На территории Кубани больше всего армян проживало в Новороссийском (Черноморском) округе — 27 729 чел. Чуть меньше проживало их в Кубанском округе — 21 023 чел., и в Армавирском округе — 19 228 чел. В Краснодаре их было 12 848, в Армавире — 13 768 [Скорик, Федина 2012: 95]. Меньше всего армян проживало в Майкопском округе. Тем не менее, Армянский национальный район был создан на территории Майкопского округа, поскольку здесь было возможно их компактное проживание и на эти земли никто не претендовал. Указом от 22 августа 1953 г. в Краснодарском крае из 72 существовавших тогда районов было упразднено 24, в том числе и Армянский район [Основные 1986: 116, 133].

В течение 1924–1925 гг. в Северокавказском крае были образованы 25 немецких сельских советов, планировалось дополнительное их создание. В начале 1927 г. секретариат Северокавказского крайкома ВКП (б) поручил партийной фракции крайисполкома представить свои соображения о возможности выделения немецких районных административных центров или укрупненных сельсоветов на территории Армавирского либо Кубанского округов [ЦДНИ КК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 744. Л. 8]. Такие возможности были изысканы, и уже через год, 27 февраля 1928 г., на территории Армавирского округа был образован Ванновский немецкий национальный район (Deutscher Nationalkreis Wannowskoje). Центром вновь созданного района стало село Ванновское (некоторое время именовалось Эйгенфельд). Хозяйства немецких колонистов в Армавирском округе являли собой *«образец грамотно налаженной работы»*. Необходи-

димось их сохранения и дальнейшего развития также была (помимо политических) причиной создания Немецкого района. В связи с началом Второй мировой войны немецкое население оказалось под подозрением возможного пособничества Германии, и 4 мая 1941 г. этот район ликвидировали, передав его территорию трем приграничным районам, а осенью немецкое население было *«рассредоточено вглубь страны»*.

Греческий район создали в соответствии с постановлением крайисполкома 27 февраля 1930 г. путем выделения части земель из Крымского района, куда в 1920-е гг. эмигрировали большие группы греков из Турции. Центром нового района стала станица Крымская, которая одновременно была и центром Крымского района. На 4 октября 1934 г. в районе насчитывалось 4 296 хозяйств, из которых было 1 830 греческих. Остальные 2 456 хозяйств были в основном русские. В этих хозяйствах проживало 11 907 русских, 9 341 греков, 562 молдавана, 433 армянина и 251 из представителей других национальностей. Кроме того, в районе насчитывалось 11 836 неземледельческих хозяйств (в основном русские) семей, которые в основном работали на производстве [ЦДНИ КК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 43. Л. 140]. Административные органы до 1934 г. размещались в станице Крымской, за пределами национального района, а с 1934 по 1938 гг. — в станице Неберджаевской. В 1935 г. в Греческий район полностью вошла территория Крымского района [ЦДНИ КК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 43. Л. 140].

Одной из главных особенностей района было то, что 60% греков, проживавших в районе, были иностранными подданными. Заметной проблемой для властей было поддержание греками-иностранцами связи с посольством Греции [ЦДНИ КК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 49. Л. 105–106]. Необходимо заметить, что количество греков — «иноподданных» было сильно занижено. Подавляющее большинство греков, считавшихся советскими гражданами, скрывали факт своего иностранного подданства. По мнению И. Г. Джухи, не менее 95 % греков были подданными Греции и не собирались принимать советское гражданство [Джуха 2008: 311]. По другим сведениям, иностранных подданных среди греков было 90 % [Хлынина 2007: 96–111]. 22 февраля 1938 г. Греческий район был лишен статуса национального и переименован в Крымский.

В 1924 г. на территории Черноморского (Новороссийского) округа Северокавказского края был образован Шапсугский национальный район. Предыстория его возникновения и обстоятельства, связанные с образованием района, достаточно подробно освещены в литературе [Хлынина 1997: 113–115]. Под воздействием волеизъявления шапсугского народа и в целях улучшения его положения Черноморский окружной исполнительный комитет утвердил провозглашенный 3-м съездом шапсугов национальный район. В его состав вошли аулы Туапсинского района, на территории которых проживало около 4 тыс. шапсугов; административным центром стал город Туапсе, находившийся вне пределов района. После длительных тяжб, препирательств и доказательств неудобства сложившегося положения дел в 1926 г. центром Шапсугского национального района стал аул Красно-Александровский. В 1934 г. центр Шапсугского района был перенесен в село Лазаревское [Основные 1986: 79, 90–93].

Распространение выработанной в 1917–1922 гг. модели национально-государственного устройства на всю территорию государства закладывало основу для обособления на национальной почве, что в определенных регионах приводило к ущемлению прав иного населения, в том числе русского. Так, при проведении перевыборной кампании 1924 г. в Адыгейской (Черкесской) АО, из 32 председателей сельсоветов черкесы составили 27 человек, из 5 председателей райсоветов — 4, из 33 членов областного исполкома — 22. Это явилось следствием утвержденного II областным съездом трудящихся (12–19 декабря 1923 г.) Черкесской автономной области направления на ускорение темпов и углубления «очеркшивания» советского аппарата [Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012: 149], хотя на том же съезде отмечалось отсутствие опытных работников-черкесов. Напомним, что в Адыгее в 1924 г. русские составляли половину населения области [Хлынина 1997: 118].

Создание районных, окружных и областных автономий в Северокавказском крае осложнялось чрезвычайно смешанным территориальным размещением народов, слабостью их социально-экономических ресурсов, неравномерностью развития различных регионов, межнациональными конфликтами. Кроме того, национально-госу-

дарственное строительство на Северном Кавказе нельзя рассматривать вне ряда более масштабных задач, решавшихся ВКП(б) в данный период, в том числе вне общей стратегии национальной политики, а также процессов подавления любой оппозиции и упрочения партийно-государственной власти. Уже в начале 1930-х гг. партийно-государственное руководство было заинтересовано в максимальной централизации власти, в пресечении любого, даже мнимого сопротивления воле партии. Соответственно, в 1930-х гг. меняется вектор административно-территориальных реформ. От создания экономически автономных единиц власть перешла к разукрупнению единиц территориальной системы, чтобы формирующиеся элиты имели меньше возможностей самоорганизации.

В процессе реорганизации системы национальных административно-территориальных образований, начавшемся, как уже отмечалось, в середине 1930-х гг., можно проследить два этапа. На первом этапе (1935–1937 гг.) происходит коренной пересмотр национальной политики, в частности, в отношении этнических меньшинств. В этот период в процессе кампании по разукрупнению административного деления страны начинается завуалированный демонтаж системы низовых национальных образований, осуществляются первые депортации этнических меньшинств по национальному признаку. Ко второму этапу (1937–1939 гг.) относится массовая ликви-

дация низовых национальных образований в форме районов и сельсоветов, их реорганизация путем лишения специального статуса, переименования, изменения границ [Кайкова 2007: 18–19]. В марте 1939 г. Краснодарский крайком ВКП(б) принял решение преобразовать национальные районы в обычные районы [Игнатова 2005: 18–24].

Подводя итоги исследования, приходим к следующим выводам. С одной стороны, развитие национальностей (в том числе малочисленных и дисперсно расселенных) в рамках своих национальных образований способствовало сохранению малочисленными этническими группами своей национальной идентичности. С другой же стороны, процесс организации советских «малых форм» национальных автономий требовал больших расходов, осуществлялся по льготным нормам, часто пестовал национальный эгоизм, когда представители национальных меньшинств, незначительные численно и рассредоточенные чересполосно, ставили вопрос о создании своих национальных районов. Территориальное устройство по этнической принадлежности в ряде случаев приводило к культивированию национальной замкнутости, экономической неэффективности и другим негативным последствиям. На наш взгляд, непродуманная национальная политика государства часто сопровождалась завязыванием новых узлов межнациональных противоречий, последствия которых сказались десятилетия спустя.

Источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Новороссийский филиал государственного архива Краснодарского края (НФ ГА КК).
Российский государственный военный архив (РГВА).
Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК).

Литература

- Борьба за Советскую власть в Абхазии (1917–1921). Сб. документов и материалов. Сухуми: Абгосиздат, 1957. 218 с.
Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае. Екатеринодар: б/и, 1917. 38 с.
Джуха И. Г. Три поражения Сталина в Греции (Причины репрессий против греков в

СССР) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международной научной конференции. Краснодар: Экоинвест, 2010. С. 310–318.

Игнатова М. Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 27 с.

Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе / под ред. И. И. Минца. М.: Наука, 1988. 264 с.

Кайкова О. К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: Исторический опыт советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 20 с.

- Козлов А. И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917–1920 гг.). Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 1972. 166 с.
- Кубанец. 1917 и 1918 года на Кубани. Екатеринодар: б/и, 1919. 68 с.
- Кубано-Черноморский настольный календарь на 1922 г. Краснодар, 1922, 428 с.
- Осадчий И. П. За власть трудового народа: Историко-документальный очерк о борьбе за власть Советов на Кубани и Черноморье (1917–1920 гг.). Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1987. 272 с.
- Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) / сост. А. С. Азаренкова, И. Ю. Бондарь, Н. С. Вертышева. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1986. 396 с.
- Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1917–1919 гг.). Берлин: б/и, 1923. 279 с.
- Политические деятели России: 1917. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. 432 с.
- Реут Г. Мы можем оказаться брошенными на произвол судьбы // Черноморская здравница. 1993. 17 апреля.
- Сенцов А. А. Развитие российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар: Кн. изд-во, 1994. 252 с.
- Сивков С. М. Роль немецкого крейсера «Гёбен» в период первой мировой войны в акватории Черного и Средиземного морей (июнь 1918 г.) // Вестник Майкопского ГТУ. 2010. Вып. 3. С. 69–74.
- Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани // Кубань. 1991. № 5.
- Скорик А. П., Федина И. М. Миграционное перемещение армян в кубанские станицы в 1920-е гг.: опыт создания национального района // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 94–100.
- Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918 г. М.: Терра, 1992. 656 с.
- Хлынина Т. П. Адыгея в 1920-е годы. Проблемы становления и развития автономии. Краснодар: б/и., 1997. 127 с.
- Хлынина Т. П. «Синдром осажденной крепости», или как на Кубани появились национальные районы // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3. Краснодар, 2007. С. 96–111.
- Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.
- Цветков В. Капкан тифлиского коварства. Особенности политического курса Белого движения в отношении Грузии в 1918–1920 годах // Родина. 2008. № 11. С. 7–13.

Sources

- [The Contemporary History Documentation Center of Krasnodar Region]. (In Russ.)
- [The Novorossiysk Branch of the State Archives of the Krasnodar Territory]. (In Russ.)
- [The Russian State Military Archives]. (In Russ.)
- [The State Archives of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

- Dzhukha I. G. [Three Defeats of Stalin in Greece (Causes of Repression against Greeks in the USSR)]. In: [Issues of History of Mass Political Repressions in the USSR]. Conf. proc. devoted to the 70th anniversary of the All-Union census of 1939. Krasnodar: Ecoinvest, 2010. Pp. 310–318. (In Russ.)
- Felshtinsky Yu. G. [Crash of the World Revolution. Brest Piece: October 1917 – November 1918]. Moscow: Terra, 1992. 656 p. (In Russ.)
- Ignatova M. E. [Greek and German (Vannovsky) National Districts of Krasnodar Region in the 20–40s of the XX century]. Cand. Sc. thesis (History) abstract. Krasnodar, 2005. 27 p. (In Russ.)
- [Imperialist Intervention in the Don and North Caucasus]. I. I. Mints (ed.). Moscow: Nauka, 1988. 264 p. (In Russ.)
- Kaykova O. K. [National Districts and Village Councils in RSFSR: Historical Experience of the Soviet State in Solving the Problem of National Minorities in 1920–1941]. Cand. Sc. thesis (History) abstract. Moscow, 2007. 20 p. (In Russ.)
- Khlynina T. P. [“Syndrome of Besieged Fortress”, or How there Appeared National Areas on Kuban]. *The World of Slavs of Northern Caucasus*. 2007. Iss. 3. Pp. 96–111. (In Russ.)
- Khlynina T. P. [Adygeya in the 1920s. Problems of Formation and Development of Autonomy]. Krasnodar: [w/o publ.], 1997. 127 p. (In Russ.)
- Khlynina T. P., Krinko E. F., Urushadze A. T. [Russian North Caucasus: Historical Experience in Managing and Forming Regional Borders]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS Publ., 2012. 272 p. (In Russ.)
- Kozlov A. I. [The Struggle of the Black Sea Workers for the Power of the Soviets (1917–1920)]. Rostov-on-Don: Rostov State University, 1972. 166 p. (In Russ.)
- [Kuban-Black Sea Table Calendar for 1922]. Krasnodar, 1922. 428 p. (In Russ.)
- [Kubanets. 1917 and 1918 in Kuban]. Ekaterinodar: [w/o publ.], 1919. 68 p. (In Russ.)
- [Main Administrative-territorial Transformations in Kuban (1793–1985)]. A. S. Azarenkova, I. Yu. Bondar, N. S. Vertysheva (compl.). Krasnodar: Krasnodar. Book Publ., 1986. 396 p. (In Russ.)
- Osadchiy I. P. [For the Power of Working People: Historical-documentary essay about the struggle for the power of Soviets in Kuban and Black sea region (1917–1920)]. Krasnodar: Krasnodar. Book Publ., 1987. 272 p. (In Russ.)
- Pokrovsky G. [The Regime of Denikin. Year of Politics and Economy in Kuban (1917–1919). Berlin: [w/o publ.], 1923. 279 p. (In Russ.)
- [Political Figures of Russia: 1917]. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 1993. 432 p. (In Russ.)
- Reut G. [We may be Left to our Fate]. *Black Sea Resort*. 1993. April 17. (In Russ.)
- Sentsov A. A. [Development of the Russian State after the February Revolution of 1917]. Krasnodar: Book Publ., 1994. 252 p. (In Russ.)
- Sivkov S. M. [The Role of the German Cruiser “Göben” during the First World War in the Black Sea and Mediterranean Sea (June 1918)]. *Bulletin of Maikop State Technological University*. 2010. Iss. 3. Pp. 69–74. (In Russ.)
- Skobtsov D. E. [Three Years of Revolution and Civil War in Kuban]. *Kuban*. 1991. No. 5. (In Russ.)
- Skorik A. P., Fedina I. M. [Migration of Armenians to Kuban Villages in the 1920s: Experience of Creation of a National Region]. In: [Armenians of the South of Russia: History, Culture, Common Future]. Conf. proc. (Rostov-on-Don; May 30 – June 2, 2012). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS, 2012. Pp. 94–100. (In Russ.)
- [Struggle for Soviet Power in Abkhazia (1917–1921)]. Sukhumi: Abgosizdat, 1957. 218 p. (In Russ.)
- [Temporary Basic Provisions for Higher Authorities in Kuban Territory. Ekaterinodar: [w/o publ.], 1917. 38 p. (In Russ.)
- Tsvetkov V. [The Trap of Tiflis Cunning. Peculiarities of the White Movement Political Course towards Georgia in 1918–1920]. *Motherland*. 2008. No. 11. Pp. 7–13. (In Russ.)

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3.(2)622

**ПРИЗЫВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И КОМПЛЕКТОВАНИЕ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
НЕРУССКИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В 1920-е гг.**

А. Ю. Безугольный

В дореволюционный период в русскую армию не призывались десятки народов Российской империи, в том числе многие среднеазиатские, северокавказские, сибирские. Вместо действительной военной службы они выплачивали специальный налог. С 1870-х гг., с переходом от рекрутских наборов к всеобщим призывам, в российское законодательство была внесена норма о военной обязанности для нерусских народов, однако царскими указами их мобилизация ежегодно откладывалась «до Высочайшего соизволения». Этому препятствовали ненадлежащенность учета нерусского населения, отсутствие традиций службы в регулярной армии, языковой барьер и низкий уровень образования местных жителей, часто — политическая напряженность на окраинах империи, наконец, невысокая емкость армии, позволявшая обходиться по преимуществу славянским контингентом. Призыв «туземного», как его тогда называли, населения не был осуществлен и в период Первой мировой войны, когда России пришлось испытать колоссальное напряжение от нехватки людских ресурсов.

В годы Гражданской войны в России противоборствующие стороны широко вовлекали в вооруженную борьбу на своей стороне национальные меньшинства. Иногда национальные формирования становились решающими факторами в гражданском противостоянии, прямо влияя на исход военнополитической борьбы в том или ином регионе. В ряде случаев национальные формирования представляли собой партизанские отряды, укомплектованные добровольцами, не имевшие четкой структуры и системы соподчинения — всего того, что составляет существо армейской строевой части. После окончания активной фазы боевых действий такие формирования быстро распадались, что вполне соответствовало самой природе партизанской тактики борьбы. Нарком по

военным и морским делам М. В. Фрунзе характеризовал это явление просто: они «сами собой перестали существовать» [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 278].

Важнейшим контекстом, в котором развивались национальные формирования в 1920-е гг., являлась жесткая экономия средств разрушенного войной молодого советского государства. Квинтэссенцией экономической политики в военном строительстве можно считать призыв М. В. Фрунзе к «максимальному сокращению всего, что не является абсолютно необходимым» [Фрунзе 1926: 132]. Так, если к 1 октября 1922 г. численность РККА составляла 796,9 тыс. чел. [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 34. Л. 4], то к концу 1923 г. штатная норма была понижена до 582,5 тыс. чел., а списочная численность составляла 535 тыс. чел. [Реформа 2006: 90]. Реальный некомплект строевых частей, прежде всего стрелковых, достигал в этот период 44% [Народный 1925: 12]. Тем не менее, к 1 октября 1924 г. штатная численность РККА была доведена до 537,5 тыс. чел. [Реформа 2006: 265]. Списочная численность на 1 сентября 1924 г. составляла 478,5 тыс. чел, а налицо имелось 404,4 тыс. чел. [Реформа 2006: 267].

В первые годы после Гражданской войны очередные призывы в РККА не проводились. В 1922 г. был осуществлен допризыв граждан 1901 года рождения, не призванных по разным причинам во время Гражданской войны. Очередной призыв граждан 1902 года рождения, намеченный на весну 1923 г., не состоялся из-за нехватки средств на его проведение. Пришлось в очередной раз задержать демобилизацию красноармейцев, многие из которых несли службу уже четвертый-пятый год подряд [РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1437. Л. 3]. Лишь весной 1924 г. был осуществлен первый призыв мирного времени молодежи 1902 года рождения [РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 28. Л. 16].

В дальнейшем призывы проводились только осенью, с 1 октября по 1 ноября, как это было в царской армии. С 1928 г. сроки призывных кампаний расширились до двух месяцев — с 1 сентября по 1 ноября.

В 1921 г. было издано первое руководство по призывам военнообязанных в РККА [РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1702. Л. 16]. С середины 1920-х гг. призывы военнообязанных объявлялись особыми декретами СНК и проводились в жизнь распоряжениями РВС Республики. При объявлении призыва точно указывалось: какие возрасты и категории военнообязанных подлежат призыву; в каких именно местностях он должен быть произведен; первый день призывной кампании и т. д. Понятно, что при незначительной емкости вооруженных сил действительную службу в войсках в эти годы проходили далеко не все призывники, численность которых составляла приблизительно 1 200 тыс. чел. одного года рождения, из которых до 750 тыс. чел. признавались годными к строевой службе. Ежегодная потребность в призывниках исчислялась в 200—250 тыс. чел. В 1920-х гг. использовалась 4-ступенчатая система льготных категорий по образованию, семейному положению, профессии, здоровью и др. признакам. Сначала в армию зачислялись призывники безльготной категории, затем льготники 4-го разряда, 3-го и т. д. Эта система комплектования почти без изменений перешла из царской армии. В строевые части призывники попадали по жребию, который тянули лично [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 78]. Система жеребьевки также была унаследована от царской армии. Остатки контингентов, не принятых в армию, должны были проходить военную подготовку вневоинским порядком [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 427об.].

Вопрос о призыве представителей нерусских национальностей и национальных формирований в эти годы имел важнейшее политическое значение, особенно ввиду интенсивных объединительных процессов в послевоенные годы, окончившихся созданием в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик. Для элит национальных регионов СССР наличие воинских формирований, представлявших их этнос, было важнейшим символом национальной идентичности и залогом сохранения государственной и культурной независимости.

Законодательно вопрос о привлечении на военную службу представителей народов, ранее не служивших в армии, впервые был решен постановлением Совета Труда и Обороны (далее — СТО) «О призыве в ряды Красной Армии граждан не русской национальности Сибири, Туркестана и других окраин», подписанным В. И. Лениным 10 мая 1920 г. В первом пункте постановления указывалось, что граждане нерусских национальностей *«подлежат призыву в ряды Красной Армии на одинаковых основаниях с остальными гражданами РСФСР»*. Однако уже второй пункт постановления предусматривал возможность временного освобождения от призыва некоторых национальностей. Право освобождения было предоставлено местным органам власти по согласованию с губернскими военными комиссарами и Всероглавштабом. При этом освобождение граждан той или иной национальности от военной службы надлежало каждый раз утверждать в СТО с мотивированным объяснением необходимости этой меры. Все освобождаемые по постановлению подлежали привлечению к государственной трудовой повинности с учетом местных бытовых и хозяйственно-экономических условий [Декреты 1976: 175–176].

Во исполнение постановления СТО от 10 мая 1920 г. в июне 1920 г. временно исполняющий должность начальника Всероглавштаба РККА А. А. Самойло запросил соображения Наркомнаца РСФСР, Сибирского ревкома, РВС Туркестанского и Северо-Кавказского военных округов о возможности мобилизации нацменьшинств. *«Если же таковая мобилизация, — отмечалось в запросе, — представляется нецелесообразной или невыполнимой по разным причинам, то охарактеризуйте их и укажите, не может ли это инородческое население быть привлечено в порядке обязательной разверстки или вербовки добровольцев»* [РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 78]. Кроме того, у регионов запрашивалась информация о состоянии учета «инородческого населения», а если учета еще не было, то предлагалось немедленно провести его.

В округах были образованы особые совещания с участием представителей местных властей, военных кадров и нацменьшинств. Командование Красной Армии представило на рассмотрение комиссий широкий перечень вопросов: какие этносы можно привлечь к военной службе не-

медленно, для каких этносов ее можно заменить трудовой повинностью и на каких условиях, а для каких — сохранить льготы в полном объеме [Сиднев 1927: 69]. Материалы из округов продолжали поступать до октября 1922 г., поэтому ко времени первого частичного призыва осенью 1922 г. вопрос о нерусских национальностях не был решен окончательно. В постановлении СНК от 6 сентября 1922 г. о призыве граждан, родившихся в 1901 г., оговаривалось: «Граждан, кои по своим национальным, бытовым и экономическим условиям не призывались в ряды армии при ранее бывших призывах, от призыва, согласно настоящего постановления освободить» [Цит. по: Сиднев 1927: 69]. В пояснительной записке к проекту постановления СНК зампреда РВСР Э. М. Склянский отмечал, что под «ранее бывшими призывами» понимаются как дореволюционные призывы, так и советские призывы периода Гражданской войны: «строгой определенности в этом вопросе в настоящее время законом не установлено» [РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 956. Л. 2]. Таким образом, в вопросе о призыве нерусских народов как бы перебрасывался мостик к дореволюционным временам.

В том же 1922 г. вопрос о призыве национальностей обсуждался в Наркомнаце, где была создана специальная комиссия. Она сочла возможным и необходимым распространить всеобщее военное обучение во всех союзных и автономных республиках и областях. По вопросу о призыве жителей национальных окраин Наркомнац допускал ряд исключений. В частности, было отмечено, что «*принцип мобилизации и отбывания воинской повинности приходится совершенно отбросить по отношению к кавказским народностям, населяющим Дагреспублику, Горреспублику, Кабардино-Балкарскую, Карачаево-Черкесскую [республики] и вообще горцев Северного Кавказа*» [Цит. по: Сиднев 1927: 69]. ВЦИК учел эти мнения в постановлении от 28 сентября 1922 г., содержащем норму о «временной отсрочке» «*тем из населяющих РСФСР народностей, которые по своим культурным и бытовым особенностям еще не могут... дать вполне годных воинов*». Освобождение от обязательной срочной службы многих окраинных народов диктовалось не только отсутствием у них исторического опыта прохождения таковой, но и сложной социально-политической обстановкой в регионе.

Важнейшим водоразделом в определении стратегии дальнейшего национального строительства в РККА стал XII съезд РКП(б), проходивший 17–25 апреля 1923 г. Он стал первым съездом большевистской партии после образования СССР. В резолюции XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу» был подтвержден ранее провозглашенный курс на добровольное и равноправное участие советских республик в государственном и культурном строительстве новой державы, при этом указывалось, что достижение этой цели было возможно лишь в результате преодоления «наследия царизма» — великорусского шовинизма и местного национализма. Этим явлениям в резолюции было уделено основное внимание. Первое из них считалось главным злом, а второе — «*своеобразной формой обороны*» против первого, производной от великорусских настроений — вначале царских, а теперь и чиновников новой генерации — советских. Съезд брал под свою защиту национальные меньшинства СССР, потребовав карать «*со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав*» [Коммунистическая 1970: 439–441]. В военной сфере съезд рекомендовал, с одной стороны, «*усилить воспитательную работу в Красной Армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза*», с другой — провести «*практические мероприятия по организации национальных войсковых частей* (выделено мной. — А. Б.), с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик» [Коммунистическая 1970: 441].

Государственная политика в области военного строительства в национальных регионах СССР стала органичной частью общего курса национальной политики на так называемую «коренизацию», когда национальные кадры во всех сферах общественной жизни получали приоритет перед нетитульными. Курс на национальное военное строительство совпал с масштабным переходом к территориально-милиционной системе комплектования и боевой подготовки войск, вызванным сокращениями экономики государственных расходов. При таком подходе лишь малая часть войск, прежде всего штабы и органы обеспечения, оставалась на казарменном положении в местах постоянной дислокации, а остальные части комплектовались

из местных жителей, призываемых на краткосрочные сборы. В дальнейшем развитие территориальных и национальных формирований шло бок о бок, поскольку немалая часть национальных частей комплектовалась по территориальному признаку.

Основным идеологом программы национального строительства в РККА в середине 1920-х гг. был М. В. Фрунзе (в январе–октябре 1925 г. — председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам), который считал, что многочисленные нерусские контингенты являются «источником дополнительной мощи» для Красной Армии. На совещании политработников 17 ноября 1924 г., он определил место национальных формирований в структуре РККА, каким он его видел в обозримом будущем: *«Национальные контингенты займут в Красной Армии очень видное место и будут заметно влиять на ее общую боеспособность... Национальные формирования для нас — не пустая забава, не игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов Союза. Это — серьезная задача, вытекающая из всего характера нашего государства... Строить армию иначе мы не можем»* [Фрунзе 1924: 140]. Выступая перед слушателями Военной академии РККА 20 декабря 1924 г., Фрунзе определял национальные формирования как своего рода материальное олицетворение национальной политики государства и мост между народами (причем не только советскими), способный «связать теснейшим образом эти бывшие колониальные народы царской империи с нами, а через них связать судьбу колониальных народов других стран с судьбой Советского Союза» [Фрунзе 1924: 190]. Имелось в виду, что национальные части могли бы стать застрельщиками новых этапов мировой революции на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Европе.

Поворотным в судьбе национальных формирований стал Пленум РВС СССР, проходивший в конце ноября — начале декабря 1924 г. К этому времени в РККА национальные части и соединения существовали: в Грузинской ССР (2 стрелковые дивизии), Армянской ССР (стрелковая дивизия), Азербайджанской ССР (стрелковая дивизия), Украинской ССР (4 территориальные стрелковые дивизии), Белорусской ССР (территориальная стрелковая дивизия),

Бухарской ССР¹ (отдельные стрелковый батальон, кавалерийский дивизион, выучная конно-горная батарея), Дагестанской АССР (отдельный кавалерийский эскадрон), Крымской АССР (отдельная стрелковая рота) и Якутской АССР (отдельная стрелковая рота и кавалерийский взвод) [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 276]. 28 ноября на Пленуме с докладом «О национальных формированиях» выступил М. В. Фрунзе, указавший, что *«эти национальные формирования охватывают далеко не все республики, а в пределах отдельных республик — не все могущее быть привлеченным к военной службе население»* [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 269].

По итогам пленума вскоре разработали и приняли Пятилетнюю программу, которая должна была придать военному национальному строительству систематичность, единообразие и целеустремленность. Применительно к каждому конкретному народу, где намечались национальные формирования, Пятилетняя программа, по определению начальника Управления устройства и службы войск Главного управления РККА (далее — ГУ РККА) Я. И. Алксниса, должна была строиться на пяти принципиальных положениях: экономических возможностях СССР и прежде всего военного ведомства; численности населения того или иного национального региона; наличии национальных кадров командного состава; *«природных качеств и способностей каждой национальности»* и, наконец, наличии или отсутствии исторического опыта призыва в армию у того или иного народа [РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1]. Реализация программы должна была завершиться к началу 1929/1930 бюджетного года (т. е. к 1 октября 1929 г.). Численность национальных частей из представителей народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья и Сибири к этому времени должна была быть доведена до 38 401 чел. [Реформа 2006: 306]. Кроме того, в составе РККА уже имелись четыре украинских (общий штат — 9528 чел.) и одна белорусская (штат — 3505 чел.) территориальные стрелковые дивизии [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 69].

¹ 27 октября 1924 г. Бухарская ССР в ходе национально-государственного размежевания была ликвидирована, а ее территории вошли в состав вновь образованных Узбекской и Туркменской ССР, но ее национальные воинские подразделения еще сохраняли прежние наименования.

В дополнение к отдельным национальным формированиям в 1924 г. появилась еще одна особая форма организации национальных контингентов — так называемая «концентрация». Если для представителей отдельных народов не предусматривалось отдельных нацформирований, то их старались сосредоточить в одном соединении в составе отдельных взводов, рот, эскадронов, батальонов. Так, в Западном военном округе поляки были сконцентрированы в 3-й стрелковой дивизии, татары — в 3-й, 15-й и 24-й, немцы — в 45-й, молдаване — в 51-й и т. д. [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.]. Осенью 1924 г., с прибытием пополнения первого общесоюзного призыва 1902 года рождения, во всех округах явочным порядком татары (в том числе крымские), немцы, чуваша, молдаване были объединены в 35 рот и 26 взводов в составе обычных частей [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.; Д. 501. Л. 40]. В 1925 г. численность подразделений указанных 4 национальностей достигла 94 рот и 19 взводов. А в 1926 г., после призыва молодежи 1903 года рождения, «концентрация» затронула и другие национальности, не охваченные военным строительством: башкир, вотяков, зырян, мари, мордовцев, пермяков и корейцев. Общая численность неотдельных национальных подразделений составила 132 роты и 55 взводов. «Концентрацией» было охвачено 75% призывного контингента из числа «националов», что было признано «большим достижением» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 40]. Эта мера, как считалось, себя оправдала «в смысле большей успеваемости в учебе и, особенно, в политическом их развитии» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 40]. Постепенно практика «сведения нацмен в подразделениях в номерных частях» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 54. Л. 1] стала пониматься как один из двух (наряду с формированием национальных частей) магистральных путей национального строительства в РККА.

Обсуждение и принятие долговременной программы национального военного строительства шло параллельно с разработкой военно-мобилизационного законодательства, включавшего, в числе прочего, и вопросы привлечения к военной службе нерусских национальностей. В первой половине 1920-х гг. ситуация с призывом в армию для граждан различных национальностей была неодинаковой. Например, в РККА без ограничений принимались пред-

ставители этносов, относимых к категории «иностранных»: финны, немцы, румыны, поляки, чехи, сербы, корейцы и проч. Все они в тот период считались прежде всего «представителями пролетариата» и прочих трудовых слоев своих стран, а не носителями специфической этничности. Политические мотивы доверия/недоверия к военнотрудовым по признаку их национальности вообще не принимались в расчет в первые годы после революции, когда надежда на дальнейшую революционную экспансию у большевистских вождей еще не угасла. Более того, удельный вес представителей «заграничных буржуазно-националистических стран» оказывался неизменно высоким в самом важном социальном слое военнотрудовых — партийном составе. Например, в 1924 г. таковых оказалось 1033 чел., или 4,3% всех членов РКП(б), состоявших на службе в РККА [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 770. Л. 335об.].

На этом фоне жители национальных окраин СССР, которые не призывались в ряды РККА, справедливо чувствовали себя ущемленными. При допризыве граждан 1901 года рождения в 1922 г. и призывах граждан 1902 и 1903 годов рождения в 1924–1925 гг., как отмечалось в одном из отчетов ГУ РККА, «вопрос о призыве национальных меньшинств решался в смысле не призыва тех национальностей, которые не призывались при ранее бывших призывах, в том числе и при призыве в старую армию» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 5]. Понятно, что такой механический и формальный подход «не мог считаться удовлетворительным», в связи с чем 31 июля 1925 г. РВС СССР внес в СНК СССР проект совместного постановления ВЦИК и СНК с точным перечислением тех местностей и национальностей, «в отношении которых признается необходимым в настоящее время воздержаться от призыва **в обязательном порядке**» (выделено мной. — А. Б.)» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 5]. Законопроект предусматривал, в частности, временное освобождение от призыва в РККА некоторых народностей Кавказа, Туркестана, Казакской (Казахской) АССР, Поволжья и северных окраин СССР. Этот законопроект находился на рассмотрении правительства в течение нескольких месяцев, был согласован с представительствами республик и автономных областей, рассмотрен в Малом Совнаркоме, однако, в конечном итоге, от-

клонен [РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 17] после вступления в силу нового призывного закона, разъяснявшего, в частности, порядок службы нерусских народов.

Закон «Об обязательной военной службе» вступил в силу 18 сентября 1925 г. Он регулировал все вопросы военной службы граждан Советского государства. Закон не содержал исключений ни для отдельных граждан, ни для народов, но и не предполагал массового призыва в национальных республиках и областях. В статье 16 этого закона предусматривался особый порядок прохождения обязательной военной службы по согласованию с национальными ЦИК для ряда народов, перечень которых не являлся постоянным. Устанавливая возможность «особого порядка» отбывания военной службы, статья 16 закона давала право освобождения от действительной военной службы в кадровом и переменном составе, но формально считалось, что эти народы привлекаются к военной службе, поскольку составными частями таковой являлись, помимо перечисленных форм, также допризывная подготовка и состояние в запасе. Кроме того, действительная военная служба могла быть пройденной вневоинским порядком.

Новый закон породил разные толкования, отражавшие позиции различных заинтересованных сторон — политических элит национальных регионов, высшего руководства РККА, военного руководства на местах. Положение о всеобщем характере воинской повинности в СССР для трудовых слоев населения в возрасте от 19 до 40 лет, закрепленном в статьях 1 и 3 этого закона, многие республиканские власти поняли как императивное руководство к призыву титульных национальностей в своих республиках. В одной из докладных записок заместителя начальника ГУ РККА в РВС СССР сообщалось: с одной стороны, некоторые республики настаивали на немедленном призыве коренных народов в общем порядке, «не считаясь с наличием общей подготовки, другие же республики протестуют против призыва даже и в том случае, когда проведение такового уже возможно» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 5]. Первых было больше, причем иногда республиканские власти, следуя букве закона, принимали решения самостоятельно. Например, как отмечал 26 октября 1927 г. в своей записке начальнику ГУ РККА В. Н. Левичеву заме-

ститель председателя РВС СССР и замнаркомвоенмора С. С. Каменев, «в Туркестане с призывом сложилось довольно-таки нелепо: туркестанские власти объявили призыв на основании [Закона о все]общей воинской повинности. Они там по этому поводу проделали кампанию, после чего, разумеется, призыв продолжает производиться». После замечания из Москвы призыв был отменен «и кажется теперь незаконным» [РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 84].

Потребовались специальные разъяснения порядка правоприменения 16-й статьи. 15 июля 1927 г. в военные округа было разослано циркулярное письмо народного комиссара по военным и морским делам с разъяснениями: «В вопросе призыва национальностей... может идти речь не о распространении на них обязательной военной службы, а лишь о порядке и способах постепенного привлечения их к выполнению обязательной военной службы. Закон же об обязательной военной службе, как имеющий общесоюзное значение, распространяется на всех без исключения граждан союза СССР, независимо от национальности... Между тем, — подчеркивалось в циркуляре, — ряд военных округов не уяснив себе сущности Закона об обязательной военной службе (зачеркнуто в проекте циркуляра. — А. Б.), до настоящего времени входят с представлениями как в Реввоенсовет ССР, так и в ЦИКи республик «о распространении Закона об обязательной военной службе на ту или иную национальность, что является совершенно неправильным». В упомянутом циркуляре предлагалось: во-первых, «издать и широко распространить закон среди трудящихся на языках народов СССР»; во-вторых, «оповестить ранее не призывавшихся в соответствии с утвержденным наркомвоенмором планом призыва о предстоящем призыве и порядке привлечения их к обязательной военной службе» [РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 57–59]. Для того, чтобы разрешить эту и другие коллизии, возникшие в ходе практической реализации закона «Об обязательной военной службе», в 1927 г. была создана комиссия ГУ РККА под руководством начальника управления Н. Н. Петина [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 603]. Выработанный комиссией проект обновленного закона был разослан в главные управления Наркомвоена и другие наркоматы, а также в региональные советские и партийные органы. Полученные за-

мечания были учтены в обновленной редакции закона, вступившего в силу 1 августа 1928 г.

ГУ РККА настаивало на расширении содержания закона, предоставив Наркомвоенмору право напрямую вести переговоры с законодательными органами национальных регионов, причем расширив номенклатуру контрагентов до представителей автономных республик и областей (ст. 16 закона «Об обязательной военной службе» назначала субъектом переговоров с военным ведомством только ЦИК союзных республик). В проекте новой редакции закона справедливо отмечалось, что фактически такой порядок уже существует и широко практикуется [РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 15–17], например, с ЦИК Бурят-Монгольской, Карельской, Казакской (Казакской), Якутской АССР, Калмыцкой АО. *«Этот способ вполне можно будет проводить и в дальнейшем, по мере вовлечения в ряды РККА национальностей, ранее не призывавшихся»*, — указывалось в заключении ГУ РККА [Отчет 1927: 16]. ЦИК СССР дал на это предложение отрицательное заключение, посчитав недопустимым действовать через голову центральных государственных органов [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 60]. Аналогичные заключения последовали от многих ЦИК и СНК союзных республик (в том числе РСФСР и УССР), расценивавших предоставление права ЦИК автономных республик и областей непосредственно сноситься с военным ведомством как ущемление своего государственного суверенитета [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 80].

После длительных дискуссий статья об особом порядке прохождения службы для представителей нерусских народов в новую редакцию Закона «Об обязательной военной службе» от 1 августа 1928 г. (уже под номером 17) вошла с двумя существенными изменениями по сравнению с законом 1925 г. Во-первых, согласовывать возможность призыва в той или иной республике военному ведомству теперь предстояло с СНК, а не ЦИК этих республик. Таким образом, это право передавалось от представительных органов власти к исполнительным. Во-вторых, *«в качестве временной меры»* допускалось *«вовсе не привлекать этих граждан (имелись в виду отдельные народы и социальные группы граждан. — А. Б.) к отбыванию обязательной военной службы в силу бытовых или местных усло-*

вий» [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 115об; СЗ СССР. 1928 г. № 51. Ст. 449]. Таким образом, из текста статьи исключался эвфемизм о различных формах военной службы, часто приводивший к путанице. С некоторыми стилистическими отличиями эта норма была повторена и в очередной версии Закона об обязательной военной службе, утвержденной ЦИК и СНК СССР 13 августа 1930 г. (ст. 24).

С принятием Пятилетней программы и ростом численности национальных частей, а также расширением практики «концентрации» представителей нерусских национальностей в рамках неотдельных подразделений, военные округа стали достаточно быстро приобретать специфическую национальную окраску, повторявшую этнический фон территории, занимаемой тем или иным военным округом. Прежде всего это относилось к славянским контингентам, призывавшимся массово и без ограничений. Так, например, в ходе призыва молодежи 1902 года рождения и осеннего допризыва молодежи того же года, состоявшихся в течение 1924 г., с весенним пополнением Западный военный округ на 22,7% состоял из белорусов, а с осенним — уже на 36,6%. Украинский военный округ в 1925 г. был укомплектован на 74,2% украинцами, Московский — на 94% русскими [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249]. В одном из отчетов наркома с удовлетворением отмечалось, что если в 1921–1922 гг. «великорусское ядро» Красной Армии составляло 74%, то к середине 1927 г. оно сократилось до 64% [РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 313. Л. 30]. Правда, в значительной мере изменение этой пропорции было достигнуто за счет увеличения численности украинских (до 22%) и белорусских (до 4%) войск, т. е. славянских по составу частей [РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 313. Л. 31]. Что касается неславянских национальностей, то, как отмечалось в докладе Политуправления РВСР, в 1925 г. по результатам призыва молодежи 1903 года рождения удельный вес «нацменьшинств» в РККА достиг 8%, и это без учета украинцев и белорусов, а также *«национальностей, уже обеспеченных нацформированиями — грузин, армян и тюрок (азербайджанцев. — А. Б.)»* [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 1об.].

При кажущейся внушительности этих данных в то же время не стоит их переоценивать. Ввиду общей незначительной численности Красной Армии в 1920-е гг. (в

среднем от 500 до 700 тыс. чел.) мобилизационная нагрузка на население национальных регионов в первой половине 1920-х гг. была невелика. Совокупная численность жителей республик СССР, в которых намечались национальные части (за исключением Украины и Белоруссии), оценивалась в 25 851 тыс. чел. Точных данных на этот счет не имелось: в большинстве республик численность населения оценивалась с точностью до тысячи, а в среднеазиатских — с точностью до миллиона (!). Мобилизационная нагрузка на национальные республики в большинстве своем не превышала 0,1–0,2 % от общей численности населения. Лишь в отдельных случаях она достигала более значительных показателей: у карел — 2,44 %, у азербайджанцев — 1,6 %, у бурят-монголов — 1,45 %, у армян — 0,53 %, у туркмен — 0,42 %, у грузин — 0,3 % [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 277об.]. Северокавказских горцев, численность которых оценивалась в 2 464 тыс. чел., предполагалось призывать в намеченную к формированию в Пятилетней программе территориальную кавалерийскую дивизию со штатом 1 889 чел. (0,08 % от числа горского населения) [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 277об.]. В то же время нельзя не отметить, что общее мобилизационное напряжение населения СССР в середине 1920-х гг. в связи с резким сокращением РККА было невелико. Если в сопредельных с СССР странах этот показатель оценивался в 10–11 чел. на 1000 чел. (1 % населения и более), то в Советском Союзе — лишь 4 чел. на 1000 чел. (0,4 %). М. В. Фрунзе в конце 1924 г. оценивал удельный вес Красной Армии к численности населения страны в 0,5 % [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 26об.].

Труднопреодолимым препятствием на пути расширения национального военного строительства становились специфические особенности призывных контингентов: культурно-языковые различия, низкий уровень образования, крайне незначительное число командиров и политработников, владевших национальными языками. Как отмечалось в докладе начальника информационно-статистического отдела Политуправления Милова от 21 апреля 1925 г., обобщившего опыт пополнения призыва 1902 г. рождения, «*национальные меньшинства во многих случаях неграмотны не только на русском, но и на своем родном языке, отличаются большой религиозностью и на этой почве стремятся к обособлению от дру-*

гих национальностей» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.]. Например, в 8-й пехотной школе ПриВО, укомплектованной частично курсантами-киргизами, последние по аналогии со своей домашней обстановкой рассматривали ленинские уголки как красный передний угол юрты, где обычно спали знатные люди. В силу этого если койка русского курсанта была расположена ближе к ленинскому уголку, а койка курсанта-киргиза — ближе к двери, то киргизы наотрез отказывались идти в ленинский уголок. В той же школе киргизы отказывались есть суп или борщ, а однажды собрали из тарелок лавровые листья и послали их председателю Киргизского ЦИК как доказательство того, что «*их с наступлением осени кормят падающими с деревьев листьями, которые не могут есть даже верблюды*» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.]. Красноармейцы-мусульмане, прежде всего татары, отказывались от обедов, приготовленных из свинины, просили «*разрешить им праздновать пятницу вместо воскресенья*» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.]. В докладе Милова отмечалось, что даже у представителей народов, «*развивавшихся в условиях развитого капитализма*», например, немцев и поляков, отличавшихся относительно высокой образованностью и, зачастую, хорошим знанием русского языка, «*в их поведении сквозят иногда нотки национального самозамкнутости, обидчивости, национальной гордости*» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.]. Представители национальных меньшинств нередко пользовались своим положением, толкуя бытовую неустроенность и нехватку тех или иных элементов красноармейского быта, свойственную жизнедеятельности РККА того периода, в категориях национального угнетения и русского шовинизма. Например, в одной из сводок Политуправления РВСР в мае 1926 г. отмечалось, что «*несвоевременная выдача обмундирования, случайно выпавшая на татарскую роту, вызвала явления [типа] «нас угнетают». [Вообще] пополнение из наименьшинств, в том числе и парткомсомольское, чутко реагирует на все недостатки, относя их к отрицательному отношению к наименьшинствам и требуя усиления внимания к ним со стороны командования*» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 13].

С середины 1920-х гг. в войска стали поступать представители национальностей, которые прежде, при архаичной социально-

экономической структуре России и огромных расстояниях, могли бы никогда не встретиться друг с другом. Для русских же красноармейцев, многие из которых прибывали из глухих деревень, встреча с «националами» происходила впервые, и они нуждались в определенных адаптационных и ознакомительных мероприятиях — беседах, разъяснениях, митингах. Как отмечалось в упомянутом выше докладе Милова, «не мудрено, что татары в 24-й [стрелковой] дивизии [ПриВО] были встречены с большим любопытством; на них смотрели как на какую-то диковинку и при этом позволяли себе по их адресу насмешки и остроты» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 250]. Говоря о численно преобладавших в войсках русских и украинцах, Милов отмечал, что «им еще во многих случаях присущ национальный шовинизм и великодержавное отношение к тем нациям, которые при царизме больше всех угнетались» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 250]. В сводке Политуправления РВСР от 26 мая 1926 г. отмечалось, что «до сих пор со стороны красноармейцев по отношению к национальным меньшинствам употребляются оскорбительные прозвища» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 13]. В свою очередь, «национальные меньшинства энергично реагируют на всякую нетактичность, насмешки», вплоть до драк и даже поножовщины [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 13]. Сильнейшим образом проявлялась мусульманская религиозность, особенно у татар. В документах первой половины 1920-х гг. неоднократно упоминается явно провокационное со стороны русских красноармейцев обыкновение адресовать жест крестного знамения татарам, на что те реагировали всегда чрезвычайно бурно [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 86].

Для армейских командиров контингенты, не владевшие русским языком, представляли дополнительное затруднение. По существу, если «национал» распределялся не в национальную, а в так называемую «номерную» или «всесоюзную», т. е. преимущественно славянскую по составу воинскую часть, то командиры, как правило, определяли таких военнослужащих на хозяйственные работы. В ходе обсуждения проекта директивы наркома о порядке призыва и распределения нацменьшинств по итогам призыва 1927 г. заместитель начальника ПУР И. Е. Славин отмечал, что желательно не использовать националов («всех

их») на хозработах, «как *обычно водится*» (выделено мной — А. Б.) [РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 41. Л. 46]. Наряду со стереотипами принимались и реальные меры для удовлетворения культурно-бытовых потребностей неславянских контингентов. В частности, 25 марта 1925 г. постановлением РВС СССР было решено «*ввести для национальных частей национальные блюда*», для чего дополнительно отпускалось 124 тыс. руб. [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 157].

Самой сложной проблемой интеграции национальных контингентов в армейской среде являлся языковой барьер. Масштабы этой проблемы для различных национальных формирований были неодинаковы. Если удавалось подобрать командно-политический состав из представителей местных национальностей, то языковой барьер исчезал вовсе, как, например, в закавказских национальных частях, где подготовка командного состава местных национальностей была поставлена хорошо, а также в украинских и белорусских частях, где этот барьер был незначителен. Но без резерва командного состава даже такие части в боевой обстановке могли оказаться в сложной ситуации. «*При национальном языке командования, — сообщалось в докладе заместителя начальника Штаба РККА С. А. Пугачева в РВС СССР 30 апреля 1927 г., — часть, потерявшая многих своих командиров, будет лишена возможности принять участие в боевых операциях, т. е. будет обречена на бездействие. Перемешивание частей, весьма частое в боевой обстановке, при различии в языке командования приведет к ощутимым затруднениям*» [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 157]. У народов Средней Азии и Северного Кавказа, не имевших развитой современной военной терминологии, обучение и управление войсками возможно было на русском при одновременном освоении команд на родных языках. «*В настоящее время командирам, не знающим языка красноармейцев своей части, приходится при отдаче распоряжений, порою, даже при подаче команд, прибегать к помощи и переводчиков*», — отмечалось в докладе Пугачева [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 157]. 31 июля 1925 г. было издано постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК «О введении в национальных частях исполнительных команд на русском языке» [РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 12об.].

Одной из самых серьезных проблем развития национальных формирований стала подготовка национальных командных кадров. Еще до принятия Пятилетней программы в декабре 1924 г. приказом нарком по военным и морским делам от 9 июня 1924 г. «О национализации военно-учебных заведений» на базе различных курсов были открыты новые национальные военно-учебные заведения для подготовки командного состава на родном языке [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 39]. Если на 1 марта 1924 г. их было 7, общая численность постоянного состава составляла 2 248 чел. и переменного (курсантов) — 2 973 чел., то к 1 ноября их число почти удвоилось: на 13 национальных военных школ приходилось 4 240 чел. постоянного и 4 961 чел. переменного состава [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 174]. В 1925 г. количество курсантов национальных военно-учебных заведений выросло до 9460 человек, среди которых лица нерусской национальности составляли 76,6% [РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 112. Л. 26]. Комплектование этих школ шло за счет коммунистов, комсомольцев и членов профсоюзов, а также рядовых и младших командиров нерусской национальности, уже проходящих службу в войсках [РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2927. Л. 113]. К концу 1924 г. сеть национальных военных школ в стране составила 21% от всех военно-учебных заведений. Свои военные школы имели украинцы, белорусы, поляки, татары, башкиры, киргизы, туркестанцы, грузины, армяне, азербайджанцы, горцы Северного Кавказа. Для других народов (немцев, мордовцев, вотяков, чувашей, зырян, молдаван) предусматривалось квотирование мест в военных вузах в местах их компактного проживания [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 45].

По состоянию на 1 октября 1925 г. в РККА было уже 20 школ с 6 328 курсантами (пехота — 2 582, кавалерия — 1 808, артиллерия — 1 013, политсостав — 355, подготовительные отделения — 570) [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 88]. По состоянию на 1 июля 1926 г. в РККА среди 49 018 чел. командного состава числилось: 36 042 русских, 4 496 украинцев, 2 585 белорусов, 350 немцев, 798 латышей, 178 литовцев, 20 осетин, 463 армянина, 958 евреев, 261 эстонец, 59 мордовцев, 281 татарин, 2 ногайца, 260 тюрков (азербайджанцев), 8 казахов, 19 киргизов, 24 узбека, 7 калмыков, 807 грузин, 1 имеретинец, 4 мингрела, 3 черкеса,

2 кабардинца, 2 абхаза, 11 лезгин, 3 аварца, 1 даргинец, 4 чеченца, 7 ингушей [РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 231. Л. 33]. В дальнейшем количество школ начало сокращаться, так как численность выпускников стала превышать штатную потребность войск.

Широкий перечень вопросов, связанных с подготовкой командно-политических кадров для национальных частей, обсуждался 20 марта 1926 г. на специально созванном совещании представителей военно-национальных вузов под председательством начальника Управления военно-учебных заведений РККА В. К. Путны [см.: РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 527. Л. 1–158]. На совещание были приглашены представители десятков национальных военных школ, условно разделенных на «западную» и «восточную» секции. Представленная на совещании статистика социально-демографического состава курсантов национальных школ говорит о весьма серьезном подходе к их отбору. Так, в 1925 г. для поступления прибыло: рабочих — 33,1%, крестьян — 56,5%, прочих — 10,4%; членов ВКП(б) — 10,5%, кандидатов в члены ВКП(б) — 14,3%, членов РКЛСМ — 39,8%, кандидатов в члены РКЛСМ — 2,5%, беспартийных — 2,9% [РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 22]. Обращает на себя внимание очень высокий удельный вес рабочей и партийно-комсомольской прослойки среди поступавших, учитывая, что большинство местностей, откуда прибывали абитуриенты, были аграрными и слабо советизированными окраинами.

Тем не менее, в неславянских национальных формированиях еще в середине 1927 г. кадровый вопрос, по существу, находился лишь в начальной стадии решения. Например, в Башкирском территориальном полку имелось лишь четверо взводных командиров и два политрука — башкир по национальности. Аналогичная ситуация наблюдалась в татарских и других частях [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 42–44]. Как справедливо отмечал в своем письме в ЦК ВКП(б) выпускник Военной академии РККА башкир М. Л. Муртазин, нехватка командиров-националов младшего и среднего звена в национальных частях не позволяла решить главную задачу: сделать армию привлекательной для широких слоев национального населения, облегчить прохождение службы националам [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 43].

Проблема нехватки национальных командных кадров усугублялась зачастую полным отсутствием уставной и учебной литературы, так же как и военной терминологии на национальных языках. Работа по переводу этой литературы началась в 1920-х гг. с «чистого листа», нередко сразу же вслед за созданием письменности для ряда народов, не имевших ее прежде [РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 8]. Перевод уставов и наставлений осуществлялся одновременно с выработкой военной терминологии (военная терминология считалась устоявшейся только на грузинском и армянском языках). Научно-уставной отдел (далее — НУО) Штаба РККА, занимавшийся обобщением опыта Первой мировой и Гражданской войн и составлением на его основе новых уставов, был перегружен этой работой, вследствие чего подготовка литературы на национальных языках была передана соответствующим округам, которым НУО лишь давал руководящие указания и утверждал годовые планы работ, а также распределял кредиты на подготовку уставов. К концу 1925/1926 бюджетного года часть уставов (гарнизонной и внутренней службы, боевой пехоты, описания винтовки, пулемета) уже была переведена на грузинский, армянский, тюркский (азербайджанский), татарский, узбекский, туркменский, казакский (казахский), украинский и белорусский языки. Однако в целом общая нехватка средств обусловила финансирование подготовки уставов на национальных языках по остаточному принципу: в 1927 г. округа получили на эти цели лишь 40 % средств.

Издавалась на национальных языках и военно-политическая литература. На 1925/1926 бюджетный год в смету было заложено издание 12 наименований книг и брошюр на 20 языках (коми, марийский, татарский, бурят-монгольский, якутский, немецкий, киргизский, чувашский, чеченский, осетинский и др.) общей стоимостью около 143 тыс. руб. [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 77–80]. Номенклатура военно-политических изданий касалась прежде всего биографий вождей партии и военного ведомства (М. В. Фрунзе и членов РВСР), красноармейских песен, памяток для терармейцев, выполняла общеобразовательные (букварь с военным уклоном) и общественно-просветительские функции («Памятка допри-

зывника», «Что должен знать молодой красноармеец?», «Льготы красноармейцам и их семьям», «Памятка отпускнику», «Художественные рассказы по истории гражданской войны») [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 55–75]. Кроме того, в 1925 г. на национальных языках уже издавалось шесть газет (по одной — в УВО, ПриВО, ТуркВО, 3 — в ККА) [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 76].

До конца 1920-х гг. значительная часть народов СССР оставалась неохваченной всеобщим обязательным призывом. К таковым относились все среднеазиатские и северокавказские народы. В то же время во многих таких регионах существовали национальные части или соединения, комплектовавшиеся постоянным составом на добровольной основе. На 1 декабря 1929 г. в РККА числились следующие национальные соединения, части и подразделения:

ЛВО: отдельный Карельский егерский батальон;

БВО: 2-я Белорусская и 33-я стрелковые дивизии;

УВО: 46-я, 96-я, 99-я, 100-я стрелковые дивизии;

СКВО: отдельный кавалерийский полк горских национальностей;

ККА: 1-я, 2-я Грузинские, Армянская, Азербайджанская стрелковые дивизии;

САВО: отдельные Узбекская и Туркменская кавалерийские бригады, отдельный Таджикский горно-стрелковый батальон, отдельные Киргизский и Казакский (Казахский) кавалерийские дивизионы;

ПриВО: 96-й немецкий стрелковый полк им. АССР немцев Поволжья 32-й Саратовской стрелковой дивизии, 100-й Татаро-Башкирский стрелковый полк и кавалерийский эскадрон 34-й стрелковой дивизии;

СибВО: Бурято-Монгольский кавалерийский дивизион [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 87].

В это же время действовало девять школ по подготовке национальных военных кадров: Украинская кавалерийская (штатная численность курсантов — 320); Киевская артиллерийская (200); Червонных старшин (350); Объединенная Белорусская (500); Объединенная Татаро-Башкирская (442); Северо-Кавказская горских национальностей (320); Закавказская пехотная (550); Закавказская подготовительная (450); Объединенная Средне-Азиатская (795) [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 88об.–89].

В значительной части национальные формирования были территориальными по способу организации, т. е. разворачивались до полных штатов лишь на время кратковременных лагерных сборов. Территориальный метод подготовки обученного резерва не обеспечивал высокой выучки военнообязанных, однако позволял в стесненных материальных условиях пропустить через войсковое обучение возможно большее количество военнообязанных, а также «обкатать» учетно-мобилизационную работу на местах. К тому

же кратковременные сборы больше подходили для народов, не имевших исторической традиции несения срочной военной службы. Советское руководство прилагало большие усилия для создания резерва национальных командных кадров, а также для перевода военно-уставной литературы на языки народов СССР. Все эти меры не только существенно расширяли мобилизационную базу для комплектования РККА, но и способствовали втягиванию окраинных народов СССР в орбиту советской общественной жизни.

Источники

Российский государственный военный архив (РГВА).

Собрание законов и распоряжений правительства СССР (СЗ СССР).

Литература

Декреты Советской власти. Т. VIII. М.: Политиздат, 1976. 444 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924. М.: Политиздат, 1970. 543 с.

Народный комиссариат по военным и морским делам. Отчет за 1923–1924 годы. М., 1925.

Отчет о призыве на действительную службу в 1926 г. граждан рождения 1904 г. М., 1927.

Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 1. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 720 с.

Сиднев. Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 6. С. 3–18.

Фрунзе М. В. Собрание сочинений. Т. 2. 1924 год. М.; Л.: Госиздат, 1926. 323 с.

Sources

[The Collection of Laws and Regulations of the USSR Government]. (In Russ.)

[The Russian State Military Archives]. (In Russ.)

References

[Decrees of the Soviet Power]. Vol. VIII. Moscow: Politizdat, 1976. 444 p. (In Russ.)

[The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Central Committee Congresses, Conferences and Plenums]. Vol. 2. 1917–1924]. Moscow: Politizdat, 1970. 543 p. (In Russ.)

Frunze M. V. [Collection of Works]. Vol. 2. 1924. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. 323 p. (In Russ.)

[People's Commissariat for Military and Maritime Affairs. Report for 1923–1924]. Moscow, 1925. (In Russ.)

[The Reform in the Red Army. Documents and Materials. 1923–1928]. In 2 books. Book 1. Moscow; St. Petersburg: Letniy sad, 2006. 720 p. (In Russ.)

[The Report on the Conscription in 1926 of Citizens Born in 1904]. Moscow, 1927. (In Russ.)

Sidnev [Call of Nationalities]. *War and Revolution*. 1927. No. 6. Pp. 3–18. (In Russ.)

УДК 908
ББК 63.5

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАЛМЫКОВ В «КРАТКОМ ОПИСАНИИ КАЛМЫЦКАГО И ТРУХМЕНСКАГО НАРОДОВ» Я. К. ВАЦЕНКО

В. В. Батыров

Изучение истории и этнографии народов России в дореволюционный период во многом было связано с прагматичными целями государства по развитию более эффективного управления. Соответственно, в XIX в. первыми исследователями истории и этнографии калмыков стали, главным образом, российские военные и гражданские чиновники. В длинном ряду различных администраторов, служивших в Калмыцкой степи, необходимо назвать и имя Якова Кирилловича Ваценко — Главного пристава калмыцкого и туркменского народов, который внес свой вклад в дело изучения калмыков.

В Национальном архиве Республики Калмыкия хранится «Краткое описание Калмыцкаго и Трухменскаго народов» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 11–24], составленное Главным приставом калмыцкого народа Я. К. Ваценко. В основу данного описания были положены материалы, собранные им во время его непродолжительной службы в Калмыцкой степи, которые содержат ценные сведения по истории и этнографии калмыков и туркмен, причем в работе Я. К. Ваценко мы находим не только наблюдения, но и попытки объективного исследования названных народов.

Известно, что статский советник Я. К. Ваценко прибыл в Калмыкию в качестве Главного пристава калмыков и туркмен в 1814 г., после ухода со службы подполковника С. Л. Халчинского. Примечательным является тот факт, что на службу в калмыцкие степи прибыл представитель высшей номенклатуры Российской империи¹. К сожалению, нам не удалось обна-

ружить формулярный (послужной) список Я. К. Ваценко, поэтому основные вехи его жизни нам так и остались неизвестными. Однако, рассматривая данные из разных источников, мы можем указать дату его рождения. Так, в рапорте статского советника на имя генерала А. П. Ермолова от 20 февраля 1825 г. упоминалось: «Я в 60-летней своей жизни не претерпел столько, сколько здесь в течение семи месяцев» [Акты 1875: 303]. Таким образом, мы можем уточнить, что Я. К. Ваценко родился в 1765 г. Также известно, что при рождении автор «Описания» не принадлежал к дворянскому сословию, о чем говорит тот факт, что он был жалован дипломом на потомственное дворянское достоинство только после получения чина статского советника.

До своего появления в приволжских степях статский советник служил в Коллегии иностранных дел (КИД). КИД же и определила «Главным Приставом к Калмыцкому и Трухменскому народам» Я. К. Ваценко на место уходящего со службы подполковника С. Л. Халчинского «Во исполнение именного Высочайшего его Императорского Величества повеления, данного сей Коллегии за собственноручным его Величества подписанием в 4-й день декабря прошлаго 1814 года» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 7]. Сам Я. К. Ваценко прибыл в Калмыкию много раньше, по указу № 4086 Коллегии иностранных дел от 27 октября 1814 г. Штатное жалование ему было определено в размере 2000 рублей [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 9]. Учитывая его возраст, надо сказать, что, несмотря на высокое жалование, служба его была довольно тяжела — ведь все лето он должен был кочевать вместе с Судом Зарго по калмыцким улусам [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 206–1406.; 25–26].

¹ Статский (гражданский) советник находился в «Табели о рангах» на 5-м месте и мог занимать должности вице-губернатора, вице-директора департамента и председателя казённой палаты.

17 января 1815 г., почти сразу по приезде его в Калмыцкую степь, он получил указ № 94 Коллегии иностранных дел, где в числе прочего ему вменялось в обязанность составить и прислать «обстоятельное сведение о всех калмыках и тухменцах вообще с показанием их улусов и Владельцев, и из какого числа Кибиток все оные состоят ныне, а равно сделать описанием сим народам» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 113]. Однако приступить к работе по сбору «сведений о всех калмыках и тухменцах» Я. К. Ваценко в 1815 г. так и не смог. Об этом он с раздражением сообщал в своем рапорте от 8 декабря 1815 г.: «имею честь донести, что прибыв к исполнению настоящей должности нашел я штат сей состоящий по большей части из людей неспособных и худого поведения до такой степени, что нет возможности употребить их к какой либо должности, дела предместников моих разбросанные и самым крайнем беспорядке, многие из них разтеряны по причине что хранимы были безо всякого призрения в кульках и без всякой описи» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 25–26]. На все безуспешные просьбы нового пристава к подполковнику С. Л. Халчинскому о своевременной сдаче дел он получал только многочисленные отговорки о том, что «оные приводятся в порядок и в скорости будут ... зданы». Только 31 августа 1815 г., находясь в служебной поездке «в Ордах» (т. е. в калмыцких улусах), титулярный советник Павлов, секретарь Главного пристава, письменным рапортом от 31 августа сообщил ему о том, что все дела «предместников моих приведенные в законный порядок приняты им во всей исправности». После получения этого известия Я. К. Ваценко сразу же разрешил выдать аттестат КИД подполковнику С. Л. Халчинскому о выходе в отставку. Можно только представить всю степень раздражения пристава по отношению к титулярному советнику Павлову, когда, вернувшись из поездки, он «нашел дела хотя с генеральною описью по годно связанные, но без всякого порядка», причем многие из них были неполными [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 26].

8 декабря 1815 г. Я. К. Ваценко составил рапорт, в котором сообщал, что, «найдя таковую неисправность и запущение в делах, кою нет возможности привести в законный порядок тем паче, что многие раз-

теряны, я долгом поставлю Государственной Коллегии Иностранных дел донести, что я за дела предместников моих отвечать никак не могу, а буду понуждать сего штата Секретаря Павлова привести их в возможный порядок, за которой он должен отвечать, тем паче что он в сей должности состоит с 1800 года» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 26].

Сознавая все сложности, сопряженные с налаживанием работы на новом месте, КИД не тревожила пристава с составлением «Описания». Лишь 4 сентября 1816 г. на имя «Главного при калмыках и тухменцах» пристава Я. К. Ваценко прибыла «канцелярская цыдула» (фр. *письмо, послание*) из Коллегии иностранных дел, датированная 11 августа 1816 г., в которой ему вновь напоминалось, что, по указу КИД от 17 января 1815 г., ему предписывалось прислать «обстоятельное сведение о всех калмыках и тухменцах вообще с показанием их улусов и Владельцев, и из какого числа Кибиток все оные состоят ныне, а равно сделать описание сим народам». В записке указывалось на тот факт, что КИД до сих пор не получила описания, и настоятельно рекомендовалось представить сведения в непродолжительном времени [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 113].

Я. К. Ваценко, к тому времени уже вошедший в курс дел, за непродолжительное время составил описание калмыцкого и туркменского народов. Уже 20 сентября 1816 г. Ваценко отправил в КИД две ведомости калмыцкого и туркменского народов и краткую записку о «сих двух народах со всеми сведениями, кои я могу об оных приобрести». Свое оправдание столь длительной задержки описания он обосновывал «разстройством Дербетевского улуса», которое долго не получало своего разрешения [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 5].

В 1816 г. произошло событие, которое повлияло на дальнейшее пребывание Я. К. Ваценко в Калмыцких степях. 6 апреля 1816 г. вышел рескрипт Александра I о назначении генерала А. П. Ермолова командиром отдельного Грузинского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Одновременно состоялось и назначение его главой чрезвычайного посольства в Иран для выполнения важной миссии — проведения скорейшего разграничения земель между Ираном и Россией, согласно

Гюлистанскому мирному договору 1813 г. 9 января 1817 г. Я. К. Ваценко подал рапорт гражданскому губернатору Степану Андрееву, в котором просил увольнения от занимаемой должности на двадцать восемь дней для поездки в Санкт-Петербург [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 9]. После его поездки в Петербург, где он встречался с новым управляющим КИД графом К. В. Нессельроде, Я. К. Ваценко стал задумываться уже о службе на новом месте — в Персии. 4 сентября 1817 г. он получил Указ КИД о том, что «во исполнение Высочайшего Иммянного Указа Императорского Величества, данного сей Коллегии за собственноручной Его Императорского Величества подписанием, в 3 день минувшего июля месяца ... Главного Пристава при Калмыках и Трухменцах, Статского Советника Ваценка, повелеваем считать при делах оной Коллегии ..., а на место его определить Надворного Советника Смолина» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 9].

За свою недолгую службу в качестве Главного пристава калмыцкого и туркменского народов Я. К. Ваценко подготовил «Краткое описание Калмыцкого и Трухменского народов», которое, несмотря на его описательный характер, является ценным собранием материалов по истории и этнографии калмыков и туркмен.

Само описание калмыцкого народа было составлено в довольно свободном стиле. Первое, на что обратил внимание Главный пристав, это численность калмыцкого народа — 14 288 кибиток (семей). Касаясь такой сложной проблемы, как численность калмыков в конце XVIII — начале XIX вв., Я. К. Ваценко упоминал, что указанную численность калмыцкого народа он определил, исходя из списков, представленных улусовладельцами, которые были собраны еще его предшественником, подполковником С. Л. Халчинским. Сам пристав затруднялся дать точное число калмыцкого населения, ибо «калмыки будучи разсеяны зимою и летом на довольно пространной Дикой Степи, изчислить или примерно положить их число невозможно». Ко всему прочему, Я. К. Ваценко ссылался на существование некоего указа КИД, который прямо запрещал проводить перепись калмыцкого населения. Однако уточнить год и номер указа КИД он не мог [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 11]. Тем не менее, в процессе составления «Описания» пристав постоянно требовал со всех

улусов ревизские сказки². И здесь деятельность пристава по переписи калмыцкого населения, несомненно, завершилась бы успехом, если бы не непреодолимое препятствие в виде разразившейся междоусобицы в Дербетском улусе, из-за которой и сам владелец улуса, Эрдени-тайши Тундутов не знал точного количества кибиток в принадлежащем ему улусе.

Чрезвычайно интересным является тот факт, что, даже не определив точной численности калмыцкого народа, Я. К. Ваценко, в отличие от своих предшественников и других чиновников, высказал предположение о том, что на самом деле число калмыцких кибиток «простирается до 30 тыс. если не больше». Свое предположение он основывал на тщательном изучении документов своих предшественников. Так, если в прежних ревизских сказках аймаки состояли из 20–30 кибиток, то при судебных тяжбах нередко выяснялось, писал Я. К. Ваценко, что указанные аймаки насчитывали 100 и более кибиток [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 12]. Это во многом коррелирует с тем фактом, что заявленная им численность калмыцкого народа никак не менялась в течение 15 лет — так, еще первый пристав калмыцкого народа Н. И. Страхов указывал примерно такое же официальное число калмыцких кибиток (семей) — 14 193 [Страхов 1810: 17].

Я. К. Ваценко особо отмечал, что при вступлении в должность, следуя инструкции КИД, он предложил Суду Зарго «зделать наряд 500 человек на кордонную стражу против Киргиз-Кайсаков»³. Этим он немало озадачил членов Суда Зарго, которые вообще не имели об этой страже никаких сведений: как оказалось, все предшественники Я. К. Ваценко сами занимались нарядом кордонной стражи, не обращаясь в Суд Зарго [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 11об.]. Обращение же к самим владельцам вызвало с их стороны ряд писем, в которых они жаловались на непомерный в сравнении с другими улусами наряд. Желание же Суда Зарго разложить наряд по точному числу кибиток каждого улуса опять-таки натолкнулось на препятствие в виде междоусобиц в Дер-

² Ревизские сказки — поименные списки населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия владельца двора, его возраст, имя и отчество членов семьи с указанием возраста, отношение к главе семьи.

³ Киргиз-кайсаки — устаревшее название казахов.

бетском улусе, из-за чего ревизские сказки были неполными.

При описании сложившейся ситуации в Дербетском улусе, который оказался «разстроен», Я. К. Ваценко возлагал всю вину на вдову Бакбут, которая, «подмывая» большое число кибиток, несколько лет назад откочевала за р. Зегерлик в донские пределы, «кои не только не повинуются Владельцу Эрдени Тайши Тундутову, своим Зайсангам, кои находятся при сем Владельце, но равно и местного начальства не признают, и посылаемым к ним для убеждения к законному повиновению, выгнали побоями» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 11об.-12].

Большое внимание Я. К. Ваценко уделил описанию кочевий и скотоводства калмыцкого народа. Так, он писал, что «можно полагать наверно, что они (калмыки) имеют разного скота до двух миллионов поголовья». Одним из первых Главный пристав отметил наиболее насущную проблему калмыцкого народа в XIX – начале XX вв. — сокращение пастбищных территорий в результате их захвата оседлыми народами. В приведённом им примере часть калмыцкой земли была «присвоена без малейшего права помещиком Надворным Советником Ребровым, а остальная часть заселена поселянами Кавказской губернии, составляющими отменныя селения». Рассматривая будущее калмыцкого народа, когда территория кочевий неуклонно сокращалась в результате крестьянской и помещичьей колонизаций, пристав впервые обратил внимание на то, что этот факт обуславливал последующие кризисные явления в кочевом хозяйстве у калмыков. Например, разбирая ситуацию с захватом калмыцких земель, Я. К. Ваценко писал, что если калмыки не были бы «столь притесняемы со всех сторон, и есть ли б они имели достаточный водопой, то могли бы иметь вдвое скота» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 12].

Описывая ситуацию с кризисом кочевьего хозяйства у калмыков, пристав отметил, что они «не занимаются хлебопашеством, или чем другим, кроме скотоводства». Однако тут же указал на появление новых тенденций в хозяйственно-бытовом укладе степняков и уточнил, что «Торгоутовские и Хошоутовские Калмыки обнищали от падежа скота, разврата, и разоренные не предвидимыми случаями, как то: отнятием и отгонами скота, и находясь по близости Астрахани, нанимаются на Рыбные промыс-

лы по Каспийскому морю, и по реке Волге, на ломку соли и в табунщики к Россиянам, Армянам и Татарам». В свою очередь, писал он, «Дербетовские такого же рода Калмыки, кочующие к Кавказской Губернии и Донским пределам, нанимаются у поселян пахать землю, жать хлеб и косить сено; чем единственно и пропитываются». Завершая свое описание калмыцких земель, Я. К. Ваценко упоминал, что для перевода калмыков к оседлой жизни «если Правительству угодно будет *заняться* сим народом, то весьма дешево и легко можно было поселить их по реке Куме на Зегерлик, и по Сарпе к Царицыну; ибо при сих только реках земля способна к хлебопашеству, остальная же состоит из глины и песку» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 12об.-14об.].

Я. К. Ваценко представил и краткий обзор социальной структуры калмыков. Владельцы, писал он, «управляют своими улусами, состоящими до 300 кибиток, и из собственных крестьян, абганерами называемых, на правах помещичьих». При этом он особо отмечал, что если первые две категории податного сословия, албату и шебенеры, зависят от «Зайсангов и Хурулов (монастырей)», то абганеры непосредственно подчиняются улусовладельцам. Он также заметил, что за «важные преступления» владельцы имеют право отнимать аймаки у зайсангов и передавать их родственникам, а за неимением их — «посторонним достойным людям, по их усмотрению». Однако продавать аймаки улусовладельцы не имеют права [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 14об.].

Рассматривая налоги и повинности податных сословий у калмыков, Я. К. Ваценко обратил внимание на их неопределенное состояние и связанные с этим произвол и самоуправство калмыцкой знати при сборе податей. Так, он писал, что «Владельцы и Казенные улусы делают раскладку ежегодно на подвластных своих, некоторым разорительным образом». Разорительность объяснялась тем, что улусовладельцы на собственные расходы нередко занимали у донских помещиков и у купцов из волжских городов большие суммы, под неслыханно большие проценты — от 30 % до 60 %, и даже до 100 %. «И по сей единственно причине, — писал Я. К. Ваценко, — налоги бывают часто тягостны». Помимо самих нойонов, зайсанги, писал пристав, «коим положено брать с аймажных своих не более двух

рублей, берут более, и сверх того некоторое количество разного скота для доения и на зарез» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 15].

«Описание» Я. К. Ваценко содержит ряд ценных идей и наблюдений в связи с религиозными представлениями калмыков, которые уточняют и дополняют свидетельства других современников. Так, описывая буддийские верования калмыков, сам Я. К. Ваценко называл их идолопоклонниками, уточняя: «... по словам их (т. е. калмыков), множество бурханов, кои все составляют одного Бурхана (Бога). По словам их, они имеют их по разным предметам там, как то было в древние времена у Греков и Римлян». При описании калмыцких «бурханов», которых ставят «на столах, покрытых материями или коврами», пристав обращал внимание на особенности ритуального угощения «дееджи», когда в качестве подношения перед ними ставилось несколько серебряных «стаканчиков», в один из которых насыпаются разные семена, а в «другие, при питии Калмыцкого чая или чигана (кислое молоко) наливают онаго для Бурханов; а при обеде и ужине ставят перед ними чашку с вареною бараниною» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 15об.].

С особым интересом пристав описывает обряд буддийского богослужения. Автор пишет, что оно состояло в следующем: «по утрам по всем хурулам Гецуль (Дьякон) сзывает на молитву трубою, куда собираются Гелюнги, кои обошед несколько раз Калмыцкую кибитку. В коей поставлены Бурханы, входят в оную, поют молитвы, а при том играют на разных инструментах, как то: на трубах предлинных, литаврах, рогах из больших раковин, и тому подобных инструментах». Затем, писал Я. К. Ваценко, буддийские священнослужители в той же кибитке «пьют там чай, курят трубки и обедают». Отдельно автор отмечает, что миряне никогда не заходят в хурульную кибитку для молитвы, «но обходят ее несколько раз в круг, и всякий раз падают на землю перед дверьми, а потом целуют войлок оной» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 16].

Продолжая описание религиозных обрядов у калмыков, Я. К. Ваценко сообщал свои личные наблюдения: «калмыки, сколько я заметил, народ суеверный; они предоставляют Гелюнам молитвы за них, а в замену того делают подаяние в хурул или деньгами, или скотом». Особо пристав указывал на большое количество людей «духовного

звания» по отношению к остальному населению. Пристав отмечает также, что на калмыцких праздничных мероприятиях почти половину из приехавших к хурулам на богослужение составляют сами священнослужители (гелюнги, гецули и манджики). В этот день, писал Я. К. Ваценко, «гелюнги сидя поют молитвы часа два», а миряне совершают обход «в круге выставленного, на двух столбах нарисованного Бурхана, как Мадреген, Зункубай и проч». Обстоятельное освещение получили пищевые ограничения во время поста, который, как писал пристав, бывает у калмыков три дня в месяц, «коих в году бывает: три года сряду по 12-ть, а в четвертый 13 лунных месяцев, то есть 8-го, 15-го и 30 числа». Пост заключался в том, что в эти дни было запрещено резать скот [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 16об.].

В «Описании» представлены зарисовки традиционного быта и материальной культуры кочевого народа. Так, пристав писал, что «жизнь Калмыков вообще умеренная. По утрам редко кто из них не пьет Калмыцкого чая ... Около полудня едят варенную баранину, а потом пьют бульен под названием шулюна. В вечеру же повторяется таковая же пища; ибо другой они не знают и не любят». Предельно рациональный образ жизни кочевника, обусловленный нехваткой природных ресурсов, вызывал недоумение у Я. К. Ваценко, который в этом видел только невежество и «дикость». Интересен и тот факт, что, позитивно воспринимая «умеренность» калмыцкого образа жизни в питании, автор негативно воспринимал все многие производные кочевой жизни. Так, он отмечает, что «народ сей неопрятен и нечист до крайности», а нехватку водных ресурсов он трактует как суеверие: «они считают за грех мыть котлы или другую посуду, коей имеют весьма мало, а потому в одном котле варят чай, потом мясо, потом рыбу, а после опять чай». Описывая одежду калмыков, автор отмечал ее простоту: «летом белая бумазая самая простая, составляет вообще их одежду». Любопытно, что, упоминая повседневные мужские калмыцкие головные уборы — овчинные шапки, пристав замечал, что верх у них обычно из желтого сукна (а не красного, как обычно считается) [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 17–18].

Рассматривая образ жизни кочевого народа, Я. К. Ваценко никак не мог пройти мимо описания верховой езды. Он отме-

тил, что «всякого возраста, даже малолетние, ездят верхом ... можно сказать, что они рождаются на лошадях». Особое удивление у пристава вызывал тот факт, что женщины могли уже на другой день после родов ездить верхом. Характеризуя же в целом менталитет калмыков, автор приходит к выводу о том, что «калмыцкий народ вообще горяч, но не мстителен и добродушен». А судебные тяжбы, писал пристав, заканчиваются обычно тем, что они мирятся «по общему согласию, что весьма замечательно» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 19–19об.].

Сильно разоряли калмыцкий народ, по мнению пристава, «болезни и похороны». Это было вызвано тем, что «при сих случаях Гелюнги, кои также единственные их лекари, настоятельно требуют деньги и скот для Бурхана». Единственное, что находил странным пристав, это то, что и сами буддийские священнослужители нередко разорялись при таком лечении. Пристав описывает в своей работе и обряды, проводимые у постели больных, которые находились при смерти. Так, калмыцкие врачеватели для удержания «души» умирающего «возле больного день и ночь поют молитвы и играют на инструментах». Рассказывая об этом, автор иронически констатирует: «кто богаче, тот более таковым лечением бывает мучим» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 19].

Описывая семейную жизнь у калмыков, пристав сообщал, что «супружество их (т. е. калмыков) непрочно: как только муж осердится на жену, прогоняет ее, а потом берет другую», что не совсем верно отражает действительность. Также пристав Я. К. Ваценко подметил широкое распространение фиктивного похищения невесты в начале XIX в. Он связывал это с тем, что «при всяком бракосочетании встречаются однако большие затруднения. Гелюнги должны сообразить день рождения обоих, и назначить день брака, коих очень редко в году бывает, а потому пользуются они воровским бракосочетанием, которое в большом употреблении между ими». Пристав пояснял: «воровское бракосочетание» заключается в том, что «жених получа согласие отца невесты, посылает одно или два корыта вареного мяса, баранины, говядины или лошади, и несколько простого вина; потом приезжает с несколькими провожатыми к невесте, и посидя у нее малое время уезжает; а невеста

спустя несколько времени, едет верхом же с провожатыми к мужу – чем и кончится» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 19–19об.].

Завершает пристав свои заметки описанием похоронного обряда у калмыков. По его словам, «знатных и богатых сожигают, посредственных погребают, а бедных – оставляют на поверхности земли на съедение волкам, собакам и хищным птицам». При этом способ похорон зависел от дня рождения и смерти покойного [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 20].

Характерно, что лишь последний и весьма небольшой по объему раздел автор посвятил краткому описанию туркменского народа.

С сочувствием описывая калмыцкий народ, Я. К. Ваценко считал его находящимся в весьма бедственном положении. Последующее изучение «Описания» калмыцкого народа сотрудниками КИД привело к тому, что 4 декабря 1816 г. Астраханский гражданский губернатор Степан Семенович Андриевский получил письмо из Коллегии Иностранных дел. В нем сообщалось, что, как стало известно из полученного описания, «в Дербетевском улусе продолжают разстройства, произведенные вдовою Бакбут; что калмыки стеснены по недостатку удобных мест для скотоводства; что они нуждаются даже в водопое по причине присвоения большей части степи Надворным Советником Ребровым и заселением остальной части поселянами Кавказской губернии. Не меньшим притеснением можно почесть отгоны Калмыцкого скота Донскими казаками, и захваты онаго делаемые поселянами Саратовской, Астраханской и Кавказской Губерний, так же содержание калмыков в тюрьмах для вынуждения денег, где они от стесненного воздуха весьма часто умирают». «О таковом бедственном положении сего народа, Коллегия долгом своим поставляет отнестись к вашему Превосходительству, и просить вас, войти в рассмотрение описываемых Г-м Ваценком обстоятельств; о разпоряжении же, какое благопризнаете учинить по сему предмету, ее уведомить» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 3–3об.].

Таким образом, находясь на службе в Калмыцкой степи на протяжении всего четырех лет (1814–1817 гг.), опытный администратор Я. К. Ваценко показал себя и как кропотливый исследователь, который сумел выявить и систематизировать большой круг

источников, чем немало расширил границы изучения истории и этнографии калмыцкого народа. Несмотря на присущую всем краеведческим трудам первой половины XIX в. известную описательность, Я. К. Ваценко представил первый серьезный анализ социально-экономического положения калмыцкого народа. В труде добросовестного чи-

новника отразились нравы и быт калмыцкого народа, указаны места кочевок в начале XIX в., приведены важные статистические сведения о количестве кибиток, скота и многое другое. Ценность труда возрастает в связи с тем, что это описание принадлежит очевидцу и участнику событий.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 128, 148, 161.

Литература

Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Т. VI. Ч. II. Тифлис: Тип.

Глав. Управления Наместника Кавказского, 1875. 544 с.

Страхов Н. И. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 97 с.

Sources

[The National Archives of the Republic of Kalmykia]. Fund 1. Case 128, 148, 161. (In Russ.)

References

[The Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. VI. Part II. Tiflis: Print. shop of the Head Office of the

Governor General of the Caucasus, 1875. 544 p. (In Russ.)

Strakhov N. I. [The Current State of the Kalmyk People, with the Addition of Kalmyk Laws and Legal Proceedings, Ten Rules of their Faith, Prayer, Moral Novel, Fairy Tales, Proverbs and Songs of Savardin]. St. Petersburg: Print. shop of Shnor, 1810. 97 p. (In Russ.)

УДК 81'373.47
ББК 81.23

**ТЕРМИНЫ РОДСТВА И СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПАМЯТНИКЕ МОНГОЛЬСКОГО ПРАВА XVIII в. «ХАЛХА ДЖИРУМ»***

Г. Ц. Пюрбеев

Термины родства представляют особый интерес в рамках изучения традиционных таксономических систем, поскольку относятся к архаичным пластам лексики и входят в основной словарный фонд любого языка. Эта ограниченная по объему лексико-семантическая группа включает названия, отражающие семейно-родственные отношения. Монгольская терминология родства не раз становилась предметом изучения монголистов; в работах лингвистов в качестве источников в последнее время все чаще используются тексты средневековых памятников и словарей [Рыкин 2005; Бадгаев 2009; Омакаева, Бурыкин 1999 и др.].

Исторически терминология родства у монголов складывалась в условиях большой патриархальной семьи. Сегодня некоторые термины, определяющие степень родства, обозначающие родственников по разным типам родства (по линии матери или отца, ближнего или дальнего, кровного или свойственного, по признаку старшинства и т. д.), из активного словарного запаса перешли в пассивный, а то и вовсе исчезли. Поэтому актуальность изучения данной группы слов, дающих очень ценную информацию не только лингвистического, но и также историко-этнографического характера, не вызывает сомнений. Важнейшим источником в этом отношении выступают монгольские законодательные памятники [Халха джирум 1965]. Юридический анализ законов «Халха джирума» был дан В. А. Рязановским [1931], С. Жалан-Аажав [1957], У. Жамцарано и А. Турунов [1923].

Текст памятника богат терминами (словами и словосочетаниями), которые характеризуют семейно-родственные отношения

людей по отцовской и материнской линии, а также их социальное положение и возраст.

Обобщенное понятие 'родственники, родня, род, сородичи, родство' передается словами *uruγ* (XVI, 17–302) и *töröl* (V, 7–191), которые выступают и в парном употреблении, причем с разной последовательностью компонентов: *uruγ töröl* (XVI, 14–301; 17–302) 'родственники, родня; родство'; *töröl uruγ ügei kümün* (XVI, 14–301) 'человек, не состоящий с кем-л. в родстве, безродный'; *uruγ ügei kümün* (XIV, 23–277) 'неродной, неродственник; безродный'. Слово *töröl* обладает также значением 'колени, поколение родственников': *vačirai qaγan-u tabduγar töröl* (XVI, 306) 'родственники Вачирай хана в пятом колене'.

Обобщенное значение 'близкие родные, ближайшая родня' имеет парное сочетание *aq-a degüü-nar* (букв. 'старшие-младшие'), что подтверждается фразой: *taiži kümün qulγai kibesü... ulus-tai bolbasu ulus-i-inu aq-a degüü-nar-tur-inu abči öggüγ-e* (IX, 2–228) 'Если кражу совершит тайджу, то при наличии у него подданных раздать таковых ближайшим его родственникам'.

Понятие 'семья, семейство; дом, двор, хозяйство' выражается не только словом *ayil* (I, 10–135) *аул*, но и аналитическими образованиями *erüke kümün* и *ger kümün*: *γurban erüke kümün* (VIII, 6–212) 'три семейства, семьи'. Термин *ger kümün* 'семья, семейство' (букв. юрта-человек, юрта-люди) не отмечен в современных словарях.

В значении 'мать' используется слово *eke* (XIV, 20–276): *buliyalduyči üre бүгүдөйин törügsen eke biy bolqula eke-inu medetügei* (VIII, 25–220) 'Если жива мать всех тяжущихся детей, то пусть она и распоряжается'. С такой же первичной семантикой

* В круглых скобках указываются римскими цифрами номер закона, затем — в случае отсутствия номера статьи закона — страница (напр., XVI, 306), а при наличии статьи закона — соответствующий номер, после которого через дефис дается ссылка на страницу (напр., IX, 2–228).

употребляется слово *eži* (IV, 8–153) *эджи*, ‘мать, мама’.

Понятие ‘отец’ передается часто встречающимся словом *ečiġe* (VIII, 5–211; XIV, 20–276; XVI, 20–303). В сочетании с *ebüġe* оно обозначает ‘предок, предки’ (IX, 8–233). Отец парня-жениха именуется *süileġsen kiiü-yin ečiġe* (VIII, 19–217), а отец девушки-невесты — *süileġsen ükin-i ečiġe* (там же). Дед по матери называется *naŋasa ečiġe* (VIII, 23–219). Название ‘родители’ образуется путем сложения слов *ečiġe* ‘отец’ и *eke* ‘мать’ (XIV, 20–276).

Для названия жены используется слово *eme*, которое представлено и в значении ‘женщина’ (IV, 14–158; 59–186; XXIII, 326). В статьях уложений, посвященных брачному праву, в частности там, где идет речь об урегулировании взаимоотношений жены и мужа, вообще женщины и мужчины, встречаются самые разные термины со словом *eme*, в том числе:

1) атрибутивные — *gegeġsen eme* (VIII, 26–211) ‘покинутая, оставленная жена’, *kümtün-ü eme* (IV, 59–186) ‘чужая жена’, *qaraġu eme* (VIII, 5–211) ‘жена-простолюдника’, *qurimtu eme* (VIII, 13–214) ‘помолвленная женщина’, *keüked ügei eme* (XVI, 16–302) ‘бездетная женщина’;

2) глагольные — *eme abqu* (VIII, 2–211) ‘взять, брать в жены; жениться’, *eme-yi-inu qaŋsaŋulaqu* (VIII, 5–211) ‘разлучить жену с мужем; расторгнуть брак с женой’, *eme-yi-inu zon-du ŋarŋaqu* (IV, 6–197; 12–199) ‘вернуть жену к родным, в ее род’, *qaraġu kümtün-ü eme-dür oroqu* (VIII, 11–214) ‘сойтись с женой простолюдника’, *kümtün-ü eme ba ükin-i bosyoqu* (VIII, 11–213; IX, 38–227) ‘уводить чужую жену или дочь’.

Жена человека ханского или княжеского достоинства называлась особыми терминами: *abai* или *qatun*: *urida abai* (VIII, 2–209) ‘прежняя, первая жена привилегированного лица’, *qoitu abai* (V, 3–210) ‘вторая жена привилегированного лица’, *qatun* (VIII, 8–212) ‘хатун, жена нойона; княгиня, госпожа’, *qatun-dür oroqu* (там же) ‘сойтись с хатун, женой нойона’.

Название ‘родители’ образуется путем сложения слов *ečiġe* ‘отец’ и *eke* ‘мать’ (XIV, 20–276), которые обычно употребляются в иной последовательности, т. е. *eke ečiġe*. Однако в юридическом тексте специально подчеркивается более высокий социально статус отца как одного из родителей.

Названием мужа служит слово *ere*, которое применяется и в значении ‘мужчина’ (IV, 57–184, 59–186): *qoyitu ere* (VIII, 22–218) ‘второй муж’, *ere-eġe qaŋsaqu* (VIII, 5–211) ‘развестись с мужем’.

Понятия ‘ребенок, дитя’ и ‘дети’ выражаются словами *üre* (V, 7–191; VIII, 25–219, 220) и *keüked* (VI, 193): *noyad üre-deġen ümtči öġkii-deġen...* ‘Когда нойоны будут выделять собственность детям...’, *keüked-tei kümtün* (IV, 48–179) ‘человек, у которого есть дети’, *keüked unayaqu* (IV, 14–158) ‘сделать выкидыш’ (букв. ‘ребенка, дитя выронить’).

Для передачи значений ‘дочь, девочка; девушка, девица’ употребляются слова *ükin* (VIII, 16–216; 21–218) и *keüken* (VIII, 12–214), первое из них встречается в «Халха джирум» чаще, причем конкретная семантика этих лексем дифференцируется контекстом: *ükin-i ŋuyiqu* (VIII, 16–216) ‘сватать дочь’, *süi ügei ükin* (VIII, 7–212) ‘несговоренная девица’, *süitü ükin* (VIII, 6–212; 14–215) ‘сговоренная девушка, невеста’, *süileġsen ükin* (VIII, 20–217) ‘засватанная девушка’, *kümtün-ü ükin* (IV, 59–186) ‘чужая дочь’, *keüken-iyen qurimlaqu* (VIII, 12–214) ‘устраивать помолвку дочери’, *qurim ügei keüken* (там же) ‘девушка, помолвка которой не закреплена хуримом, свадьбой’. Сговор, помолвка невесты и жениха обозначается термином *süi*, а приданое невесты — термином *inži*: *süi ebdekü* (VIII, 8–212) ‘нарушать сговор, помолвку’, *abai-yin izayur-aca dayayulaŋu ireġsen inži* (VIII, 2–210) ‘приданое княжны, с которым она прибыла от родителей’.

Значение ‘сын, мальчик, парень’ передается словами *köbegün* и *kiiü* (VIII, 13–219; 25–220): *noyad-un köbegüd* (I, 1–128) ‘сыновья нойона’, *abai ügei köbegün* (IV, 47–179) ‘неженатый сын привилегированного лица’, *asaraŋsan köbegün* (I, 1–125) ‘приемный сын’, *otqan kiiü* (VIII, 23–219) ‘младший сын’, *uŋan kiiü* (там же) ‘старший сын’, *süileġsen kiiü* (VIII, 19, 20–217) ‘парень-жених, у которого есть засватанная девушка-невеста’.

Понятия ‘старший брат’ и ‘младший брат’ соответственно обозначаются лексемами *aq-a* и *degüü* (IX, 2–228).

В тексте памятника зафиксирован термин *žige* ‘внук, племянник по женской линии’: *otqan žige* (VIII, 23–219) ‘младший внук (по матери)’, *uŋan žige* (там же) ‘старший внук (по матери)’. Кроме этого, представлены также другие термины родства по

женской линии: *törküm* (VIII, 2–210) ‘родители, родственники невесты’, *törögsen naγasa* (VIII, 23–219) ‘родной дядя по матери’, *naγasa ečige* (там же) ‘дед по матери’.

Понятие ‘зять, муж дочери’ обозначается словом *kürgen* (VIII, 21–218): *kürgen oroqi* ‘войти в семью как зять’, *küčün-i kürgen* (там же) ‘зять, который пришел в семью невесты; работник-зять’.

Название прежнего жениха, или человека, с кем женщина была помолвлена, передается термином-словосочетанием *izayur-un qurimtu kümün: noyon qaraču kümün-i eme-yi busu kümün-dür ögkü bolqula, qurimtu kümün-i noyon-dur sonusγažu ög. Sonusqal ügei ögbesü izayur-un qurimtu kümün-dü qariulaži ögtügei* (VIII, 13–214) ‘Если нойон выдаст за другого человека женщину, помолвленную с простолюдином, то он обязан предварительно предупредить об этом нойона этого простолюдина. Если же не предупредит, то женщина должна выходить за прежнего жениха, того, с кем была помолвлена ранее’.

Общим названием отца жениха по отношению к отцу невесты является термин *quda* ‘сват, кум’: *quda boloqu* (VIII, 19–217) ‘свататься, становиться сватами’. Следует отметить, что в данном памятнике слово *quda* выступает только в “мужском” зна-

чении, в чем можно убедиться из текста статьи 19 Закона 1709 г.: *yeru quda boluγsan kümün mal-ıyan abuγad, ükin-ıyen öggül ügei yabuγsaγar žil udayγan qoyına ükin-i ečige udaži qayacaqula, nıgen žil doturaki-yi toγabar-i ög, küü-yin ečige udaži saγaγula öggügsen mal zaγu bolqula tegün-ıyen abqu* (VIII, 19–217). ‘Если кто, выдавая дочь замуж, получит скот и расторгнет помолвку, то он должен возратить полностью весь скот, полученный за последний год. Если брак будет расторгнут по почину отца жениха, то последний должен взять лишь тот скот, который он дал’.

Таким образом, терминология родства, выявленная нами в тексте памятника монгольского права «Халха джирум», позволяет судить о характере семейно-родственных отношений в монгольском обществе XVIII в. Данная группа слов, в которой ярко проявляется общность основного словарного фонда монгольских языков, отражает реальные отношения в обществе и семейно-родственном коллективе того времени, определяет статус индивидуума среди множества других людей, связанных с ним определенными узами родства, что важно для изучения форм социальной организации и функционирования социальных институтов в прошлые эпохи.

Литература

- Бадгаев Н. Б. Фонетические особенности некоторых терминов родства и свойства в монгольском глоссарии «Мукаддимат Ал-Адаб» // 7 Конгресс этнографов и антропологов России (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. С. 530–531.
- Жалан-Аажав С. Халх журам бол монгол хууль цаазны эртний дурсгалт бичиг мөн. Улаанбаатар, 1958. 212 х.
- Жамцарано Ц., Турунов А. Халха джирум: Описание памятника // Сб. трудов Иркутск. унта. Вып. 6. Иркутск, 1923. С. 1–18.
- Омакаева Э. У., Буркин А. А. Система терминов родства и свойства калмыков // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 1999. Вып. 4. С. 212–221.
- Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права

XVIII в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. Отв. ред. член-корр. РАН А. В. Дыбо. М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2012. 270 с.

- Ринчен Б. Qalq-a jirum // Studia Mongolica. Т. 1, f. 1. Улаанбаатар, 1959. 70 х.
- Рыкин П. О. Семантический анализ термина ага в среднемонгольском языке: к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства // Алгебра родства. СПб., 2005. Вып. 9. С. 32–44.
- Рязановский В. А. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306 с.
- Халха джирум: Памятник монгольского феодального права ХУШ в. Сводный текст и перевод Ц. Жамцарано; подготовка текста к изданию, редакция, введение, примечания С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1965. 340 с.

References

- Badgaev N. B. [Phonetic Features of some Terms of Kinship and Affinity in the Mongolian Glossary “Mukaddimat Al-Adab”]. In: Conf. proc. (Orenburg; July 1–5, 2009). Orenburg: Orenburg State Agrarian University Publ., 2009. Pp. 530–531. (In Russ.)
- [Khalha jirum: Monument of Mongolian Feudal Law]. Ts. Zhamtsarano (transl.). S. D. Dylykov (ed., compl.). Moscow: Nauka, 1965. 340 p. (In Russ.)
- Omaeva E. U., Burykin A. A. [System of Terms of Kinship and Affinity of Kalmyks]. In: [Algebra of Kinship. Kinship. Systems of Kinship]. Iss. 4. St. Petersburg, 1999. Pp. 212–221. (In Russ.)
- Purbayev G. Ts. [Monument of Mongolian Law of the XVIII cent. “Khalha Jirum”. Lexicon. Grammar. Transliteration of the text]. A. V. Dybo (ed.). Moscow; Kaluga: Eidos, 2012. 270 p. (In Russ.)
- Rinchen B. [Khalha Jirum]. Studia Mongolica. Vol. 1, f. 1. Ulaanbaatar, 1959. 70 p. (In Mong.)
- Ryazanovsky V. A. [Mongolian Law, mainly Common]. Kharbin: Print. shop of N. E. Chinarev, 1931. 306 p. (In Russ.)
- Rykin P. O. [Semantic Analysis of the Term *aga* in Middle Mongolian Language: Concerning Reconstruction of Nostratic Terminology of Kinship and Affinity]. In: [Algebra of Kinship]. Iss. 9. St. Petersburg, 2005. Pp. 32–44. (In Russ.)
- Zhalan-Aazhav S. [The Khalkh Juram, an Ancient Monument of Mongolian Law]. Ulaanbaatar, 1958. 212 p.
- Zhamtsarano Ts., Turunov A. [Khalkh Jirum: Description of the Monument]. *Proceedings of Irkutsk University*. Iss. 6. Irkutsk, 1923. Pp. 1–18. (In Russ.)

ББК Ш5(2=Р)7-4Волков О.+Т3(2Рос.Калм)622-38
УДК 82.09:94(470.47).084.8:343.264

ОБРАЗ «ПОСЛЕДНЕЙ» ССЫЛЬНОЙ КАЛМЫЧКИ В ПОВЕСТИ О. ВОЛКОВА «ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ»

Р. М. Ханинова

В художественном исследовании «Архипелаг ГУЛАГ» (1958–1967), размышляя об уроках отечественной истории, Александр Исаевич Солженицын (1918–2008) писал о том, что средняя человеческая память не удержала до прошлого столетия массовой насильственной ссылки народов: «Нужно было наступить надежде цивилизованного человечества — XX веку, и нужно было на основе Единственно Верного Учения высочайше развиться Национальному вопросу, чтобы высший в этом вопросе специалист взял патент на поголовное искоренение народов путем их высылки в сорок восемь, в двадцать четыре и даже в полтора часа» [Солженицын 1989: III, 385]. Назвав термин «спецпереселенец» советским, кровным, писатель прокомментировал специфику неологизма: «Разве не с этой приставочки *спец* начинаются наши излюбленные сокровеннейшие слова (спецотдел, спецздание, спецсвязь, спецпаек, спецсанаторий)? В год Великого Перелома обозначили “спецпереселенцами” раскулаченных... <...> И вот указал Великий Отец применять это слово к ссылаемым нациям» (курсив автора. — Р. Х.) [Солженицын 1989: III, 386].

В июле 1941 г. метод был испытан на примере Автономной республики немцев Поволжья [Солженицын 2004: III, 387–388]. «Система была опробована, отлажена и отныне будет с неумолимостью цапать всякую указанную назначенную обреченную предательскую нацию, и каждый раз все проворнее: чеченов, ингушей, карачаевцев; балкар; калмыков; курдов; крымских татар, наконец, кавказских греков» [Солженицын 2004: III, 388]. Из этого мартиролога в главе «Ссылка народов» калмыцкому народу посвящено несколько сочувственных строк. Говоря о местах ссылок, А. И. Солженицын назвал «Сибирь (множество калмыков вы-

мерло на Енисее)» [Солженицын 2004: III, 390]. Уже тогда, когда замалчивали проблему сталинского геноцида в отношении народов страны, автор выразил надежду на будущее воплощение запретной темы: «Сколько сослано было наций, столько и эпосов напишут когда-нибудь — о разлуке с родной землей и о сибирском уничтожении» [Солженицын 2004: III, 390]. Эта надежда сбылась.

В калмыцкой литературе о депортации, как и в русской литературе о сталинских репрессиях, первыми описали эти события очевидцы, вначале упрощенно, схематично, чтобы быть доступными отечественному читателю в той степени, в какой позволяла цензура в стране, затем, когда стало возможно, со всей откровенностью и исповедальностью, генерируя историческую память народа. Одним из первых исследований по этой теме стала монография Н. Ц. Манджиева, осветившая некоторые аспекты концепции ссыльного человека в калмыцкой прозе XX в. [Манджиев 2005]. В нашей монографии «Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов» одна из глав посвящена поэзии и судьбам двух авторов, отбывавших сибирскую ссылку в разные сроки [Ханинова 2008а: 87–118], создавших образ Сталина и отобразивших советскую модель тоталитаризма. Главное заключается в том, что оба писателя — летописцы своей эпохи — стали полпредами своего народа, защитниками его поправленных прав и свобод, их гражданская и патриотическая позиция явила личное мужество, а произведения — диалектическое понимание законов истории и народов [Ханинова 2008а: 116].

А. Солженицын одним из первых в русской литературе XX в. художественно исследовал механизм репрессивного государственного аппарата, который выработал дифференцированный подход к спецпере-

селенцам. Рассказывая о прибалтийских ссыльных в Сибири, он сообщал, что выживали они за счет посылок из Прибалтики — ведь не весь народ сослали, и задавал риторический вопрос: «А кто ж калмыкам посылки присылал? Крымским татарам?..

Пройдите по могилам, спросите» [Солженицын 2004: III, 398].

Основанный на автобиографическом опыте и на 227 мемуарных свидетельствах, «Архипелаг ГУЛАГ» представлял широкую панораму существования спецпереселенцев: «Впереслойку расселенные, друг другу хорошо видимые, выявляли нации свои черты, образ жизни, вкусы, склонности <...> Однако в общем подчинились режиму и не доставляли больших забот комендантской власти», — резюмировал писатель [Солженицын 2004: III, 399]. Среди тех, кто поддавался психологии покорности, он назвал и наших сородичей: «Калмыки — не стояли, вымирили тоскливо» [Солженицын 2004: III, 401]. Справедливости ради тут же уточнил: «(Впрочем, я их не наблюдал.)» [Солженицын 2004: III, 401].

Другим свидетелем вымирания калмыцкого народа стал Олег Васильевич Волков (1900–1996), прошедший в тюрьмах, лагерях и ссылках почти 28 лет; как известно, его воспоминания использовал Солженицын в своей книге. Часть из них в подборке «Горстка праха» была впервые опубликована в журнале «Юность» [Волков: 1989, 30–44]. Есть там и маленький рассказ «Последняя Калмычка» [Волков: 1989, 42–43]. Затем в повести «Погружение во тьму» с подзаголовком «Из пережитого», создававшейся в 1970-е гг., в девятой главе «По дороге декабристов», московский писатель вновь поведал о судьбе безымянной калмычки, которую встречал в 1951 г. во время проживания в красноярском селе Ярцево. Это один из первых портретов калмычек в произведениях «возвращенной» русской литературы о трагической депортации народов.

Напрашивается сравнение эпизодов повести О. Волкова с рассказом Виталия Закруткина «Подсолнух» (1957), в котором тема сибирской ссылки, связанная с образом чабана и обусловленная возвращением калмыцкого народа на родину, явлена латентно. Это упоминание о нескольких годах проживания Бадмы в Сибири, его рассказы о прошлых сновидениях, где снилась степь, как родная мать, где таежная и степная вода

сравниваются в пользу привычно соленой, где выражено предпочтение жаркого климата своей земли, несмотря на зной и суховеи, восхищение степной красотой [Ханинова, Хермикова 2012: 274, 275, 276].

Свой же рассказ О. Волков начал с печальной констатации факта, что Север встречал подневольный люд сурово и не приветливо: «Многие *не выстаивали*» (курсив далее наш. — Р. Х.). Заметим перекличку этого глагола «не выстаивали» с глаголом Солженицына, примененным к калмыкам: «*не стояли*».

Волков привел пример с партией якутов — человек триста — в Соловецком лагере в конце 1920-х гг., в которой вымерли все: «...на приезжих влияла вся тяжесть условий и обстоятельств — начиная с непривычного климата и пищи до пережитого душевного потрясения. <...> Странно и жутко было видеть этих выросших у полюса холода людей, одетых с ног до головы в меха, чахнувших и пропадающих среди снежной зимы почти на той же параллели, что и Якутск, на острове, освещенном теми же сполохами, что их стылая лиственничная тайга!» [Волков 1990: 118].

«На Енисее та же участь постигла калмыков», — трагически констатирует автор [Волков 1990: 118]. Он не знал, какова была численность этого народа, но знал, что «из приастраханских степей вывезли всех калмыков — от мала до велика. Их целыми семьями грузили в вагоны и отправляли на восток. Массовая эта операция была произведена, если не ошибаюсь, в 44-м году, под гром победных салютов» [Волков 1990: 118]. Некоторые неточности мемуариста понятны в связи с отсутствием доступа к необходимым материалам. Калмыков ссылали не только из приастраханских степей, и эта операция, начатая 28 декабря 1943 г., длилась до тех пор, пока малочисленный народ не рассеяли от Казахстана до Камчатки.

В послесловии к повести О. Волкова М. Кораллов особо отметил многозначность национальной проблематики. «На страницах “Погружения во тьму” встречаешь армянина-художника, латыша, чеченцев, грузина, калмычку, потерявшую всех, кто сослан был с нею на берега Енисея, петербургского немца Фельдмана в роли сурового эскулапа, умевшего, однако, вызволять из беды собратьев “по статье”...»

Воскрешая в мемуарах свой лагерный интернационал, ээк, устоявший в испыта-

ниях, был, наверное, вправе хоть изредка позволять себе пусть снисходительное, но поучение, а то и ярость по отношению к сдавшимся и потому поверженным, к покорным и потому опустившимся. Однако в повествовании нет злости, нет презрения, нет интонаций оскорбительного превосходства» [Кораллов 1990: 126].

В своих воспоминаниях Волков подчеркнул и «точечное» рассредоточение калмыцких спецпереселенцев, и чуждую для них работу (лесозаготовки): «Часть калмыков была отправлена на Енисей — их расселяли по реке вплоть до Туруханска и ниже, несколько сот человек попало в Ярцево. Трудоспособных угоняли на лесозаготовки, отдавали в колхозы, преимущественно на работы, связанные с конями. Калмыки умело с ними обращались, но во всем остальном оказались трагически неспособными примениться к новым условиям, пище, климату, укладу жизни...» [Волков 1990: 118]. И потому «все больше детей, а потом и взрослых калмыков стало попадать в больницы. Ни внимательные русские врачи, ни ласковые сестры в белых косынках, сами заброшенные на чужбину, а потому старавшиеся помочь от всего сердца, ничего не могли сделать... Калмыки лежали на больничных койках тихие, ужасно далекие со своим малоподвижным лицом и чужим языком, горели в сильном жару и помирали. Одного за другим их всех — малышей и подростков, девушек, женщин и мужчин в расцвете лет, стариков — попереносили на голые сибирские кладбища, позакапывали в землю, так и не признавшую их за своих детей.

Когда меня привезли в 1951 году в Ярцево, трагедия калмыков подходила к концу. В селе их оставалось наперечет. Вскоре узналось, что и по другим деревням перемерли все степняки» [Волков 1990: 118–119].

По определению Б. А. Бичеева, «годы депортации — время, когда в этническом сознании калмыков на отрезке в тринадцать лет происходили два разновекторных процесса — угнетения и активизации этнического сознания. Первый наблюдался в начальный, адаптационный период ссылки, второй характерен для последующего этапа пребывания в депортации». При этом, считает исследователь, «для калмыцкого этноса, оказавшегося разбросанным на огромном пространстве и в непривычных для него природно-климатических услови-

ях, в обстановке моральной подавленности, наиболее тяжелым был адаптационный период первых пяти-шести лет». Состояние этничности начального периода он определяет как «социальную смерть»: «Этнос оказался вне защитного действия существующего конституционного поля. Он лишился прав, свободы, официального статуса и достоинства» [Бичеев 2004: 171]. Для первоначального физического выживания в ситуации «культурного шока» (разрушение устойчивых жизненных стереотипов, когда они внезапно входят в противоречие с реальностью действительностью) к аспектам культурного шока, испытываемого этносом в состоянии вынужденного переселения, Б. А. Бичеев относит: напряжение, связанное с необходимостью психологической адаптации; чувство потери и лишения; чувство отверженности; сбой в ценностях, чувствах и самоидентификации; тревога, вызванная культурными различиями; чувство неполноценности [Бичеев 2004: 170]. Механизм внутреннего сопротивления срабатывал не у всех представителей этноса. В качестве примера ученый сослался на документальные свидетельства О. Волкова о трагической судьбе тех, кто не сумел психологически и физически адаптироваться к новым условиям [Бичеев 2004: 172].

Хотя современный философ и назвал второй период адаптации (1949–1956) ссыльных калмыков условно реанимационным [Бичеев 2004: 171], повесть Волкова убеждает, что тогда подчас и некого было возрождать к жизни, если смысл ее был утрачен для спецпереселенца. «И настал день, когда в нашем Ярцеве уцелела всего одна женщина — Последняя Калмычка» [Волков 1990: 119], одна из прежних нескольких сотен спецпереселенцев. Автор не назвал реальную женщину ее настоящим именем, потому что не знал его (если бы забыл, сообщил), а другие жители села, видимо, обращались к ней по-своему, кто как мог, но эти обращения в повествовании не приводятся.

Возможно, назвав свою героиню Последней Калмычкой, О. Волков косвенно сравнивал ее с «любезной калмычкой» А. С. Пушкина. Скрытое сопоставление «мерцает» в изображении калмычки, погибающей на чужбине. Здесь подчеркнуты такие ее черты, как неряшливость, недружелюбность, молчаливость, одинокость, маскулинность (курит, пьет). Автор совсем не

обращает внимания на ее внешность, вероятно, мало привлекательную с точки зрения «другого». Вместе с ней он караулил на берегу плоты: «Она меня словно не замечала, усаживалась где-нибудь на плоту и *понури сидела* с засунутыми в рукава телогрейки руками, потом задремывала, свесив голову, *обвязанную платком не по-нашему*. Так было под утро. С вечера она обыкновенно скороговоркой непрерывно бормотала что-то на своем языке. Наш она совсем не знала, выучила всего несколько слов. Калмычка иногда негромко и на одной заунывно-тоскливой ноте пела, *долго и тоскливо*, и это походило на *безответную жалобу*» [Волков 1990: 119]. Подробность в описании одежды (платок обвязан по-иному) сообщает ей значимый смысл: сохранение носителем самобытности. Судя по наречиям («долго и тоскливо», ср. у Солженицына — «вымирали тоскливо»), женщина пела калмыцкие протяжные песни («ут дун»), изливая в них свои переживания и мысли, не заботясь о том, что их мало кто понимает со стороны. Обращаясь к родной песне как выражению коллективного народного сознания, ссылая калмычка выражала с ее помощью свой пассивный протест против насилия и несправедливой действительности, в которой ей не было места.

«Поначалу будто бы и не очень тревожилась, когда умирали ее соплеменники, редко навещала больных и тем более не ходила на кладбище. Ее привезли в Ярцево со стариками — родителями убитого на войне мужа» [Волков 1990: 119]. Волков верно подметил внешнюю сдержанность в проявлении чувств Последней Калмычки, характерную для ее народа: у калмыков на кладбище не принято ходить, а в старину придерживались захоронений иных видов.

Автор не уточнил, были ли дети у этой женщины — умерли ли по дороге в ссылку, не выдержав тягот, или она их не успела родить, когда мужа взяли на войну. Но характерно при этом ее неостребованное материнство. «Из замкнутой отчужденности — в деревне всегда все известно, а потому знали, что она безутешна после потери мужа, — вывела, однако, вдову не утрата родных, а болезнь чужого мальчугана, матери которого она стала помогать за ним ходить. Носила ему парное овечье молоко, доставала что могла из лавки. Мальчуган помер» [Волков 1990: 119]. Эта утрата — автор не определил национальность ребенка, но, ско-

рее всего, это был калмычонок — стала для Последней Калмычки невыносимой.

Ранее она видела, как уходили из жизни калмыцкие дети, участи которых Волков посвятил прочувствованные, полные поэзии строки: «*Бойкими смуглыми бесенятами* носились первоначально *отчаянные калмыцкие мальчуганы на неоседланных и необратанных мохнатых лошаденках*, пригоняя их с пастбища и водопоя: со свистом, гортанными степными криками, так что только *завидовали и дивились местные подростки, сами убежденные, лихие конники*. А вовсе маленькие калмычата с живыми черными, как у куликов, глазами и плоскими лицами выжидательно смотрели на матерей — когда они пойдут доить кобылиц и принесут пенистого, с острым запахом молока... Однако — не дождались... Кто скажет, отчего стали чахнуть и помирать в приенисейских селах калмыцкие дети? Или и впрямь нельзя было обойтись без привычного кумыса? Или не хватало им по весне свежих цветущих лощин в тюльпанах, жаркого душистого лета, напоенного пряными ароматами высушенных солнцем степных трав?» [Волков 1990: 119]. Антропологические зарисовки калмыцких детей, их внешности (смуглые, черные глаза, плоские лица) и поведения (бойкие, отчаянные, живые глаза, носились на лошаденках, свист, степные гортанные крики), передают сочувствие автора к собратьям по несчастью. В описании калмыцкой пищи и природы недаром манифестируется ольфакторный аспект: память о запахах (кумыс с острым запахом) и ароматах (цветущие тюльпаны, душистое лето, степные травы) присутствует на генном, родовом уровне.

В разрушении личности повинен не только сам человек, уточняет свидетель. «И тогда Последняя Калмычка *впервые прибегла к спирту по наущению сердобольных соседей*, давно зарившихся на доставшиеся ей от свекра и свекрови сундуки с шелковыми одеялами и пуховыми шальями» [Волков 1990: 119]. По замечанию исследователя, «видно, из трудовой семьи была женщина, коль в доме был достаток» [Манджиев 2005: 98]. Авторская деталь об оставшихся от родителей мужа сундуках показательна, если знать, что с собою в ссылку калмыки не могли по сути ничего забрать, кроме самого малого. Это свидетельствует о том, что труд и в неволе оставался не только средством к существованию, но и ментальной характе-

ристической работоспособности спецпереселенцев.

«Одинокaя калмычка скоро сбилась с круга, забросила работу и с каким-то ожесточением стала прогуливать что только попадало ей под руку. И за короткое время спустила все свое добро» [Волков 1990: 119].

Необходимо отметить, что калмыцкие женщины с давних пор курили табак [Ханинова 2008б: 147–154]. «Моя напарница много курила, — писал мемуарист, — свертывала себе нескладные сигарки из газетной бумаги, просыпая при этом махорку, глубоко, не по-женски, затягиваясь. А когда кончался табак, подходила ко мне и хрипло выговаривала: “Куришь дай?”» [Волков 1990: 119]. Выпивать же калмычкам по обычаю запрещалось. Этот эпизод повести комментирует Н. Ц. Манджиев: «Калмычки никогда не употребляли спиртное, это было смертным грехом, однако после ссылки табу было снято. Исчезли многие моральные запреты, нарушились вековые народные устои» [Манджиев 2005: 98].

Для нас значимо авторское уточнение: «с каким-то ожесточением» расставалась героиня с вещами, словно хотела навсегда забыть прошлое, в котором осталось счастье: муж, семья, родня, сородичи. Для этноса характерны были сплоченность и взаимопомощь в период испытаний и невзгод, чувство крови; в ссылке, как свидетельствуют документы и материалы, калмыки старались держаться кланово, сохраняя несколько поколений под одной крышей. Будучи ранее кочевым народом, калмыки были неприспособлены к быту, не привязаны к материальным благам, не привередливы к удобствам. Об этом свидетельствует обширная этнографическая литература. Многие исследователи считают, что «такие национально-психологические особенности калмыков, как выносливость, неприспособленность, настойчивость, старательность, умение довольствоваться малым, обеспечивали успешность жизни калмыков в достаточно трудных природно-климатических условиях» [Крысько 1999].

В «ожесточенном» отказе калмычки от своих вещей мы бы отметили не свойственную ее народу открытость в проявлении негативных чувств при посторонних. Тем более, что «все ее знали, жалели, но помочь ей уже было нельзя. <...> И в рыбкоопе Последняя Калмычка продержалась недолго

— не могли держать сторожиху, постоянно пропускавшую дежурства и уходившую с них, когда вздумается» [Волков 1990: 119] — разумеется, не от лени. Кочевому народу несвойственно безделье, иначе он пропадет. Тут писатель отдал должное своей героине: «Прежде она никогда не пила и исправно ухаживала за овцами на скотном дворе» [Волков 1990: 119] — т. е. занималась привычным трудом. Но растущее безразличие к себе распространилось и на внешний образ жизни: «У нее уже ничего не осталось, она обносилась, бедствовала. Хозяйки неохотно пускали ее к себе жить...» [Волков 1990: 119]. Неохотно, но пускали. Эта женщина сама отделилась от других, чужих, никого не впуская в свой внутренний мир.

«Мне однажды пришлось видеть, как вырвалось у Последней Калмычки наружу сильное чувство, страстная тоска, на миг поборовшая всегдашнюю угрюмую замкнутость. Это было на восходе, когда должно было вот-вот показаться из-за лесов правобережья солнце. Перезябшая за ночь калмычка забралась на бугор повыше, в полгоры, караулила первые лучи. И когда они наконец хлынули, ласковые и яркие, она внезапно оживилась, стала подставлять им, не жмурясь, лицо, запрокидывая голову, словно устремлялась на встречу их жару и свету.

Я стоял внизу, на песке, в тени» [Волков 1990: 119].

Эпитеты «сильное чувство», «страстная тоска», «всегдашнюю угрюмую замкнутость» передают эмоциональные переживания человека, живущего вне сородичей в ссылке, не находящего теперь опоры в семье, в роду. Чувство укоренности в родной природе, утраченное на чужбине, прорывается у калмычки в желании согреться на солнце, пусть и не таком жарком, как в степях. Поэтому она не жмурится, подставляя лицо ласковым, в отличие от враждебных ей людей, солнечным лучам. Ей хочется сейчас поделиться своей радостью с другим, стоящим в тени. Этот контраст специально подчеркнут автором, чтобы показать разницу менталитета и образа жизни у людей разных национальностей и краев. « — Иди, иди! — поманила меня к себе Последняя Калмычка и быстро-быстро залопотала на своем языке, с живостью показывала на солнце и куда-то вверх по Енисею.

Не понимая слов, я знал, что она рассказывает о своем юге, о своем жарком щедром солнце, прокалившем душистый простор ее

степей и давшем жизнь ее народу. Глаза калмычки *блестели, на смуглом бескровном лице скупо показалась краска*.

— Это плохо, плохо! — вдруг горько по-русски заключила она и сразу потускнела. Глаза ее угасли, и резко обозначились ранние морщины на облитом утренним солнцем лице» [Волков 1990: 119].

Анализируя эпизод с восходом солнца в повести, исследователь увидел в нем прекрасные задатки души героини, ее способность понимать красоту природы [Манджиев 2005: 98].

Неважно, действительно ли догадался писатель, о чем могла поведать ему ссыльная калмычка, главное — ему удалось передать ее ностальгию. Поэтому детализированы подробности эпизода: женщина что-то быстро-быстро говорит (торопится высказаться, обычно молчалива), с живостью (жаждет поделиться) показывает на солнце и реку, глаза ее блестят (воодушевлена), на бескровном от недоедания и переживаний лице проступает скупой румянец (от волнения). Оценку происходящему Последняя Калмычка «горько» дала на русском языке, чтобы быть понятной чужому человеку. Все остальное — заповедное — передала по-калмыцки, и не только потому, что плохо владела русским языком, нашла бы несколько понятных слов. Выраженное вербальными средствами родного языка как бы возвращало ей чувство рода, этноса, родины, приобщенности к миру предков. Ей не с кем поговорить на своем языке, а потребность высказаться гложет. Так и с родными песнями, которые не требуют слушателя, а позволяют излить душу.

Перемена в поведении женщины наступила внезапно: она сразу потускнела, глаза угасли, резко обозначились ранние морщины на лице. Впервые в повести возникает намек на возраст героини, который прежде угадывался по контексту: молодая женщина, рано потерявшая на войне мужа, не имеющая детей, сильно пьющая в одиночестве от горя и безысходности.

Рассказ о женщине писатель завершил открытым финалом: «Последняя Калмычка внезапно покинула Ярцево. Ходили слухи, будто ей разрешили переехать в Енисейск,

где еще были живы несколько ее земляков. Ничего достоверного о ее дальнейшей судьбе так и не узналось» [Волков 1990: 119]. Верный фактам, автор ссылаясь на слухи, которые могли оказаться правдой: калмыки только с официального разрешения властей могли покидать места своих поселений, и только по уважительной причине: возможно, в Енисейске нашлись ее родственники. Могли ли они спасти ее от пьянства? Наверное, смогли бы, если бы она нашла долгожданную опору в них. В любом случае, по нашему мнению, незавершенность судьбы героини повести О. Волкова «Погружение во тьму» симптоматична и символична. Этнос выжил в тринадцатилетней ссылке (1943–1956 гг.), вернулся на родину после исторической реабилитации и возродился.

«Автор книги, словно проявляя милосердие, сообщает читателю, что Последняя Калмычка внезапно покинула Ярцево», — полагает Н. Ц. Манджиев [Манджиев 2005: 98], заключая, что «под пером писателя судьба женщины приобретает символический смысл», оставляя читателю «небольшой луч надежды» [Манджиев 2005: 99].

Говоря о судьбе героини в предисловии к газетной публикации отрывка из повести О. Волкова под редакционным названием «Роковая зима», В. Церенов объединил единичную судьбу с общенародной и подытожил: «У каждого из нас свой запас духовной прочности. Говорят, время было такое — суровое. Но жестоким делают время люди» [Церенов 1990: 3].

«Погружение во тьму», если воспользоваться метафорой Волкова, для нашей отечественной истории завершилось — начался прерванный путь к свету. Поэтика прозвания героини словно вбирает в себя историческое название калмыков (по одной из версий, «калмык» значит на тюркском «отделившийся, отставший»), ойратских выходцев из Джунгарии, обретших новую родину в Российском государстве в начале XVII в. Таким образом, повесть О. Волкова о Последней Калмычке включается в русло пушкинской традиции отзывчивости русской литературы по отношению к «другим степей».

Литература

- Бичеев Б. А. Дети Неба — Синие Волки. Мифолого-религиозные основы этнического сознания калмыков. Элиста: КалмГУ, 2004. 200 с.
- Волков О. В. Погружение во тьму: Из пережитого // Роман-газета. 1990. № 6. С. 3–122.
- Волков О. Последняя Калмычка // Юность. 1989. № 3. С. 42–43.
- Волков О. Роковая зима // Сов. Калмыкия. 1990. 22 марта. С. 3.
- Кораллов М. К свету // Роман-газета. 1990. № 6. С. 123–128.
- Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. М.: Москов. психолого-социал. ин-т, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1067/word/kalmyki>.
- Манджиев Н. Ц. Калмыцкая проза о депортации (некоторые аспекты концепции человека). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 240 с.

- Солженицын А. И. Ссылка народов // Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования: В 3 т. М.: Сов. Писатель: Нов. мир, 1989. Т. 3. С. 385–404.
- Ханинова Р. М. Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008а. 185 с.
- Ханинова Р. М. Портрет калмычки с трубкой в аспекте имагологии: лирика Михаила Хонинова // Вестник КИГИ РАН. 2008б. № 1. С. 147–154.
- Ханинова Р. М., Хермикова Ц. Ч. Калмыцкий компонент в рассказе Виталия Закруткина «Подсолнух» // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2012. С. 272–277.
- Церенов В. В поисках себя // Сов. Калмыкия. 1990. 22 марта. С. 3.

References

- Bicheev B. A. [Children of Heaven — Blue Wolves. The Mythological and Religious Foundations of the Ethnic Consciousness of the Kalmyks]. Elista: Kalmyk State University, 2004. 200 p. (In Russ.)
- Khaninova R. M. [David Kugultinov and Mikhail Khoninov: Dialogue of Poets]. Elista: Kalmyk State University, 2008a. 185 p. (In Russ.)
- Khaninova R. M. [Portrait of a Kalmyk Woman with a Pipe in Aspect of Imagology: Lyrics by Mikhail Khoninov]. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2008б. No. 1. Pp. 147–154. (In Russ.)
- Khaninova R. M., Khermikova Ts. Ch. [Kalmyk Component in the Short story “The Sunflower” by Vitaly Zakrutkin]. In: [Historical and Functional Study of Literature and Journalism: Sources, Modernity, Prospects]. Conf. proc. Stavropol: Stavropol State University Publ., 2012. Pp. 272–277. (In Russ.)
- Koralov M. [To the Light]. *The Novel-newspaper*. 1990. No. 6. Pp. 123–128. (In Russ.)
- Krysko V. G. [Ethnopsychological Dictionary]. Moscow. Psychological and Social Institute. 1999. An Internet resource: <http://vocabulary.ru/dictionary/1067/word/kalmyki>. (In Russ.)
- Mandzhiev N. Ts. [Kalmyk Prose about Deportation (some Aspects of the Concept of the Human)]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2005. 240 p. (In Russ.)
- Solzhenitsyn A. I. [Exile of Peoples]. In: A. I. Solzhenitsyn. Archipelago GULAG, 1918–1956: Experience of Art Research]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow: Sov. pisatel, Novyi Mir, 1989. Pp. 385–404. (In Russ.)
- Tserenov V. [In Search of himself]. *Sovetskaya Kalmykia*. 1990. March 22. P. 3. (In Russ.)
- Volkov O. [Fatal Winter]. *Sovetskaya Kalmykia*. 1990. March 22. P. 3. (In Russ.)
- Volkov O. [The Last Kalmyk Woman]. *Yunost*. 1989. No. 3. Pp. 42–43. (In Russ.)
- Volkov O. V. [Immersion into Darkness: From the Experience]. *The Novel-Newspaper*. 1990. No. 6. Pp. 3–122. (In Russ.)

УДК 33
ББК 65.30

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИК ЮГА РОССИИ В 1960–1980-е гг.

С. Н. Немгирова

В условиях социально-экономических преобразований, происходящих в России, возрастает значение политики в сфере промышленности как многоуровневой, целенаправленной системы регулирующих мероприятий государства и других хозяйственных субъектов рыночной экономики. Основой формирования промышленной политики служит стратегия инновационной модернизации экономики, устанавливающая этапные задачи, исходя из общих закономерностей функционирования отечественного хозяйства, состояния его воспроизводственной базы, тенденций изменения рыночной конъюнктуры для обеспечения конкурентоспособности и устойчивости развития страны и ее регионов. Ослабление внимания к отраслевым аспектам стратегии экономического развития страны ведет к диспропорциям воспроизводства, нарушает взаимодействие субъектов хозяйственной деятельности различных сфер, что влечет снижение темпов экономического роста.

В настоящее время республики Юга России по темпам промышленного производства существенно отстают от среднероссийских показателей. Это обусловлено тем, что до сих пор не удалось восстановить народнохозяйственные связи, промышленный потенциал республик Юга России, разрушенный в начале либеральных реформ 1990-х гг. В этих условиях немаловажное значение приобретает обращение к вопросам развития промышленного производства национальных регионов в предыдущие годы.

В послевоенные годы рубежным событием в экономической жизни страны стал переход в 1957 г. от отраслевого принципа управления к территориальному с переводом оперативного управления экономикой

на региональный уровень. В соответствии с этой реформой система управления народным хозяйством через министерства и союзные ведомства была заменена на систему управления через региональные советы народного хозяйства.

В РСФСР, где имелось 15 национальных республик и 59 краев и областей, насчитывалось 70 совнархозов. Однако самостоятельным экономическим районом оставалась лишь Коми АССР. Остальные автономные республики вошли в состав укрупненных совнархозов: Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская и Дагестанская АССР — в Северо-Кавказский, Калмыцкая АССР — в Нижневолжский совнархоз и т. д. Центральный аппарат совнархоза руководил промышленностью и строительством через отраслевые управления, которые являлись главным звеном в системе совнархоза. По содержанию и характеру отраслевые управления представляли собой довольно самостоятельные звенья. Широкие полномочия, предоставленные начальникам управлений, давали им реальную возможность оперативно руководить подведомственными предприятиями и организациями [Касьянова 1996: 18].

Так, в ведении Главного управления промышленности и строительства Калмыцкой АССР при Волгоградском СНХ находилось 12 предприятий промышленности и строительства. Оно координировало работы по строительству и реконструкции промышленных и строительных предприятий, распределяло средства и технику. Под руководством этого ведомства в годы семилетки вступил в строй машиностроительный завод в г. Каспийске, выпустивший в 1963 г. первую партию автобусов и автолавок. В столице ре-

спублики, г. Элисте, были построены завод железобетонных изделий, керамзитовый завод, мебельная фабрика. Велась работа по реконструкции и расширению мощностей Элистинского кирпичного завода. Вступили в строй предприятия легкой промышленности — швейная и трикотажная фабрики, были реконструированы Сарпинский и Городовиковский маслозаводы. В 1965 г. были сданы в эксплуатацию цех по переработке мяса на Каспийском рыбокомбинате, Аршанский мясокомбинат. Таким образом, создание регионализованной структуры управления народным хозяйством способствовало интенсивному развитию экономики территорий. В республиках Юга России появилось множество предприятий местной промышленности, особенно пищевой. Производство крупных предприятий строилось с учетом интересов территорий.

На первом этапе организация совнархозов показала эффективность. Сократились бессмысленные встречные перевозки грузов, закрывались сотни дублировавших друг друга мелких производственных предприятий разных министерств. Высвободившиеся площади были использованы для производства новой продукции. Расширились возможности межотраслевой специализации и кооперации в пределах экономических районов, оперативное управление приближалось к деятельности подведомственных предприятий и строек. Ускорился процесс технической реконструкции многих предприятий: за 1956–1960-е гг. было введено в строй в три раза больше новых типов машин, агрегатов, приборов, чем в предыдущую пятилетку.

Но не все шло так гладко, как хотелось бы этого на местах. Ликвидация отраслевых министерств как носителей управленческой вертикали привела к разбалансировке в функционировании предприятий базовых отраслей, нарушились производственные связи. Региональные органы, в силу их территориальной ориентации, не проявляли должного интереса к выполнению общесоюзных производственных

задач. Обострились противоречия между находившимися на одной территории равнозначными структурами партийного и хозяйственного руководства. Совнархозы скоро исчерпали свои возможности и стали тормозить развитие промышленности. В национальных республиках они просуществовали недолго.

В сентябре 1965 г. принимается решение о начале экономической реформы, с общей концепцией которой на пленуме ЦК КПСС выступил А. Н. Косыгин. Реформа включала в себя три направления: во-первых, проведение мероприятий по повышению материальной заинтересованности коллективов предприятий в увеличении производства и улучшении качества продукции; во-вторых, осуществление мер по совершенствованию планирования, нацеленных на то, чтобы планы гарантировали пропорциональность развития отраслей народного хозяйства и рост технического уровня производства; в-третьих, реорганизация управления промышленностью.

Экономическая реформа 1965 г. ознаменовала собой наиболее масштабную попытку усовершенствовать социалистическую систему хозяйствования. Система распределения прибыли и премирования за выполнение плана, в составлении которого предприятия должны были играть более активную роль, вела к тому, что их коллективам становился выгоден именно оптимальный, т. е. реальный, но в то же время достаточно напряженный, план, тогда как до реформы они добивались снижения плановых заданий [Фирсов 2004: 62].

Позитивные эффекты преобразований быстро распространились на региональный мезоуровень экономики СССР. В 1965–1970-х гг. практически во всех республиках Юга России происходило ускоренное развитие промышленности, и только в Чечено-Ингушской АССР промышленное развитие шло замедленными темпами (табл. 1). Однако следует указать на то, что уже в следующих пятилетках произошло падение ежегодных темпов промышленного производства.

Таблица 1.

**Индексы промышленного производства по национальным республикам РСФСР
(в среднем за год, в %) [Российский статистический ежегодник 2002: 344-345]**

Республики	1965– 1970 гг.	1971– 1975 гг.	1976– 1980 гг.	1981– 1985 гг.	1986 – 1990 гг.
РСФСР	110	107	104	103	103
Дагестанская АССР	110	107	105	104	103
Кабардино-Балкарская АССР	113	110	104	105	104
Северо-Осетинская АССР	110	107	105	105	105
Чечено-Ингушская АССР	105	101	102	99	101
Калмыцкая АССР	111	108	105	108	105

Темпы и пропорции в развитии промышленности определялись направляемыми капитальными вложениями. Приведенные в табл. 2. данные показывают, что вложения в народное хозяйство республик Юга России увеличивались от пятилетки к

пятилетке, соответственно росли инвестиции и в промышленность, обусловив значительные объемы капитальных вложений в новое строительство, техническое перевооружение и реконструкцию действующих предприятий, а также их расширение.

Таблица 2.

**Капитальные вложения государственных и кооперативных предприятий
и организаций (без колхозов) в народное хозяйство национальных республик
и РСФСР в 1971–1985 гг. (млн руб.) []**

Республики	1971–1975 гг.		1976–1980 гг.		1981–1985 гг.	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
РСФСР	310000	100	409	132	483	155
Калмыцкая АССР	753	100	938	125	1209	161
Дагестанская АССР	1998	100	2213	111	2481	124
Кабардино-Балкарская АССР	885	100	1171	132	1475	167
Северо-Осетинская АССР	781	100	1056	135	1202	154
Чечено-Ингушская АССР	1771	100	2064	117	2205	125

Сост. по: [Народное хозяйство РСФСР за 70 лет 1987: 235; Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке 1987: 158-159; Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР за 70 лет 1987: 59; Народное хозяйство Калмыцкой АССР за годы одиннадцатой пятилетки 1986: 145; Северная Осетия за годы одиннадцатой пятилетки 1986: 76; Чечено-Ингушская АССР за годы одиннадцатой пятилетки 1986: 85]

Обращает внимание на себя тот факт, что в большинстве республик Юга России увеличение инвестиций не совпадало с темпами прироста продукции. В 1981–1985-х гг. абсолютный объем капитальных вложений в промышленность Кабардино-Балкарской АССР превысил уровень девятой пятилетки в 1,9 раза, в то время как среднегодовые темпы прироста общего объема продукции промышленности уменьшились на 4,5 % [Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР в одиннадцатой пятилетке 1986:

94–95]. Объем инвестиций в промышленный комплекс Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке по сравнению с десятой увеличился в 1,9 раза, а среднегодовые темпы прироста продукции снизились на 0,3 % [Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке 1987: 21, 159]. Это говорит о непоследовательности проводимых мероприятий, половинчатости принимаемых мер, невозможности вносить корректировки в отдельные части, не меняя систему в целом.

Главным тормозом реформы стало перенапряжение государственного плана, зависевшего не от системы планирования и даже не от концепции народнохозяйственного плана, предлагавшейся Госпланом и Советом Министров СССР, а от политики, определявшейся «коллективным руководством», в котором решающим голосом обладал Генеральный секретарь ЦК КПСС, а глава правительства имел столько же прав, сколько каждый из остальных членов Политбюро [Фирсов 2004: 73].

Несмотря на все перипетии, в 1960–1970-е гг. существенно изменилась структура промышленного производства республик Юга России и их доля в экономике РСФСР, что было связано со строительством большого количества новых предприятий, организацией новых отраслей и производств. Впервые стали выпускаться уксусная кислота и пластические массы в Чечено-Ингушской АССР, бутиловый спирт — в Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР; введен в строй Грозненский химический завод, организовано производство фосфатных солей в Дагестанской АССР. Активно развивалась цветная металлургия в Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР, получили развитие отрасли электротехнической и приборостроительной промышленности, причем значительную часть их ассортимента стали производить там впервые. Было организовано производство электроизмерительных приборов в Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской АССР, низковольтной аппаратуры — в Кабардино-Балкарской и Дагестанской АССР, электроустановочных изделий в Чечено-Ингушской АССР. Расширилось производство деревообрабатывающих станков в Кабардино-Балкарии, оборудования для пищевой промышленности, запасных частей к сельскохозяйственным машинам и автомобилям в Чечено-Ингушетии и Дагестане. Большое развитие получила нефтяная и газовая промышленность в Чечено-Ингушской, Дагестанской и Калмыцкой АССР.

Важнейшей отраслью промышленности республик Юга России являлась промышленность строительных материалов, обеспечивающая объекты промышленного и гражданского строительства. Возрастающий объем строительства в республиках определял необходимость расширения их производства. Все же следует отметить не-

достаточно высокий уровень концентрации и технической оснащенности производства этой отрасли.

Накануне рыночных реформ промышленная специализация национальных регионов Юга России определялась развитием отраслей пищевой индустрии, машиностроения и металлообработки. На эти главные отрасли приходилось более половины всего объема промышленной продукции. Высокий удельный вес топливной промышленности отмечен в Чечено-Ингушской АССР (40,9 %), цветной металлургии — в Кабардино-Балкарской (19,2 %) и Северо-Осетинской АССР (22,5 %).

Легкая промышленность республик укрепляла свою производственную базу не только за счет нового строительства, но и за счет оснащения предприятий новыми современными механизмами. Поэтому в отрасли улучшалась технология производства, повышался уровень механизации. Несмотря на достигнутые результаты, за десятую и одиннадцатую пятилетки в легкой промышленности республик Юга России снизились темпы роста объемов производства.

Из всей широкой гаммы сырьевых ресурсов республик Юга России наиболее полно на всех этапах их индустриального развития использовалось сельскохозяйственное сырье. Пищевая промышленность заняла доминирующее положение с момента ее зарождения и сохраняла его до 1980-х гг., хотя в связи с быстрым расширением промышленного диапазона Северного Кавказа доля пищевой промышленности в структуре индустрии рассматриваемых автономий постоянно снижалась.

Определенное влияние на сложившиеся отраслевые пропорции оказывали и исторические условия, когда население республик в основном было занято в аграрном производстве. Сказывались и благоприятные климатические условия, позволяющие выращивать тепло- и солнцелюбивые культуры. Лишь в Калмыцкой АССР доля пищевой промышленности продолжала возрастать, что связано с особенностями ее ресурсов.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. в национальных регионах Юга России замедлились темпы роста выпускаемой промышленной продукции. Происходящие сдвиги в структуре промышленности отличаются следующими тенденциями: быстрое увеличение удельного веса отраслей тяжелой промышленности, стабилизация доли ма-

шиностроения в общем объеме продукции промышленности, постепенное сокращение удельного веса пищевой промышленности. На отраслевую структуру промышленного производства в целом повлияли такие факторы, как размещение природно-сырьевой базы и система расселения населения, исторические факторы, длительная специализация ряда национальных регионов на выпуске определённого вида промышленной продукции.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в середине 1980-х гг. назрела необходимость проведения целого ряда мероприятий в промышленном комплексе республик Юга России: по формированию эффективной системы управления промышленностью, максимально приспособленной к местным условиям; по сокращению производств и лик-

видации предприятий в неперспективных отраслях на основе общегосударственных, отраслевых и региональных программ; по увеличению в структуре народного хозяйства доли наукоемких и других ресурсосберегающих отраслей и использованию технологий с низкими затратами энергии и материалов; по созданию условий для продовольственного самообеспечения, увеличению потенциала пищевой промышленности в межрегиональном обмене; по созданию научных условий для развития отраслей и предприятий, ориентирующихся на выпуск новых товаров и услуг; по преодолению застойных тенденций и выходу в фазу устойчивого и социально ориентированного экономического роста на основе массового обновления техники и технологии, улучшения квалификации работников и системы управления.

Литература

- Касьянова О. П. Перестройка управления промышленностью и строительством в начале 50-х — первой половине 60-х годов. М.: ОАО Изд-во «Экономика», 1996. 180 с.
- Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. 220 с.
- Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981–1985 гг.): Стат. сб. Нальчик: Эльбрус, 1986. 165 с.
- Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР за 70 лет: Стат. сб. Нальчик: Эльбрус, 1987. 156 с.

- Народное хозяйство Калмыцкой АССР за годы 11-й пятилетки (1981–1985 гг.). Стат. сб. Элиста: Калмиздат, 1986. 205 с.
- Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1987. 470 с.
- Российский статистический ежегодник. 2002: Стат. сб.: Госкомстат России. М.: Юрайт, 2002. 690 с.
- Северная Осетия за годы одиннадцатой пятилетки: Стат. сб. Орджоникидзе: Ир, 1986. 136 с.
- Фирсов Ю. В. Косыгин и его реформы // Российский экономический журнал. 2004. № 5–6.
- Чечено-Ингушская АССР за годы 11-й пятилетки: Стат. сб. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1986. 110 с.

References

- [Chechen-Ingush ASSR during the years of the 11th Five-Year Plan]. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ., 1986. 110 p. (In Russ.)
- Firsov Yu. V. [Kosygin and his Reforms]. *Russian Economic Journal*. 2004. No. 5–6. (In Russ.)
- Kasyanova O. P. [Reorganization of Industrial and Construction Management in the Early 50s – First Half of the 60s]. Moscow: Ekonomika, 1996. 180 p. (In Russ.)
- [National Economy of Dagestan ASSR in the Eleventh Five-Year Plan]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1987. 220 p. (In Russ.)
- [National Economy of the Kabardino-Balkarian ASSR for 70 Years]. Nalchik: Elbrus, 1987. 156 p. (In Russ.)

- [National Economy of the Kabardino-Balkarian ASSR in the eleventh five-year plan (1981–1985)]. Nalchik: Elbrus, 1986. 165 p. (In Russ.)
- [National Economy of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic for the years of the 11th Five-Year Plan (1981–1985)]. Elista: Kalmisdat, 1986. 205 p. (In Russ.)
- [National Economy of the RSFSR for 70 Years]. Moscow: Finance and Statistics, 1987. 470 p. (In Russ.)
- [North Ossetia in the Years of the Eleventh Five-Year Plan]. Ordzhonikidze: Ir, 1986. 136 p. (In Russ.)
- [Russian Statistical Yearbook. 2002. State Statistics Committee of Russia]. Moscow: Yureit, 2002. 690 p. (In Russ.)

УДК 342.
ББК 67.400.

**ЦЕННОСТЬ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА —
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИМПЕРАТИВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ
РЕПРЕССИЙ НАРОДОВ В СССР В 30–50-е гг. XX в.*¹**

Е. А. Гунаев

Вопросы изучения и освещения истории политических репрессий советской эпохи, особенно периода сталинизма, по-прежнему являются проблемными в современной России, поскольку вызывают массу споров не только в среде исследователей, но и приобретают идеологическую окраску, что связано с политической борьбой различных сил, с разным видением будущего страны. В качестве безусловного императива (требования) в исследованиях по истории репрессий народов СССР в XX веке выступают конституционные ценности — ценности права, законности и демократии, правового государства, прав человека и коллективных общностей, включая народы. Очевидность такого вывода не вызывает сомнений, во всяком случае, для демократически убежденных граждан, включая ученых-исследователей.

Однако существуют научные исследования и публикации, в которых ставятся под сомнение некоторые факты или интерпретируются в определенном контексте сами причины и следствия депортации (насильственного переселения) и репрессий в отношении целых народов в истории СССР в 1930–1950-е гг. На наш взгляд, особенностораживают и вызывают неоднозначную оценку исследования юридической направленности, где с позиции права пытаются обосновать подобные утверждения. Они являются спорными с научной точки зрения, поскольку не соответствуют историческим фактам и положениям современного российского законодательства, а также вызывают негативную оценку с чисто гражданской позиции. Приведем примеры.

Одной из работ такого рода является кандидатская диссертация Р. Р. Баева «Организационные и юридические основы переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг.», защищенная в Волгограде в 2006 г. [Баев 2006]. Данный автор в соавторстве с А. Е. Епифановым издает почти под тем же названием учебное (!) пособие [Баев, Епифанов 2007]. Прежде всего вызывает определенный вопрос само использование понятия «переселение» — вместо «насильственное переселение», использованное в Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Первое в русском языке не имеет прямого негативного смысла, что задает неверный тон исследованию (в российском законодательстве о реабилитации репрессированных народов и жертв политических репрессий не применен термин «депортация». — *Е. Г.*). Кроме того, в формулировке темы использовано словосочетание «юридические основы», что опять-таки можно трактовать как обоснование законности действий органов государственной власти в рассматриваемый диссертантом период. На наш взгляд, можно было бы использовать нейтральный термин — «нормативное регулирование». Однако в работе избрана именно данная терминология.

Р. Р. Баев декларирует, что «в работе определены позитивные (!) и негативные стороны репрессирования названных народов в годы Великой Отечественной войны» [Баев 2006: 10–11]. По утверждению автора, в его «исследовании показаны особенности юридического статуса спецпереселенцев изучаемой категории, регламентация отпу-

* Статья выполнена в рамках проекта «Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе: конструирование этничности» Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

щенных им социально-экономических и политических прав (!), а также возложенных на них обязанностей» [Баев 2006: 12-13]. Проведенный автором «анализ архивных материалов» приводит его к выводу о том, что «усилия органов внутренних дел позволили со временем обеспечить спецпереселенцам достаточно высокий (!) уровень жизни в местах спецпоселения» [Баев 2006: 13]. В диссертации отмечается «достижение высоких результатов по предупреждению и ликвидации побегов спецпереселенцев...» [Баев 2006: 13].

Следует заметить, что автор указанного диссертационного исследования не избегает терминов «репрессии», «репрессивный аппарат», «принудительное переселение», «репрессивная практика», «репрессированные народы», однако стилистически в тексте этот терминологический ряд соседствует с вышеприведенными выводами. Основное же внимание диссертанта уделено работе органов НКВД и исполнительных органов советской власти по организации деятельности «по переселению и специальному поселению» указанных им народов. Теоретическая значимость исследования, по мнению автора, призвана «расширить представления о национальной политике советского государства, выявить своеобразие (!) переселения и специального поселения репрессированных народов» [Баев 2006: 13].

Другой настораживающий пример находим в статье Л. П. Белковец «Правовые аспекты национальной политики СССР в годы Великой отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие», опубликованной в академическом журнале «Государство и право» под рубрикой «Страницы истории» [Белковец 2006]¹. Тезисы и выводы этой статьи вызывают множество вопросов.

Во-первых, само название статьи не соответствует ее содержанию, поскольку речь идет о правовой природе специального административно-правового режима и спецпоселении как об одном из его видов в указанный период [Белковец 2006: 107]. В контексте содержания статьи употребление словосочетания «правовые аспекты национальной политики СССР» наталкивает

читателя на мысль об обоснованности и внешней законности творимых в то время деяний, что в корне неверно, даже с точки зрения советских конституций того периода. Конституции СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г., как известно, провозглашали идеалы народовластия и законности, тогда как политические репрессии сталинизма были, по сути, беззаконием, поскольку попирали провозглашенные конституционные нормы тоталитарного социализма.

Во-вторых, позиция автора становится сразу ясна, когда в первом же абзаце мы читаем: «...о так называемых «репрессированных» народах, переселенных (!) из европейской части страны на зауральские территории и подвергнутых административно-правовому режиму спецпоселения» [Белковец 2006: 106]. По мнению автора, оказывается, народы можно незаконно переселять, а слово «репрессированные» брать в кавычки.

Л. П. Белковец перечисляет народы, подвергшиеся «переселению»: «Причины (!) высылки были различными. Одни народы попали на спецпоселение в годы войны как “представители государств”, воевавших с СССР, другие — как “пособники фашизма”, третьи (украинцы, латыши, литовцы, эстонцы, молдаване) — как оказавшие сопротивление установлению советского строя, как “бандпособники” и “кулаки”» [Белковец 2006: 106]. Напомнив об обвинениях, хотя и взятых в кавычки, не опровергая их и не приводя альтернативных суждений, Л. П. Белковец приходит к выводу: «Впоследствии многое было поправлено. Однако немалую роль в их тяжелой судьбе (имеется в виду постсоветский период. — Е. Г.) сыграли непродуманные и скоропалительные выводы и оценки политики переселений народов, получивших наименование “депортаций”» [Белковец 2006: 107]. По мнению Л. П. Белковец, правовые выводы и оценки сыграли негативную роль в решении насущных национальных проблем.

Подвергая критике Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» от 14 ноября 1989 г. и при этом не указав, что она принята Верховным Советом СССР (это важный аспект. — Е. Г.), а также Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., Л. П. Белковец считает, что их принятие «способствовало распростра-

¹ Отметим, что ранее в этой же рубрике была опубликована статья: Сабанчиев Х.-М. А. Правовое положение и социальный статус балкарцев на спецпоселении // Государство и право. 2005. № 12. С. 89–96.

нению “обвальной негативной информации”, причем незаслуженному очернению подверглись многие положительные стороны жизни» [Белковец 2006: 107]. По мнению автора, «важно также восстановить истину в отношении той роли, которую сыграли в обеспечении режима спецпоселения обруганные с самых разных позиций силовые структуры, выяснить, как с их помощью регулировались трудовые и иные отношения спецпереселенцев и государства» [Белковец 2006: 107].

Л. П. Белковец рассматривает режим спецпоселения на примере российских немцев. В статье, по сути, оправдывается политика сталинизма в отношении так называемых социальных и национальных «групп риска», к которым «...несомненно, может быть отнесен немецкий этнос в СССР» [Белковец 2006: 109]. Утверждается, что «переселение» может быть оценено как превентивная акция Советского государства, носившая правовой характер, акции выселения не носили преднамеренно репрессивного характера, проводились на основе нормативных правовых актов, именовались «операциями», расценивались как проведение эвакуации, целесообразность которой разъяснялась населению [Белковец 2006: 109-110].

Л. П. Белковец пишет: «Практиковалось вежливое, корректное отношение к переселенцам, факты расстрелов и других репрессивных акций, известные из зарубежной литературы, не нашли подтверждения» [Белковец 2006: 110]. «Не соответствуют истине и рассказы об “ужасных условиях” путешествия, “нечеловеческих страданиях”, отсутствии пищи и воды, большом количестве жертв в пути, заплombированных вагонах, открывавшихся лишь для того, чтобы можно было забрать умерших, о чем писали в свое время не только западные, но и некоторые российские исследователи и историки. Архивные материалы и свидетельства самих переселенцев-немцев не подтверждают этих преувеличений (!)» [Белковец 2006: 110]. Автор приходит к выводу: «все сказанное не позволяет нам согласиться с мнениями некоторых ниспровергателей, яростно осуждавших “депортацию” как “чудовищное преступление сталинского тоталитаризма”» [Белковец 2006: 110].

Л. П. Белковец видит опасность в том, что освещение депортаций народов в СССР в годы Великой Отечественной войны «не-

которыми авторами вполне созвучно с известной на Западе концепцией перекалывания главной ответственности за преступления “третьего рейха” на Россию, “большевиков”, на “сталинский тоталитаризм”» [Белковец 2006: 110]. Признавая, что статус граждан СССР немецкой национальности «в результате переселения (!) был ущемлен», Л. П. Белковец объясняет это тем, что «в условиях политического режима в СССР, даже при формальном признании прав и свобод граждан, такая свобода вряд ли была бы возможна», отметив при этом, что «и демократические государства имеют прецеденты нарушения конституционных прав граждан в экстремальных условиях», к которым относится война [Белковец 2006: 111].

Наконец, согласно позиции автора статьи, «специальный административно-правовой режим спецпоселения стал адекватной (!) формой деятельности государства в нестандартной, экстраординарной ситуации» [Белковец 2006: 112].

Основные выводы Л. П. Белковец гласят: «в политике СССР по отношению к переселенным (!) народам отсутствуют все (!) элементы состава такого преступления, как геноцид» [Белковец 2006: 113]; «Закрепление немцев и других народов в местах спецпоселения способствовало решению важнейших задач экономического характера в тяжелейших условиях военного периода. Эти вынужденные (!) меры помогли СССР выстоять в войне» [Белковец 2006: 113]. Л. П. Белковец лишь сожалеет о том, что «никакими благими намерениями нельзя оправдать ужесточение режима после (!) войны, когда “закручивание гаек” и еще более усилившийся поиск среди спецпереселенцев шпионов и диверсантов приобрели характер мании; система продолжила творить миф о своей полезности и необходимости, в то время как ее влияние приобретало все более отрицательное значение» [Белковец 2006: 113]. Тезисы и выводы статьи Л. П. Белковец говорят сами за себя [См. также: Белковец 2004, 2005]. На наш взгляд, это не что иное, как оправдание сталинизма.

В аспекте оценок репрессий неоднозначно выглядят информационные сообщения отдельных федеральных средств массовой информации, безымянные авторы которых зачастую считают возможным в общем контексте информирования об истории депортаций указать «вину» народов, которая

послужила «причиной» их насильственного переселения. Один из примеров — информационная справка «Депортация народов в СССР» «РИА Новости» (в справке цитируются выдержки из Указов Президиума Верховного Совета СССР о карачаевцах и калмыках. — *Е.Г.*) [Депортация: 2009]. Обращая внимание на это, зададим риторические вопросы, в том числе вышеуказанным авторам: почему допускаются такие формулировки, почему репрессии обосновываются ссылками на незаконные указы того периода, или документам сталинской эпохи следует верить больше, чем российским законам?

В задачи данной статьи не входит полемика по всем названным тезисам, однако отметим следующее:

— Российская Федерация как правопреемница СССР обеспечивает дальнейшую реабилитацию репрессированных народов и жертв политических репрессий;

— репрессии в СССР, в том числе по национальному признаку, признаны противоправными и получили осуждение в российском законодательстве;

— термин «геноцид» присутствует в Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. (преамбула и ст. 2);

— хотя законодательство не использует термин «депортация» — использованы словосочетания: «насильственное переселение» (Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»), «направление в ссылку, высылку и на спецпоселение», «привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы» (ст. 1, ст. 1.1., ст. 2, ст. 2.1., ст. 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»), — отрицать законодательные нормы, да и

просто исторические факты неправомерно и аморально;

— законодательство содержит норму, закрепляющую ответственность за воспрепятствование реабилитации репрессированных народов (ст. 4 Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов») и жертв политических репрессий (ч. 2 ст. 18 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»).

И главное: высшей юридической силой обладают конституционные нормы. В действующей Конституции РФ провозглашается императив ценностей правового государства и прав человека (ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 2 ст. 4, ч. 2 ст. 15, ч. 2 ст. 29, ст. 52, ст. 53, ч. 3 ст. 56). Именно с этих позиций должны оцениваться политические репрессии в СССР, а не с позиции антиконституционных норм и документов органов власти советского государства тоталитарного периода, послуживших обоснованием для массовых репрессий.

В заключение отметим, что одной из проблем реабилитации репрессированных народов и жертв политических репрессий продолжает оставаться нравственная — проблема исторической памяти, связанная с десталинизацией российского общества [Алмаева 2012], неприятием фактов массовых репрессий и нарушений прав человека в рассматриваемый исторический период, недопущением оправдания действий тоталитарного режима. К сожалению, в современном российском обществе пока еще плохо осознается сама проблема десталинизации в массовом сознании, однако определенные шаги намечены [Суд 2013]. Это вселяет определенную надежду, что в России возобладают гуманистические ценности и оправдание тоталитаризма в обществе станет в принципе невозможным.

Источники

Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» от 14 ноября 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 23. Ст. 449.

Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1

(ред. от 30.11.2011) // СПС «Консультант Плюс». Информ. банк «Версия Проф».

Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 (ред. от 01.07.1993) // СПС «Консультант Плюс». Информ. банк «Версия Проф».

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. Законов о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ) // Рос. газета. 2009. 21 января.

Литература

Алмаева Л. М. Десталинизация российского общества – путь к развитию демократического государства // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2012. № 1 (7). С. 137–143.

Баев Р. Р. Организационные и юридические основы переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград. 2006. 278 с. РГБ ОД, 61:07-12/894. // URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/179191.html#introduction> (дата обращения: 21.04.2013).

Баев Р. Р., Епифанов. А. Е. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 (Историко-юридический аспект): Учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та экономики, социологии и права, 2007. 279 с.

Белковец Л. П. Административно-правовой режим спецпоселений // Российский юридический журнал. 2004. № 3. С. 134–139.

Белковец Л. П. Правовая оценка переселения народов и режима спецпоселения в СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие // Современные проблемы юридической науки. Сборник научных статей. Новосибирск: РИЦ «Новосибирск». 2005. Вып. 5. С. 205–213 // URL: <http://www.lawlibrary.ru/article1203582.html> (дата обращения: 12.07.2013).

Белковец Л. П. Правовые аспекты национальной политики СССР в годы Великой отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие // Государство и право. 2006. № 5. С. 106–113.

Депортация народов в СССР. Справка // Опубликовано на сайте РИА Новости 14.11.2009 // URL: <http://ria.ru/20091114/193419498.html> (дата обращения: 12.07.2013).

Суд над сталинизмом отложен. Зато программа поддержки жертв массовых репрессий получит финансирование // Независимая газета. 2013. 27 июня // URL: http://www.ng.ru/politics/2013-06-27/1_sud.html (дата обращения: 11.07.2013)

Sources

[The Constitution of the Russian Federation]. December 12, 1993 (ed. Laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation from December 30, 2008). № 6-FZ. *Rossiyskaya gazeta*. 2009. January 21. (In Russ.)

[The Declaration of the Supreme Soviet of the USSR “On the Recognition as Illegal and Criminal of Repressive Acts against Peoples who have been Forcibly Resettled and Securing their Rights”]. November 14, 1989. The Gazette of the Congress of People’s Deputies Bulletin of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. No. 23. Art. 449. (In Russ.)

[The Law of the Russian Federation “On Rehabilitation of Victims of Political Repression”]. October 18, 1991. No. 1761-1 (edited 30.11.2011). Legal Reference System Consultant Plus. Inform. bank Versiya Prof. (In Russ.)

[the Law of the RSFSR “On Rehabilitation of the Repressed Peoples”]. April 26, 1991. No. 1107-1 (ed. 01.07.1993). Legal Reference System Consult Plus. Inform. bank Version Prof. (In Russ.)

References

Almaeva L. M. [Destalinization of the Russian Society is the Way to Development of the Democratic State]. *Bulletin of the South Ural Professional Institute*. 2012. No. 1 (7). Pp. 137–143. (In Russ.)

Baev R. R. [Organizational and Legal Foundation for Relocation and Special Settlement of Peoples of Kalmykia, North Caucasus and Crimea. 1943–1956]. Dr. Sc. thesis (Law). Volgograd. 2006.

278 p. Russian State Library, 61:07-12/894. An Internet resource: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/179191.html#introduction> (accessed: April 21, 2013). (In Russ.)

Baev R. R., Epifanov. A. E. [Resettlement and Special Settlement of Peoples of Kalmykia, North Caucasus and Crimea. 1943–1956 (Historical-legal aspect)]. Volgograd: Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law, 2007. 279 p. (In Russ.)

Belkovets L. P. [Administrative-legal Regime of the Special Settlements]. *Russian Juridical Journal*. 2004. No. 3. Pp. 134–139. (In Russ.)

Belkovets L. P. [Legal Aspects of the National Policy of the USSR during the Great Patriotic War and the First Postwar Decade]. *State and Law*. 2006. No. 5. Pp. 106–113. (In Russ.)

Belkovets L. P. [Legal Estimation of the Peoples’ Resettlement and Special Settlement Regime in the USSR during the Great Patriotic War and the First Postwar Decade]. In: [Modern Issues of Legal Science]. Novosibirsk: Novosibirsk Publ., 2005. Iss. 5. Pp. 205–213. An Internet resource: <http://www.lawlibrary.ru/article1203582.html> (accessed: July 12, 2013). (In Russ.)

[Deportation of Peoples in the USSR. Reference]. The website of RIA Novosti 14.11.2009. An Internet resource: <http://ria.ru/20091114/193419498.html> (accessed: July 12, 2013). (In Russ.)

[The Trial of Stalinism has been Postponed. But the Program to Support Victims of Mass Repressions will Receive Funding]. *Nezavisimaya Gazeta*. 2013. June 27. An Internet resource: http://www.ng.ru/politics/2013-06-27/1_sud.html (accessed: July 11, 2013). (In Russ.)

Максимов К. Н., Очиров У. Б. Рец. на *История башкирского народа: в 7 т. Т. IV.* СПб.: Наука, 2011. 400 с.

Социально-политические пертурбации последнего десятилетия XX века коренным образом отразились на развитии отечественной исторической науки. Одним из последствий этих перемен стала активизация и возрастание роли региональных исторических научных школ, в том числе и в национальных автономиях. Причиной последнему послужил ряд факторов: исчезновение диктата идеологии над наукой, складывание и/или усиление региональных научных школ за счет подготовки высококвалифицированных кадров, рост национального самосознания и т. д.

Во многих республиках, в которых имелись научные исторические исследовательские учреждения и вузы, стали создаваться обобщающие фундаментальные труды (коллективные монографии) по истории данного региона или народа. Безусловно, эти работы опирались на труды предшествующих поколений ученых, в том числе и на обобщающие исследования по истории регионов, созданные в советский период. Однако большинство таких изданий именовались «Очерками», что подразумевало их некоторую незавершенность [см., напр.: Очерки по истории Башкирской АССР 1956, 1959, 1966; Очерки истории Калмыцкой АССР 1967 и 1970]. Для историографии ряда регионов 1990-е–2000-е гг. стали возможностью сделать следующий шаг по созданию обобщающих историй, используя как разработки предшественников, так и результаты новых исследований.

За последние два десятилетия (1993–2013 гг.) многие из этих проектов увенчались успехом: по подсчетам авторов данной статьи, за указанный период в 15 национальных автономиях было опубликовано 39 томов обобщающих историй региона или народа (каждый такой труд включает в себя от 1 до 7 томов) [История башкирского народа 2009–2012; История Бурятии 2011; История Дагестана 2004–2005; История Калмыкии 2009; История Карелии 2001; История Коми 2004; История Мордовии 2001, 2005, 2010; История Осетии 2012; История Республики Алтай 2002; История татар 2002, 2006,

2009, 2013; История Тувы 2001, 2007; История Удмуртии 2004, 2005, 2008; История Хакасии 1993; История Чечни 2006, 2008; История Чувашии 2001, 2009]. Следует подчеркнуть, что авторы учитывали лишь обобщающие труды в виде коллективных монографий, оставив в стороне учебные пособия, сборники документов и т. п. В одних республиках написание фундаментальных трудов продолжается (например, в Татарстане); в других — к работе только приступили (например, в Якутии).

В свете дискуссий об эффективности академической науки, недавно развернувшихся вокруг принятия так называемого «Закона о реформе РАН», хотелось бы обратить внимание читателя на следующий факт. Хотя для написания таких трудов (иногда при поддержке региональных правительств) формировались авторские коллективы из наиболее авторитетных и знающих специалистов, независимо от места их работы, как правило, руководство этими проектами осуществлялось научно-исследовательскими учреждениями, большинство из которых относились к числу академических. Исключения относятся к разряду подтверждающих само правило, так как имели место только в тех регионах, где институты РАН отсутствовали. Однако и здесь в некоторых случаях методическое руководство и/или редактирование коллективных монографий осуществлялись известными учеными из академических институтов, например, профессором С. И. Вайнштейном (Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая), академиком РАН А. П. Деревянко (Институт археологии и этнографии СО РАН), членом-корреспондентом РАН В. А. Ламиным (Институт истории СО РАН) и др.

На прошедшей недавно конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, 12–15 сентября 2013 г.) состоялась презентация одного из таких обобщающих академических трудов — «Истории башкирского народа». Этот фундаментальный труд был создан под эгидой Института истории, языка и ли-

тературы Уфимского научного центра РАН (далее — ИИЯЛ УНЦ РАН), Академии наук Республики Башкортостан и при поддержке Правительства Республики Башкортостан. Он состоит из 7 томов, выстроенных по хронологическому принципу, а также приложения — 7 томов «Документов и материалов по истории башкирского народа» [История башкирского народа 2009–2012; Документы и материалы 2012–2013].

Внимание авторов данной рецензии привлек 4-й том, хронологически охватывающий весь XIX в., в течение которого Россия шагнула от феодального абсолютизма через эпоху Великих реформ 1860-х гг. и коренные преобразования системы управления и внутренней политики, промышленный переворот и научно-техническую революцию в стадию монополистического капитализма, совершив значительный модернизационный рывок. На окраинах, особенно национальных, эти процессы преломлялись весьма специфическим образом, и Башкирия в этом отношении не была исключением. Комплексное и полноаспектное изучение особенностей этого процесса представляет собой весьма сложное, но крайне актуальное и, на наш взгляд, довольно интересное исследование.

Четвертый том «Истории башкирского народа» посвящен истории башкир с конца XVIII в. (с момента введения кантонной системы управления, коренным образом изменившей социально-политическую систему региона) до начала Русско-японской войны (ставшей предтечей первой русской революции, изменившей социально-политическую систему всей страны). Как видно из введения и анализа историографии и источников (1-я глава 1-го раздела), авторы тома не только подвергли всестороннему анализу имеющуюся литературу по истории башкир XIX в. и использовали научный потенциал, созданный предшествующими поколениями историков, но и привлекли обширную источниковую базу, причем значительное количество архивных документов по ряду вопросов было введено в научный оборот впервые.

История башкир в XIX в., как указано в «Предисловии» (с. 5), рассматривается авторами в рамках концепции интеграции Башкортостана в состав России, т. е. приспособления традиционных институтов башкирского общества к административной структуре Российского государства, вклю-

чения башкир в социокультурные процессы всего пространства империи. Основная концепция предопределила проблемно-хронологическую структуру тома, состоящего (помимо традиционных «Предисловия» и «Заключения») из двух основных разделов: 1) «Процесс интеграции башкир в административно-правовую структуру Российского государства. Кантонная система» (6 глав); 2) «Башкирский народ в модернизирующейся России» (5 глав). Если исключить вышеупомянутую главу по анализу историографии и источников (которую, на наш взгляд, логичнее было бы вынести за пределы раздела основной части и свести с предисловием в единую вводную часть), то в главах внутри обоих разделов последовательно рассматриваются особенности общественно-политического, социально-экономического и духовно-культурного развития башкирского общества.

Нельзя не согласиться с авторами в том, что кантонная система управления явилась оптимальной моделью интеграции башкир. Предыдущий, XVIII век в истории Башкирии можно назвать «бунташным» — практически все столетие регион сотрясали восстания, достигшие своего апогея во время движения Е. И. Пугачева. Избранная О. А. Игельстромом модель интеграции, реализуемой через вектор военной службы, оказалась весьма удачной и эффективной для системы управления краем: повстанческое движение постепенно сходит на убыль. Следует отметить, что идея интеграции инородцев через их перевод в статус военно-служилого сословия была отнюдь не нова и неоднократно выдвигалась управленцами высокого уровня (особенно из числа генералов) как раньше, так и позже, по отношению ко многим народам России, в том числе и к калмыкам. Однако именно в башкирском обществе такая система оказалась наиболее успешной и результативной. Авторы тома тщательно рассмотрели процессы создания и трансформации кантонной системы в течение всего времени ее существования, проанализировав проекты реформ Башкиро-мещеряжского (с 1855 г. Башкирского) войска, в котором к 1862 г. несла службу почти треть всего казачьего населения Российской империи. Учитывая важность данного аспекта, авторы уделили особое внимание эволюции военной службы башкир на протяжении XIX в. — от иррегулярного национального войска к служ-

бе по призыву в частях российской армии. Сотрудничество с национальной элитой и привлечение башкир к военной службе на пограничной линии и участию в походах российской армии в рамках кантонной системы позволили правительству преодолеть кризис и обеспечить продолжение интеграционных процессов.

Наиболее блистательным примером военной службы башкир в рамках кантонной системы стало их участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. Поскольку авторы данной рецензии специализируются на наполеоновских войнах [см., напр.: Максимов, Очиров 2012], то, наверное, будет понятен особо пристальный интерес к параграфам, посвященным этой теме. По массовости участия в этих войнах башкиры среди иррегулярных войск были вторыми после донских казаков. В войне 1812–1814 гг. башкирские полки (вместе с мишарскими и тептярскими) составили более трех четвертей всех национальных полков, выставленных российской армией против Наполеона. В данном томе хорошо показано, что полки, принявшие участие в боевых действиях, не затерялись в общей массе частей и с достоинством пронесли овеянные славой знамена от берегов реки Белой до набережной Сены. Башкирские иррегулярные полки, отличавшиеся повышенной мобильностью, прекрасно вписались в «скифскую» стратегию, избранную командованием российской армии в начале Отечественной войны, особенно в рамках партизанской войны. Мало того, по мере накопления опыта башкирские полки стали использовать как регулярные части, которые громили в рукопашных схватках кавалерию противника, опрокидывали пехотные колонны, брали штурмом батареи, осаждали крепости.

Следует отметить, что автором данных параграфов был введен в научный оборот значительный массив документов из фондов РГВИА (например, Ф. 103 «Барклай де Толли», Ф. 489 «Послужные списки», Ф. 846 «ВУА»), а также ЦИАМ, ЦИА РБ и др. Хотелось бы указать и на тот факт, что результаты исследований предварительно были апробированы в научных журналах и на конференциях [Рахимов 2008, 2009, 2010, 2011, 2012].

С другой стороны, совершенно очевидно, что от введения кантонной системы выиграла в основном элита башкирского

общества, а на рядовых башкир, которые имели минимальные права, легла вся тяжесть выполнения неимоверно трудных обязанностей, связанных с принадлежностью к военному сословию. Мало того, в отличие от казачьих войск, у башкир трудовые повинности преобладали над военной службой. В результате рядовые башкиры разорялись, некоторые из них на службу являлись безлошадными. Тем не менее, нельзя не согласиться с авторами в том, что «в исторически обозримом времени, вплоть до сегодняшнего дня, только во времена кантонной системы все башкиры, независимо от того, в какой губернии или местности они жили, имели одно общее управление, представляли себя как единое целое, что способствовало консолидации башкирского народа, развитию его самосознания. В связи с активным использованием башкир в войнах, которые вела страна, а также в процессе освоения степи у них формировалось сознание человека империи, участника процесса ее становления» (с. 353). Таким образом, кантонная система выполнила свою основную задачу по завершению процесса интеграции башкир в российское имперское пространство.

Отмена кантонной системы в 1863 г. и последовавшие затем реформы открыли для башкирского народа новую эпоху. В этот период начинают развиваться процессы аграрной модернизации, связанные как с наследием кантонной системы (насильственный перевод к оседлости и земледелию), так и с общими процессами развития капиталистических отношений, протекавших в России. Модернизация в сельском хозяйстве сопровождалась процессами социального расслоения башкирского общества. В первой половине XIX в. башкиры были вовлечены в промышленное производство — в работы на горных заводах, золотодобычу, поташное производство, которые имели сезонный характер. В башкирском обществе начали появляться новые социальные слои — сельские предприниматели (кулаки), фабрично-заводской пролетариат и т. д. Однако они составляли небольшую часть башкирского народа. Абсолютное большинство башкир по-прежнему оставалось общинниками, сохранив привычный образ жизни, основанный на аграрном хозяйстве. Вместе с тем, в башкирском обществе продолжился процесс дальнейшего формирования дворянства, начавшийся еще с конца XVIII в.

В годы Великих реформ страна вступила в новую эпоху, что, конечно же, не могло не отразиться и на национальных окраинах. В башкирском обществе происходят заметные изменения как в социальном, так и в культурном плане, начинается век просветительства. Одновременно с началом аграрной модернизации, происходящей на фоне перехода башкир к оседлости и земледелию, в крае усиливается приток переселенцев, особенно в конце XIX — начале XX в. Эти процессы проходили на фоне массового расхищения башкирских земель (особенно в 1870-х гг.) и разорения общинников, приведших к трагическим последствиям. В целом, процесс социокультурной интеграции в данном томе показан с учетом всей его сложности, без стремления к идеализации. На наш взгляд, в томе успешно исследованы процесс хозяйственного освоения края, начало аграрной модернизации и включение в нее башкир, вовлечение их в промышленное развитие и торговлю. В течение XIX в. постепенно, но неуклонно происходил переход на общеимперскую систему законодательства и управления с учетом местных традиций и условий. В целом, в книге большое внимание уделено состоянию и развитию башкирского общества как в период кантонной системы, так и в пореформенное время.

В книге большое внимание уделено демографическим процессам. Всесторонний и подробный анализ материалов ревизий позволил авторам подробно рассмотреть особенности демографического развития башкирского народа, выявить ее динамику и факторы, влиявшие на нее. В томе проанализировано положение башкирской семьи, ее эволюция, а также начало интеграции башкирского народа в урбанистическую среду в конце XIX в.

Коренные изменения произошли в образовательной системе, где на смену профессиональной школе начали приходить учебные заведения европейского (национального) типа с преподаванием на родном языке, ставшие наряду с правительственными русско-башкирскими учебными заведениями той основой, на которой выросла национальная интеллигенция и новая

культура. В томе обобщены результаты исследований жизни и деятельности башкирских просветителей, показан их вклад в развитие образования, литературы, башкирского языка. Оправдано и то, что освещая их жизненный путь и труды, авторы вышли за хронологические рамки исследования, поскольку некоторые просветители жили в начале XX в., и разрывать или отсекать их деятельность было нецелесообразно, поскольку в этом случае терялась цельность изложения.

В данном томе значительное внимание уделено и многим аспектам культуры башкирского народа, а также ее трансформации в пореформенный период. В работе проанализированы яркие образцы фольклора, рассмотрено развитие письменности и литературы, башкирского языка. Исследуемый период в истории башкирского литературного языка «стал связующим мостом двух крупных эпох (донациональной и национальной)» (с. 339), и авторы совершенно справедливо увязывают особенности трансформации культуры башкирского народа с социально-экономическими процессами пореформенного периода. Рассмотрение духовно-культурной сферы во взаимосвязи и в контексте общественно-экономического развития региона позволило создать цельную картину истории башкир в динамике на протяжении всего XIX столетия.

Большую ценность для читателей имеют и вспомогательные указатели: именной и географический. Представленный в этом томе список использованных источников и литературы представляет собой фактически библиографический справочник по истории Башкортостана XIX в. Нельзя не отметить и грамотный подбор иллюстративного материала, который удачно дополняет текстовое изложение.

Авторы рецензии пользуются случаем, чтобы поздравить коллег из ИИЯЛ УНЦ РАН с завершением столь важного фундаментального академического труда, который, без сомнения, станет исторической вехой не только в общественно-культурной жизни Республики Башкортостан, но и во всей востоковедческой науке России.

Литература

- Документы и материалы по истории башкирского народа: в 7 т.* / Российская акад. наук, Уфимский научный центр, Ин-т истории, языка и литературы, Правительство Республики Башкортостан, Акад. наук Республики Башкортостан; [гл. ред.: М. М. Кульшарипов]. Уфа: Гилем, 2012.
- История башкирского народа: в 7 т.* / Российская акад. наук, Уфимский научный центр, Ин-т истории, языка и литературы, Правительство Республики Башкортостан, Акад. наук Республики Башкортостан; [гл. ред.: М. М. Кульшарипов]. Т. I. М.: Наука, 2009. 400 с.; Т. II. Уфа: Гилем, 2012. 416 с.; Т. III. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.; Т. IV. СПб.: Наука, 2011. 400 с.; Т. V. Уфа: Гилем, 2010. 468 с.; Т. VI. М.: Восточная литература, 2011. 374 с.; Т. VII. Уфа: Гилем, 2012. 424 с.
- История Бурятии: в 3 т.* / Правительство Респ. Бурятия, Учреждение Российской акад. наук Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отд-ния РАН; [гл. ред. и рук. проекта Б. В. Базаров]. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 1. Древность и средневековье. 328 с.; Т. 2. XVII – начало XX в. 624 с.; Т. 3. XX – XXI вв. 464 с.
- История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т.* / Рос. акад. наук, Дагестан. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии; [редкол.: А. И. Османов (отв. ред.) и др.]. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. 627 с.; Т. 2. XX век. Махачкала: Юпитер, 2005. 657 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т.* / Российская акад. наук, Калмыцкий ин-т гуманитарных исслед. РАН; [редкол.: К. Н. Максимов (отв. ред.) и др.]. Элиста: Изд-во «Герел», 2009. Т. I. 848 с.; Т. II. 840 с.; Т. III. 752 с.
- История Карелии с древнейших времен до наших дней* / Кар. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории; [под общ. ред. Н. А. Кораблева и др.]. Петрозаводск: Перидика, 2001. 943 с.
- История Коми: с древнейших времен до конца XX в.: в 2 т.* / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории; [под общ. ред. А. Ф. Сметанина]. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. Т. I. 558 с.; Т. 2. 702 с.
- История Мордовии: в 3 т.* / Ист.-социол. ин-т Морд. гос. ун-та им. Н. П. Огарева (ИСИ); [под ред. Н. М. Арсентьева и В. А. Юрченкова]. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX века. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2001. 343 с.; Т. 2. От эпохи великих реформ до великой российской революции. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2005. 412 с.; Т. 3. От Гражданской войны к гражданскому обществу. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2010. 511 с.
- История Осетии: в 2 т.* / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исслед. им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания; [З. В. Канукова (гл. ред.) и др.]. Владикавказ: ИПО СОИГ-СИ, 2012. Т. 1: История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. 500 с.; Т. 2. История Осетии в XIX – начале XX века. 420 с.
- История Республики Алтай* / Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова; [Ред. А. П. Деревянко (гл. ред.) и др.]. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. Т. 1: Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. 359 с.
- История татар: в 7 т.* / Институт истории им. Ш. Марджани, Акад. наук Республики Татарстан; [редкол.: Р. С. Хакимов (гл. ред.) и др.]. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Изд-во «Рухият», 2002. 552 с.; Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. 960 с.; Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 1056 с.; Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. 1172 с. + 64 с. вкл.; Т. VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. 1008 с. + 64 с. вкл.
- История Тувы: [в 2 т.]* / Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва; [под общ. ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола]. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.
- История Тувы: [в 3 т.]* / М-во науки, учебных заведений и молодежной политики Респ. Тыва, Тувинский ин-т гуманитарных исслед. [под общ. ред. В. А. Ламина]. Т. 2. Новосибирск: Наука, 2007. 429 с.
- История Удмуртии: с древнейших времен до XV века* / Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Удмуртский ин-т истории, яз. и лит.; [редкол.: М. Г. Иванова (гл. ред.) и др.]. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО, 2008. 304 с.
- История Удмуртии: конец XV – начало XX века* / Рос. акад. наук, Ур. отд., Удмурт. ин-т

- истории, языка и литературы; [под. ред. К. И. Куликова]. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы, 2004. 549 с.
- История Удмуртии: XX век* / Рос. акад. наук, Ур. отд-ние, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит.; [редкол.: К. И. Куликов (гл. ред.) и др.]. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 2005. 543 с.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года* / Хакас. НИИ яз., лит. и истории; [отв. ред. Л. Р. Кызласов]. М.: Наука, Вост. лит., 1993. 528 с.
- История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 томах* / Правительство ЧР, М-во ЧР по нац. политике, печати и информ., Акад. наук ЧР; [редкол.: Ш. Б. Ахмадов (отв. ред.) и др.]. Т. 1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: Кн. изд-во, 2006. 826 с.; Т. 2: История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: Кн. изд-во, 2008. 830 с.
- История Чувашии новейшего времени* / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; [науч. ред. В. Н. Клементьев]. Кн. 1. 1917–1945. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2001. 262 с.; Кн. 2. 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2009. 398 с.
- Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: Герел, 2012. 519 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР: [в 2 т.]* / АН СССР. Ин-т истории; Калм. науч.-исслед. ин-т яз., литературы, истории; [Гл. ред. Н. В. Устюгов и др.]. Т. 1. Дооктябрьский

период. М.: Наука, 1967. 480 с.; Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.

- Очерки по истории Башкирской АССР: [в 2 т.]* / [Под ред. А. П. Смирнова и др.]; Акад. наук СССР. Башкир. филиал. Ин-т истории, яз. и лит. Т. 1. Ч. 1. Уфа: Башк. кн. издат., 1956. 303 с.; Т. 1. Ч. 2. Уфа: Башк. кн. издат., 1959. 539 с.; Т. 2. Уфа: Башк. кн. издат., 1966. 645 с.
- Рахимов Р. Н.* 1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 года // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Материалы II Международной научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2007 г.). Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2008. С. 283–292.
- Рахимов Р. Н.* Башкирские полки в 1812 году в современной историографии: от мифов к истории // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции, 9–11 сентября 2008 г. Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2009. С. 246–254.
- Рахимов Р. Н.* Документы о башкирских полках в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. Вып. 181. М.: ГИМ, 2009. Т. VIII. С. 291–300.
- Рахимов Р. Н.* Тревожная осень 1812 года // Ватандаш. 2011. № 7. С. 3–12.
- Рахимов Р. Н.* И Париж видали мы... Уфа: Китап, 2012. 192 с.

References

- [Documents and Materials on History of Bashkir People]. In 7 vol. M. M. Kulsharipov (ed.). Ufa: Gilem, 2012. (In Russ.)
- [Essays on History of Bashkir ASSR]. In 2 vol. A. P. Smirnov et al. (ed.). Vol. 1. Part. 1. Ufa: Bashkir Book Publ., 1956. 303 p. Vol. 1. Part 2. Ufa: Bashkir Book Publ., 1959. 539 p. Vol. 2. Ufa: Bashkir Book Publ., 1966. 645 p. (In Russ.)
- [Essays on the History of Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic]. In 2 vol. N. V. Ustyugov et al. (ed.). Vol. 1. Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. 480 p. Vol. 2. The Era of Socialism. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- [History of Bashkir People]. In 7 vol. M. M. Kulsharipov (ed.). Vol. I. Moscow: Nauka, 2009. 400 p. Vol. II. Ufa: Gilem, 2012. 416 p. Vol. III. Ufa: Gilhem, 2011. 476 p. Vol. IV. St. Petersburg: Nauka, 2011. 400 p. Vol. V. Ufa: Gilem, 2010. 468 p. Vol. V. Ufa: Gilem, 2010. 468 p. Vol. VI. Moscow: Vost.lit., 2011. 374 p. Vol. VII. Ufa: Gilem, 2012. 424 p. (In Russ.)
- [History of Buryatia]. In 3 vol. B. V. Bazarov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the RAS, 2011. Vol. 1. Ancient Times and Middle Ages. 328 p. Vol. 2. XVII – early XX c. 624 p. Vol. 3. XX - XXI cc. 464 p. (In Russ.)
- [History of Chechnya from Ancient Times to the Present Day]. In 2 vol. Sh. B. Akhmadov et al. (ed.). Vol. 1. History of Chechnya from Ancient Times to late 19th century. Grozny: Book Publ., 2006. 826 p. Vol. 2. History of Chechnya in the 20th and early 21st centuries. Grozny: Book Publ., 2008. 830 p. (In Russ.)
- [History of Chuvashia of the Modern Age]. V. N. Klementyev (ed.). Book 1. 1917–1945. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. 2001. 262 p. Book 2. 1945–2005. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2009. 398 p. (In Russ.)
- [History of Dagestan from Ancient Times to the Present Day]. In 2 vol. A. I. Osmanov et al. (ed.). Vol. 1. History of Dagestan from Ancient Times to the 20th century. Moscow: Nauka, 2004. 627 p. Vol. 2. XX Century. Makhachkala: Jupiter, 2005. 657 p. (In Russ.)
- [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]. In 3 vol. K. N. Maksimov et al. (ed.). Elista: Gerel, 2009. Vol. I. 848 p. Vol. II. 840 p. Vol. III. 752 p. (In Russ.)
- [History of Karelia from Ancient Times to the Present Day]. N. A. Korableva et al. (ed.). Petrozavodsk: Periodika, 2001. 943 p. (In Russ.)
- [History of Khakassia from Ancient Times to 1917]. L. R. Kyzlasov (ed.). Moscow: Nauka, Vost. lit., 1993. 528 p. (In Russ.)
- [History of Komi: from Ancient Times to late 20th cent.]. In 2 vol. A. F. Smetanin (ed.). Syktyvkar: Komi Book Publ., 2004. Vol. 1. 558 p. Vol. 2. 702 p. (In Russ.)
- [History of Mordovia]. In 3 vol. N. M. Arsent'ev, V. A. Yurchenkov (ed.). Vol. 1. From Ancient Times to the Middle of the XIX century. Saransk: Mordovia State University Publ., 2001. 343 p. Vol. 2. From the Era of Great Reforms to the Great Russian Revolution. Saransk: Mordovia State University Publ., 2005. 412 p. Vol. 3. From the Civil War to the Civil Society. Saransk: Mordovia State University Publ., 2010. 511 p. (In Russ.)
- [History of Ossetia]. In 2 vol. Z. V. Kanukova et al. (ed.). Vladikavkaz: North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of the RAS, 2012. Vol. 1. History of Ossetia from Ancient Times to late XVIII century. 500 p. Vol. 2. History of Ossetia in the XIX and early XX cc. 420 p. (In Russ.)
- [History of the Republic of Altai]. A. P. Derevyanko et al. (ed.). Vol. 1. Ancient Times and Middle Ages. Gorno-Altai: Institute of Altai Studies, 2002. 359 p. (In Russ.)
- [History of the Tatars]. In 7 vol. R. S. Khakimov et al. (ed.). Vol. I. The Peoples of Steppe Eurasia in Ancient Times. Kazan: Ruhayat, 2002. 552 p. Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: Ruhayat, 2006. 960 p. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Golden Horde). XIII – middle of XV cent. Kazan: Institute of History of Academy of Sciences of RT, 2009. 1056 p. Vol. VI. Formation of the Tatar Nation. XIX – early XX Century. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of Tatarstan, 2013. 1172 p. + 64 p. suppl. Vol. VII. Tatars and Tatarstan in the XX – early XXI cent. Kazan: Institute of History of Academy of Sciences of Tatarstan, 2013. 1008 p. + 64 p. suppl. (In Russ.)
- [History of Tuva]. In 2 vol. S. I. Weinstein. M. Kh. Mannay-oola (ed.) Vol. 1. 2nd ed. Novosibirsk: Nauka, 2001. 367 p. (In Russ.)
- [History of Tuva]. In 3 vol. V. A. Lamin (ed.). Vol. 2. Novosibirsk: Nauka, 2007. 429 p. (In Russ.)
- [History of Udmurtia: from Ancient Times to the XV century]. M. G. Ivanova et al. (ed.). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, 2008. 304 p. (In Russ.)
- [History of Udmurtia: late XV – early XX centuries]. Udmurt Institute of History, Language and Literature of the RAS. K. I. Kulikov (ed.). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, 2004. 549 p. (In Russ.)
- [History of Udmurtia: XX century]. K. I. Kulikov et al. (ed.). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, 2005. 543 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirov U. B. [Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Elista: Gerel, 2012. 519 p. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. [1st Bashkir Regiment in the Patriotic War of 1812]. In: [Borodino and Napoleonic Wars: Battles. Battlefields]. Conf. proc. (Borodino. September 3–5, 2007). Mozhaishk: State Borodino Military Historical Museum and Reserve, 2008. Pp. 283–292. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. [The Disquiet Autumn of 1812]. *Vatandash*. 2011. No. 7. Pp. 3–12. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. [And we have Seen Paris too...]. Ufa: Kitap, 2012. 192 p. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. [Bashkir Regiments in 1812 in Modern Historiography: from Myths to History]. In: [Patriotic War of 1812: Sources. Monuments. Problems]. Conf. proc. (Mozhaishk; September 9–11, 2008). Mozhaishk: State Borodino Military Historical Museum and Reserve, 2009. Pp. 246–254. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. [Documents on Bashkir Regiments in 1812]. In: [Era of 1812. Researches. Sources. Historiography]. To the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812. In: [Proceedings of State Historical Museum]. Iss. 181. Moscow: State Historical Museum, 2009. Vol. VIII. Pp. 291–300. (In Russ.)

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

С 26 июля по 5 августа 2013 года в Увс аймаке Монголии проводилась Международная научная экспедиция, посвященная 130-летию известного монголоведа А. В. Бурдукова. В проекте участвовали ученые России, Монголии и КНР. Идея проведения Международной научной экспедиции была выдвинута заместителем председателя Центра по изучению языка, истории и культуры ойратов «Тод номын гэрэл» (Монголия), доцентом Монгольского государственного педагогического университета На. Сухбаатаром и поддержана директором КИГИ РАН, к.полит.н. Н. Г. Очировой в ходе встречи в феврале 2013 года. Было принято решение о совместном проведении комплексной научной экспедиции с целью изучения языка, истории, культуры и быта ойратских народов Монголии, взаимообмена научными исследованиями ученых.

Организациями-участниками экспедиции явились: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Россия); Центр по изучению языка, истории и культуры ойратов «Тод номын гэрэл» (Монголия); Калмыцкий государственный университет (Россия); Тувинский институт гуманитарных исследований (Россия); Синьцзянская ассоциация по изучению ойратов (КНР); Северо-Западный университет национальностей (Ганьсу, КНР); Кобдоский государственный университет (г. Кобдо, Монголия); Монгольский государственный педагогический университет (г. Улан-Батор, Монголия). Большую поддержку в успешном проведении экспедиции оказали Администрация Увс аймака во главе с губернатором Д. Цэндсурэном, депутаты Народного Хурала Увс аймака, руководство административно-территориальных единиц (сомонов), члены Общественной организации «Тод номын гэрэл» — настоятель «Төгрөгийн күрэ» Манхан сомона Кобдоского аймака лама Ядамжав, да-лама монастыря г. Улангом Чимитдорж, директор телевидения Увс аймака «МВС», главный редактор Дэмбээгийн Мягмарсүрэн, руководитель театра «Ойрад» Увс аймака

Цэрэнгийн Лхагва, генеральный директор компании «ОТ Тур», член «Тод номын гэрэл» Жалав Батсух, генеральный директор компании «Буянт харгуй» Аюрзана Гантулга и др.

Республику Калмыкия в экспедиции представляли 12 ученых, в составе участников КИГИ РАН было 7 человек (д.и.н. Бакаева Э. П., к.ф.н. Омакаева Э. У., к.ф.н. Музраева Д. Н., к.ф.н. Борлыкова Б. Х., к.и.н. Кукеев Д. Г., д.и.н. Орлова К. В., к.б.н. Балинова Н. В.), в группу от Калмыцкого государственного университета входило 5 преподавателей и аспирантов (к.ф.н. Цеденова С. Н.; к.ф.н. Гедеева Д. Б.; Менкенова К. В.; Коваева Б. М.; Нанджит).

Маршрут экспедиции проходил через сомоны Сагил, Тургэн, Хяргас, Наранбулаг Увс аймака Монголии. Ученые ознакомились с народными традициями и культурой баитов, составляющих основное население сомонов Малчин, Хяргас, Наранбулаг, а также дербетов, проживающих в сомонах Сагил, Наранбулаг, Тургэн. В сомоне Малчин состоялась встреча участников экспедиции с премьер-министром Монголии Норовын Алтанхуягом, уроженцем Убсунурского аймака Монголии.

В период проведения экспедиции ученые и общественность Увс аймака приняли участие в Международной научной конференции, посвященной 130-летию известного востоковеда А. В. Бурдукова и состоявшейся в сомоне Хяргас, где почти два десятилетия жил и работал ученый. Ученые Калмыкии выступили с 6 докладами. В период проведения конференции в местности Хангилцаг сомона Хяргас состоялось торжественное открытие стелы в память о российском ученом А. В. Бурдукове.

В сямэ «Гандан Рааш Даржалин хийд», являющемся преемником баитского монастыря «Цалгарын хийд», ученые с интересом ознакомились с копией рукописи «Сарын гэрэл» («Биография Зая-пандиты»), оригинал которой в 1912 году А. В. Бурдуков приобрел у князя Нацагдоржа.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

2 сентября 2013 г. состоялась встреча коллектива КИГИ РАН с членом Комитета по науке, образованию, культуре и информационной политике Совета Федерации ФС РФ, кандидатом политических наук, абсолютным чемпионом мира по кикбоксингу Бату Сергеевичем Хасиковым. Одним из вопросов обсуждения являлся законопроект «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который находился на рассмотрении в Государственной Думе РФ. Открывая встречу, директор КИГИ РАН Н. Г. Очирова рассказала о ситуации, сложившейся в Российской академии наук в связи с принятием нового закона. Ученые Института — К. Н. Максимов, заведующий отделом истории, археологии и этнологии КИГИ РАН, д.и.н., профессор, У. Б. Очиров, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии, д.и.н., Б. А. Бичеев, заведующий отделом письменных памятников, литературы и буддологии, д.филос.н., Б. Х. Борлыкова, председатель Совета молодых ученых КИГИ РАН, к.ф.н. и др. — выразили свою обеспокоенность за дальнейшую судьбу российской науки, за развитие академической науки в регионах. Ученые КИГИ РАН обратились с просьбой к Б. С. Хасикову о содействии в приостановлении рассмотрения Государственной Думой РФ законопроекта «О реформе РАН...» и возвращении его на обсуждение и доработку с широким привлечением научной общественности и субъектов РФ.

5 сентября 2013 года, в День национальной письменности «Тодо бичиг», в КИГИ РАН состоялась презентация электронной версии «Калмыцко-русского словаря» под

редакцией Б. Д. Муниева, созданной сотрудниками Лаборатории прикладной и экспериментальной лингвистики (Куканова В. В., Каджиев А. Ю., Бембеев Е. В.). В реализации проекта консультативная помощь была оказана ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН, д.ф.н. С. А. Крыловым. Лексика словаря была озвучена ответственным редактором Издательского дома «Герел» Э. П. Канкаевым. В ходе презентации были продемонстрированы возможности использования словаря и вспомогательных компьютерных программ, которые размещены в свободном доступе на сайте <http://kalmcorporu.ru/dictionaries>. Одним из достоинств данной разработки является то, что электронная версия Калмыцко-русского словаря может работать на различных программных платформах: Windows, Linux, Android и других, что делает его одинаково доступным для пользователей стационарных ПК, мобильных телефонов и планшетов.

В презентации приняли участие заместитель министра образования, культуры и науки Республики Калмыкия Б. Б. Дякиева, заместитель Председателя общественного совета по развитию калмыцкого языка при Главе Республики Калмыкия А. Б. Санджиев, ответственный секретарь Совета А. Б. Панькин, настоятель Центрального хурула «Бурхн Багшин Алтн сүм» Анджалама, племянник Б. Д. Муниева правовед А. У. Муниев, учителя, воспитатели детских садов, преподаватели вузов и ссузов, монгольские студенты, обучающиеся в КалмГУ. Участники презентации отметили своевременность и востребованность данного программного продукта, его большую практическую значимость в изучении калмыцкого языка.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В текущем году КИГИ РАН издал:

Тодаева Б. Х. О научной работе в Китайской Народной Республике: дневниковые записи 1954–1957 гг. (Лингвистические экспедиции по изучению языков монгольских народностей Китая) / вступ. ст. Н. Г. Очировой. — Элиста: КИГИ РАН, 2013. — 88 с.

Издание представляет собой дневниковые записи выдающегося востоковеда, кандидата филологических наук Б. Х. Тодаевой. В процессе совместной экспедиции ученых АН СССР и АН КНР языки всех монголоязычных народностей Китая — монголов Внутренней Монголии, дагуров, монголов, дунсян, баоаней, ойратов, живущих

в провинциях Ганьсу, Цинхай и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, впервые стали предметом специального исследования и изучения.

Полевые исследования Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. 1. Ойраты Монголии: история и культура: Сборник статей и полевых материалов. – Элиста: КИГИ РАН, 2013. – 212 с.

Сборник является первым выпуском серийного издания, в котором опубликованы статьи ученых Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, основанные на полевых материалах международных научных экспедиций по террито-

рии Убсунурского и Кобдоского аймаков в 2007–2008 гг. В издании освещаются история, культура, языковые особенности ойратов Монголии.

Международные научные экспедиции ученых Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в Монголию 2007–2008 гг. Фотоальбом. – Элиста: КИГИ РАН, 2013. – 32 с.

Альбом является первым выпуском полевых фотоматериалов ученых Института, которые были отсняты в ходе международных научных экспедиций по территории Убсунурского и Кобдоского аймаков в 2007–2008 гг.

НАГРАДЫ В ОБЛАСТИ НАУКИ

12 августа 2013 года вышел Указ Главы Республики Калмыкия А. М. Орлова № 103 «О присвоении почётного звания «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия» Очирову Уташу Борисови-

чу, доктору исторических наук, доценту, ведущему научному сотруднику КИГИ РАН, за активную научно-практическую деятельность и многолетнюю плодотворную работу.

Материал подготовлен
ученым секретарем КИГИ РАН, к.ф.н.
Е. В. Бембеевым

ИСТОРИЯ

HISTORY

Бугай Н. Ф. Проблема территорий как составная часть национальной государственной политики в условиях принудительных переселений: идеология и практика
В статье рассматривается малоизученная и актуальная в российской исторической науке проблема территориального фактора в условиях принудительных переселений этнических общностей. Автор анализирует вопросы взаимосвязи человека и территории, направленности идеологических установок действовавшего режима власти в государстве, взаимосвязи и взаимообусловленности вопроса территориальности и межэтнических отношений.

Ключевые слова: территория, этническая общность, межэтнические отношения, нациестроительство, государство, принудительное переселение, реабилитация.

Кринко Е. Ф. Депортация народов и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1943–1944 гг.

Статья посвящена описанию советской национальной политики в годы Великой Отечественной войны. Главное внимание уделено депортации народов Северного Кавказа и административно-территориальным преобразованиям в регионе в 1943–1944 гг.

Ключевые слова: административно-территориальные преобразования, депортация, Северный Кавказ, балкарцы, ингуши, карачаевцы, чеченцы.

Максимов К. Н. Общественно-политическая ситуация в Калмыцкой АССР в 1943 г.

В статье рассматриваются вопросы общественно-политической ситуации в Калмыцкой АССР в 1943 г., после освобождения от немецкой оккупации. Автор отмечает, что, по заключению ЦК ВКП(б), в работе Калмыцкого обкома ВКП(б) в этот период имели место серьезные упущения, поэтому в руководстве Калмыцкой АССР возникли разногласия, повлекшие тяжелые последствия для автохтонного населения.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, освобождение, восстановление народного хозяйства, экономическая и политическая ситуация, кризис, взаимоотношения в руководстве, ЦК ВКП(б), Калмобком партии, секретари, репрессия.

Лиджиева И. В. Правовой статус спецпереселенцев в 40–50-е гг. XX в.

В статье дается анализ законодательства, регулирующего правовой статус спецпереселенцев в 1940–1950-е гг. в СССР. Автор приходит к выводу о том, что в связи с предпринимавшимися акциями по принудительному переселению создавалась нормативно-правовая база, противоречащая основным положениям Конституции СССР.

Ключевые слова: депортация, репрессии, правовой статус, спецпереселенец, спецпоселение.

Bugay N. The problem of the Territories as an Integral part of the State National Policy in Conditions of Forced Resettlement: Ideology and Practice

The article considers the poorly studied and actual in the Russian historical science problem of the territorial factor in conditions of forced relocations of ethnic communities. The author analyses issues of the interconnection of human being and territory, direction of ideological orientations of the regime in force in the state government, the relationship and interdependence of issue of territoriality and inter-ethnic relations.

Keywords: territory, ethnic community, inter-ethnic relations, nation construction, state, forced resettlement, rehabilitation.

Krinko E. Deportation of Peoples and Administrative-territorial transformations in the North Caucasus in 1943–1944

The article is devoted to the Soviet national policy in the years of the Great Patriotic War. The main attention is paid to the deportation of peoples of the North Caucasus and the administrative-territorial reforms in the region in 1943–1944.

Keywords: administrative-territorial transformations, deportation, North Caucasus, Balkars, Ingushs, Karachais, Chechens.

Maksimov K. Socio-Political Situation in the Kalmyk ASSR in 1943

The article examines the issues of socio-political situation in the Kalmyk ASSR in 1943, after the liberation from German occupation. The author notes that on the conclusion of the Central Committee of the CPSU(b) in the activity of the Kalmyk Oblast Committee of the CPSU(b) in this period there were serious shortcomings, that's why had disagreements the leadership of the Kalmyk ASSR which entailed hard consequences for the autochthonous population.

Keywords: Kalmyk ASSR, liberation, restoration of economy, economic and political situation, crisis, the relationships in the leadership, the Central Committee of the CPSU(b), Kalmyk Oblast Committee of party, secretaries, repression.

Lidzhieva I. The Legal Status of special resettlers in the 40–50th of the XX century

The article gives an analysis of the legislation regulating the legal status of special resettler in the 40–50s in the USSR. The author concludes that due to the undertaken actions of the referred settlement normative and legal base is created, which contradicts to the basic provisions of the Constitution of the USSR.

Keywords: deportation, repressions, legal status, special resettler, special settlement.

Очирова Н. Г. Насильственное переселение калмыцкого народа и проблемы демографии

В статье рассматриваются особенности демографической ситуации, сложившиеся в период незаконной депортации калмыцкого народа в восточные регионы СССР. Автор приводит сведения о численности ссыльных калмыков, географии их расселения, анализирует причины массовой гибели стариков, детей, женщин в местах поселения. В статье делается вывод о том, что принудительное переселение калмыцкого этноса привело к невосполнимым демографическим и культурным потерям, которые не преодолены и в настоящее время.

Ключевые слова: война, тоталитарный режим, принудительное переселение, демография, массовая гибель, последствия, преобразования.

Зберовская Е. Л. Калмыки-спецпереселенцы в Сибири: проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации

В статье рассматривается проблема влияния депортации на социокультурную систему калмыцкого этноса и сохранения этнической идентичности в условиях спецпоселения. Определяется взаимодействие двух разнонаправленных процессов — адаптации и сохранения этничности в условиях особого режима содержания калмыков.

Ключевые слова: депортация, спецпоселение, адаптация, социокультурная система, этническая идентичность, комплиментарность.

Оконова Л. В. Депортация немцев из Калмыцкой АССР

В данной статье автор на основе впервые выявленных документальных материалов Министерства внутренних дел по Республике Калмыкия описывает трагическую историю депортации немецкого населения из Калмыцкой АССР в 1941 г. в восточные районы СССР.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, 1941 год, немцы, национально-политические репрессии, депортация.

Бурькин А. А. Этнические и политические репрессии в СССР 1930–1950-х гг. как предмет комплексного гуманитарного исследования (наблюдения, воспоминания, размышления)

Статья обобщает опыт личного наблюдения и осмысления тех явлений, которые относились к депортации калмыков и этническим репрессиям 1940-х годов и более позднего времени в СССР и которые оставили заметный след в межэтнических отношениях и культуре. Автор отмечает, что эти проблемы нуждаются в глубоком и всестороннем комплексном исследовании. Он также уделяет внимание судьбе летчика калмыка Владимира Хомутникова, вместе с экипажем совершившего подвиг и погибшего 10 августа 1945 года, в которой открывается много неясностей, умолчаний и искажений.

Ключевые слова: репрессии, межнациональные отношения, гуманитарные и социальные науки, образование, Калмыкия, калмыки, евреи.

Ochirova N. Forced settlement of the Kalmyk People and Problems of demography

The article considers the peculiarities of the demographic situation prevailing during the period of illegal deportation of the Kalmyk people in the eastern regions of the country. The author gives information on the number of exiled Kalmyks, geography of their settlement, analyzes the reasons for the mass deaths of the elderly, children, women in places of settlement. The article concludes that the forced resettlement of the Kalmyk ethnos led to irreversible demographic and cultural losses, which have not been overcome and output currently.

Keywords: war, totalitarian regime, involuntary resettlement, demography, mass death, consequences, transformations.

Zberovskaya E. Kalmyks Forced Resettlers in Siberia: Problems of Preservation of the Ethnic Identity in the Deportation's Conditions

The influence of the deportation on the sociocultural system of the Kalmyk ethnos and the ethnic identity's conservation in the conditions of the referred settlement are examined in the article. The interaction of two oppositely directed processes is determined of the adaptation and preservation of the ethnicity in the condition of special regime of Kalmyks' life in exile is defined.

Keywords: deportation, referred settlement, adaptation, sociocultural system, ethnic identity, complementarity.

Okonova L. Deportation of Germans from the Kalmyk ASSR

The author describes the tragic history of deportation of the German population from the Kalmyk ASSR in 1941 to the eastern regions of the USSR on the basis of the newly discovered documentary materials of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Kalmykia.

Keywords: Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic, 1941, Germans, national and political repressions, deportation.

Burykin A.A. Ethnic and Political Repressions of the 1930–1950s in the USSR as a Subject of Complex Humanitarian Research (Thoughts, Memoirs, Observations)

The article generalizes experience of personal observation and appreciation of phenomena relating to the deportation of Kalmyks and ethnic repressions of 1940s years and later time in the USSR as part of the internal policy of the USSR, which have left an remarkable trace in interethnic relations and culture. The author notices that these problems need deep interdisciplinary complex research. He also pays attention to destiny of the pilot Kalmyk Vladimir Khomutnikov, together with crew committed his feat and died on August, 10th, 1945 in whose biography there are opening many ambiguities, and distortions open.

Keywords: repressions, international relations, humanitarian and social sciences, education, Kalmykia, Kalmyks, Jews.

Бадмаева Е. Н. О реализации продовольственной политики советского государства в 1941–1943 гг. (на примере Калмыцкой АССР)

В статье на основе анализа архивных документов и литературы показана деятельность органов власти по созданию продовольственной базы и организации нормированного снабжения продуктами питания населения Калмыкии в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: население Калмыкии, продовольственная база, нормированное распределение продуктов

Сартикова Е. В. Школьное образование в Калмыкии накануне депортации

В статье рассматривается состояние школьного образования в республике до насильственного переселения калмыков. Отмечается, что в этот период были, несомненно, достигнуты определенные успехи в школьном деле. Однако война и депортация калмыцкого народа отрицательно повлияли на образовательный уровень населения, в значительной мере ухудшили материально-техническую базу школ, кадровый потенциал учительства. После возвращения из депортации численность школьников была почти в два раза меньше довоенного периода.

Ключевые слова: Калмыкия, образовательная система, депортация.

Гаряева З. Г. Последствия немецкого оккупационного режима в годы Великой Отечественной войны в Западном улусе Калмыцкой АССР

В статье рассматриваются развитие Западного улуса Калмыцкой АССР в предвоенные годы и разрушительные последствия фашистского оккупационного режима во время войны. Автор описывает людские потери и материальный ущерб, нанесенный Калмыкии, на примере одного из ее районов (улусов).

Ключевые слова: ущерб, оккупация, немецко-фашистские войска, Западный улус, итоги.

Малышева Е. М., Гараджа Н. А. Интерпретация социальной истории периода Великой Отечественной войны: источниковедческие подходы

В статье дается попытка анализа некоторых источниковедческих, теоретико-методологических ориентиров и стратегий исследования проблемы интерпретации социальной истории Второй мировой войны. Особое внимание уделяется проблеме восприятия событий и самоидентификации личности на войне.

Ключевые слова: методология, источниковедческий анализ, интерпретация, локальная история, личность, мотивация, аксиологические установки, «фольк-хистори», остарбайтеры, листовки.

Badmaeva E. On the Implementation of the Food policy of the Soviet State in 1941–1943th (on example of the Republic of Kalmykia)

The article based on an analysis of archival documents and literature shows the activities of the authorities on establishment of food base and the organization of the normalized food supply of the population of Kalmykia in the years of the Great Patriotic War.

Keywords: the population of Kalmykia, food storage, the normalized distribution of products.

Sartikova E. School Education in Kalmykia on the eve of Deportation

The article discusses the state of school education in the republic before forced relocation of the Kalmyks. It is noted that in this period has been undoubtedly achieved some success in school affairs. However, the war and the deportation of the Kalmyk people adversely affected the educational level of the population, significantly worsened the material-technical base of schools, teaching staff capacity. After the return from exile the number of school children was almost twice less than in the pre-war period.

Keywords: Kalmykia, educational system, deportation.

Garyaeva Z. Consequences of the German Occupation Regime in the years of the Great Patriotic War in the Zapadny Ulus of the Kalmyk ASSR

The article considers the development of the Zapadny Ulus Kalmyk ASSR in the pre-war years and destructive consequences of the German occupation regime during the war. The author describes human loss and material damage inflicted to Kalmykia on example of one of its regions (ulus).

Keywords: damage, the occupation, the German-Nazi troops, Zapadny ulus, results.

Malysheva E., Garazgha N. Interpretation of the Social History of the Period of the Great Patriotic War: source approaches

The article gives an attempt of analysis of some of source, theoretical and methodological orientations and strategies of researching of problem of interpretation of social history of the Second World War. The special attention is paid to the problem of perception of events and self-identification of personality in war.

Keywords: methodology, source analysis, interpretation, local history, personality, motivation, axiological attitudes, «Folk-History», ostarbaiters, flyers.

Хлынина Т. П. Формирование советской национальной политики: между изобретением традиции и воображаемыми сообществами

Статья посвящена описанию формирования советской национальной политики. Особое внимание уделяется вопросам разработки ее теоретических основ. Прослеживается влияние традиции и нациестроительства на решение национального вопроса в советской России.

Ключевые слова: национальная политика, российская социал-демократия, традиция, воображаемые сообщества, национальный вопрос, В. И. Ленин, И. В. Сталин.

Khlynina T. Formation of the Soviet National Policy: between the Invention of Tradition and Imagined Communities

The article is devoted to the description of formation of the Soviet national policy. The particular attention is paid to the issues of elaboration of its theoretical foundations. It shows the influence of tradition and nation-building on the solution of the national question in the Soviet Russia.

Keywords: national policy, the Russian social-democracy, tradition, imagined communities, national question, V. I. Lenin, I. V. Stalin.

Сивков С. М., Иванцов И. Г. Национально-территориальное строительство на Северо-Западном Кавказе в 1917–1930-х гг.

В данной статье освещаются проблемы национально-территориального строительства на Северо-Западном Кавказе в 1917–1930-х гг., рассматриваются различные подходы в решении данного вопроса лидерами национальных движений, партий и государственных деятелей того периода.

Ключевые слова: Кубань, советская власть, национальные меньшинства, малые формы автономии.

Sivkov S., Ivantsov I. National-Territorial Construction in the North-West Caucasus in the 1917–1930s

The article is covered problems of the of national territorial construction of the North-West Caucasus in the 1917–1930s, considers various approaches in solving of this issue by leaders of national movements, parties and statesmen of that period.

Keywords: Kuban, Soviet regime, national minorities, little forms of autonomy.

Безугольный А. Ю. Призывное законодательство и комплектование Рабоче-Крестьянской Красной Армии представителями нерусских национальностей в 1920-е гг.

Статья посвящена описанию истории комплектования частей Красной Армии представителями нерусских народов и опыта формирования национальных частей в 1920-х гг. Особое внимание уделено анализу особенностей у представителей нерусских народов как военнообязанных и военнослужащих, а также решению связанных с этим проблем руководством советских вооруженных сил.

Ключевые слова: Красная Армия, национальное военное строительство, народы СССР.

Bezugolny A. Conscription Legislation and Recruiting of the Workers' and Peasants' Red Army by the Representatives of the Non-Russian Peoples in the 1920s

The article is devoted to the history of recruiting of the units of the Red Army by the representatives of the non-Russian peoples and experience of forming of the national units in the 1920s. The special attention is paid to the analysis of the peculiarities of the representatives of the non-Russian peoples as the military service and military personnel as well as solution of concerned problems by the leadership of the Soviet Armed Forces.

Keywords: Red Army, national military construction, peoples of the USSR.

ЭТНОГРАФИЯ

Батыров В. В. История и этнография калмыков в «Кратком описании калмыцкого и туркменского народов» Я. К. Ващенко

В статье рассматриваются работа Главного пристава калмыцкого народа Я. К. Ващенко «Краткое описание калмыцкого и туркменского народов» как источник по изучению материальной и духовной культуры калмыцкого и туркменского этносов в начале XIX в., а также деятельность царского чиновника в Калмыцкой степи.

Ключевые слова: история Калмыкии, история России, этническая история.

ETHNOLOGY

Batyrov V. History and Ethnography of the Kalmyks in «The Short Description of the Kalmyk and the Turkman Peoples» by J. Vatsenko

The article deals with the work of the Principal Officer of the Kalmyk people by J. Vatsenko named «The short description of the Kalmyk and the Turkman peoples» as a source of study of the material and spiritual culture of the Kalmyk and Turkman ethnos in the beginning of the XIXth century, as well as the activity of the tsarist official in Kalmyk steppe.

Keywords: history of Kalmykia, history of Russia, ethnic history.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Пюрбеев Г. Ц. Термины родства и семейно-родственных отношений в памятнике монгольского права XVIII в. «Халха джирум»

В статье анализируется функционирование терминов родства в юридических текстах на материале памятника монгольского права «Халха джирум». Слова, подвергшиеся анализу, определяют и подчеркивают специфику семейно-родственных отношений в монгольском обществе XVIII в.

Ключевые слова: монгольское право, терминология родства, семейно-родственные отношения, лексика, Монголия XVIII в., памятник.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ханинова Р. М. Образ «последней» ссыльной калмычки в повести О. Волкова «Погружение во тьму»

В статье исследуется тема депортации калмыцкого народа в период сталинских репрессий на примере образа «последней» калмычки из повести О. Волкова «Погружение во тьму». Эта безымянная женщина стала символом трагической участи ссыльного народа, разлученного с родиной предков.

Ключевые слова: депортация, калмычка, символ, сталинские репрессии, неволя, смерть, север.

ЭКОНОМИКА

Немгирова С. Н. Процессы трансформации промышленности республик Юга России в 1960–1980-е гг.

В статье выявлены и проанализированы тенденции, связанные с изменением институтов управления промышленностью республик Юга России, динамики и структуры промышленного производства, также рассмотрены закономерности асимметричного развития промышленности национальных регионов накануне рыночных преобразований.

Ключевые слова: промышленность, диверсификация, капитальные вложения, диспропорция, Юг России.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гунаев Е. А. Ценность правового государства и прав человека — конституционный императив при исследовании истории репрессий народов в СССР в 30–50-е гг. XX в.

В статье анализируется ряд публикаций, посвященных проблемам насильственного переселения народов, и дается обоснование необходимости соблюдения конституционного императива (требования) ценности правового государства и прав человека при исследовании истории депортации и реабилитации репрессированных народов. По мнению автора, данный вопрос является частью общей проблемы десталинизации российского общества.

Ключевые слова: депортация, репрессия народов СССР, реабилитация, сталинизм, десталинизм, конституционные ценности.

LINGUISTICS

Purbееv G. Terms of kinship and family — kinship relations in the Monument of the Mongolian Law XVIII Century «Khalkha Dzhirum»

The article analyzes the functioning of kinship terms in legal texts on the material of the monument of the Mongolian law «Khalkha Dzhirum». Words subjected to analysis define and emphasize the specificity of family-kinship relations in Mongolian society of the XVIIIth century.

Keywords: Mongolian law, the terminology of kinship, family-kinship relations, vocabulary, Mongolia of the XVIII century, monument.

LITERATURE STUDIES

Khaninova R. Image of the «Last» Exiled Kalmyk Woman in O. Volkov's Story «Being Plunged into Darkness»

The article examines the theme of deportation of the kalmyk people in the period of Stalin's repressions on the example of the image of the last Kalmyk woman in O. Volkov's story «Being plunged into darkness». This nameless woman became a symbol of the tragic fate of the exiled people who was separated from its ancestral homeland.

Keywords: deportation, Kalmyk woman, symbol, Stalin's repressions, captivity, death, north.

ECONOMICS

Nemgirova S. Processes of Transformation in Industry of the Republics of South of Russia in the 1960–1980s.

The article reveals and analyses trends connected with changing of institutions of industrial management of republics of the South of Russia, the dynamics and structure of industrial production, justified regularities of asymmetric development of industry in the national regions on the eve of market reforms are also considered.

Keywords: industry, diversification, capital investments, disproportion, South of Russia.

JURISPRUDENCE

Gunaev E. Value of a Legal State and Human Rights — Constitutional Imperative in the Study of the History of Repression of Peoples in the USSR in the 30–50s XX century

The article analyses a number of publications devoted to the problems of forced relocation of peoples and gives substantiation of necessity of observance of the constitutional imperative (requirement) of values of legal state and human rights in the study of the history of the deportation and the rehabilitation of repressed peoples. According to the author, this issue is a part of the overall problem of de-Stalinization of the Russian society.

Keywords: deportation, the repressions of the peoples of the USSR, rehabilitation, Stalinism, de-Stalinization, constitutional values.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Бадмаева Екатерина Николаевна — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Батыров Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

Безугольный Алексей Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (Москва). E-mail: besu111@yandex.ru.

Бугай Николай Федорович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва). E-mail: nikolay401@yandex.ru.

Буркин Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований (Санкт-Петербург). E-mail: albury@rambler.ru.

Гаража Наталья Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права филиала Российского государственного социального университета (Майкоп). E-mail: ngarazha@yandex.ru.

Гаряева Заяна Геннадьевна — аспирант отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: Garyaeva@mail.ru.

Гунаев Евгений Александрович — кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: gunayev@yandex.ru.

Зберовская Елена Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Красноярск). E-mail: zberovskay@mail.ru.

Ekaterina Badmaeva — Ph. D. of History, Associate Professor, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Valery Batyrov — Ph. D. of History, senior research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

Aleksei Bezugolny — Ph. D. of History, senior research worker of Scientific and Research Institute (of war history) of War Academy of General staff Armed Forces of Russian Federation (Moscow). E-mail: besu111@yandex.ru.

Nicolay Bugay — Ph. D. of History, professor, chief research worker of Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: nikolay401@yandex.ru.

Alexey Burykin — Ph. D. of Philology, Ph. D. of History, leading research worker of Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Sankt-Peterburg). E-mail: albury@rambler.ru.

Natalia Garazha — Ph. D. of History, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the branch of the Russian State Social University (Maikop). E-mail: ngarazha@yandex.ru.

Zayana Garyeva — post-graduate student of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: Garyaeva@mail.ru.

Evgeniy Gunaev — Ph. D. of Jurisprudence, research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: gunayev@yandex.ru.

Elena Zberovskaya — Ph. D. of History, Associate professor of the Department of world History of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. Astafyev (Krasnoyarsk). E-mail: zberovskay@mail.ru.

Иванцов Игорь Григорьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств (Краснодар). E-mail: IIG23@yandex.ru.

Кринко Евгений Федорович — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону). E-mail: krinko@mail.ru.

Лиджиева Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: irina-lg@yandex.ru.

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, заведующий отделом истории, этнологии и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Малышева Елена Михайловна — доктор исторических наук, академик РАН, профессор Адыгейского государственного университета (Майкоп). E-mail: ngarazha@yandex.ru.

Немгирова София Николаевна — кандидат экономических наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института комплексных исследований аридных территорий (Элиста). E-mail: nereatsof@mail.ru.

Оконова Людмила Вячеславовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Очиров Уташ Борисович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Очирова Нина Гаряевна — кандидат политических наук, доцент, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Пюрбеев Григорий Церенович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва). E-mail: pyurbееv@yandex.ru.

Igor Ivantsov — Ph. D. of History, Associate Professor of Department of History and Museology of the Krasnodar State University of Culture and Arts (Krasnodar). E-mail: IIG23@yandex.ru.

Evgeniy Krinko — Ph. D. of History, Deputy Director for Science of the Institute of Social, Economic and Humanitarian Researches of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don). E-mail: krinko@mail.ru.

Irina Lidgieva — Ph. D. of History, research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: irina-lg@yandex.ru.

Konstantin Maksimov — Ph. D. of History, Head of the Department of History, Archeology and Ethnology of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Elena Malysheva — Ph. D. of History, Professor of the Adyg State University, Academic of RAS (Maikop). E-mail: ngarazha@yandex.ru.

Sofiya Nemgirova — Ph. D. of Economics, Head of the Department of social-political researches of the Institute of complex researches of arid territories (Elista). E-mail: nereatsof@mail.ru.

Lyudmila Okonova — Ph. D. of History, research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Utash Ochirov — Ph. D. of History, leading research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Nina Ochirova — Ph. D. of Politology, Associate Professor, Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Grigoriy Purbeev — Ph. D. of Philology, chief research worker of Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: pyurbееv@yandex.ru.

Сартикова Евгения Викторовна — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru.

Сивков Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии и истории Южного института менеджмента (Краснодар). E-mail: chessm53@mail.ru.

Ханинова Римма Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: rhaninova@mail.ru.

Хлынина Татьяна Павловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону). E-mail: tatiana_xl@mail.ru.

Evgeniya Sartikova — Ph. D. of History, Associated Professor, senior research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru.

Sergey Sivkov — Ph. D. of History, Head of Department of the Philosophy and History of South Institute of Management (Krasnodar). E-mail: chessm53@mail.ru.

Rimma Khaninova — Ph. D. of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the Russian and Foreign Literature of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: rhaninova@mail.ru.

Tatiana Khlynina — Ph. D. of History, chief research worker of Institute of Socio-Economic and Humanitarian Researches of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don). E-mail: tatiana_xl@mail.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полупуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисовочных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 3, 2013

Сдано в набор 20.08.2013. Подписано в печать 10.09.2013. Формат бумаги 60х84¹/₈.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,8. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН
(358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).